

СИРЬЕ КУПП-САЗОНОВ

О роли грамматики в переводе
(на материале временных форм
глагола в русском и эстонском языках)

СИРЬЕ КУПП-САЗОНОВ

О роли грамматики в переводе
(на материале временных форм
глагола в русском и эстонском языках)

Отделение славистики философского факультета Тартуского
университета, Тарту, Эстония

Научный руководитель: профессор-эмеритус, кандидат филологических
наук И. П. Кюльмоя

Диссертация допущена к защите на соискание ученой степени доктора философии по русскому языку на основании докторской программы по русской и славянской филологии решением Объединенного совета философского факультета Тартуского университета по присуждению докторских степеней 19 июня 2015 г.

Рецензенты: Ханну Томмола, PhD, профессор-эмеритус Тамперского университета (Финляндия)
Наталья Николаевна Колпакова, канд. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой финно-угорской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Россия)

Оппоненты: Ханну Томмола, PhD, профессор-эмеритус Тамперского университета (Финляндия)
Наталья Николаевна Колпакова, канд. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой финно-угорской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Россия)

Защита состоится 11 сентября 2015 г. в 12 часов в аудитории 114 в здании философского факультета (ул. Якоби 2).

ISSN 1406–0809
ISBN 978-9949-32-849-9 (print)
ISBN 978-9949-32-850-5 (pdf)

Copyright: Sirje Kupp-Sazonov, 2015

University of Tartu Press
www.tyk.ee

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	8
История русско-эстонского перевода и его критики	8
К вопросу о роли грамматики в теории перевода	12
Цель и структура диссертации	21
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	25
1.1. Время и (видо)временные формы глагола в русском и эстонском языках	25
1.1.1. Частные значения СВ.....	31
1.1.2. Частные значения НСВ	32
1.2. Понятия, связанные с временными формами глагола в русском и эстонском языках.....	41
1.2.1. Общие и частные значения.....	41
1.2.2. Абсолютное и относительное употребление временных форм ..	42
1.2.3. Переносное/метафорическое употребление временных форм ...	43
1.2.4. Таксис	46
ГЛАВА 2. СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПЛАН НАСТОЯЩЕГО	51
2.1. Форма настоящего времени НСВ в русском языке.....	51
2.1.1. Прямое употребление формы настоящего времени НСВ.....	51
2.2. Форма настоящего времени (olevik) в эстонском языке.....	54
2.2.1. Прямое употребление формы настоящего времени в эстонском языке.....	55
2.3. Переносное употребление временных форм в семантическом плане настоящего	55
2.4. Перевод русских форм, выражающих семантический план настоящего, на эстонский язык.....	58
2.5. Выводы	64
ГЛАВА 3. СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПЛАН БУДУЩЕГО	66
3.1. Форма будущего времени НСВ в русском языке.....	66
3.1.1. Прямое употребление формы будущего времени НСВ в русском языке.....	67
3.2. Форма настоящего-будущего времени СВ в русском языке.....	68
3.2.1. Прямое употребление формы настоящего-будущего времени СВ	68
3.3. Семантический план будущего (tulevik) в эстонском языке	69
3.3.1. К вопросу о существовании формы будущего времени в финно-угорских языках и в эстонском языке	69
3.3.2. Средства выражения значения будущего времени в эстонском языке.....	71
3.3.2.1. Форма настоящего времени.....	72
3.3.2.2. Аналитические конструкции	74
3.4. Переносное употребление временных форм в семантическом плане будущего	79

3.4.1. Настоящее при обозначении будущих действий	80
3.4.2. Прошедшее при обозначении будущих действий.....	81
3.5. Перевод русских форм, выражающих семантический план будущего, на эстонский язык.....	82
3.6. Выводы	92

ГЛАВА 4. ФОРМЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПЛАН ПРОШЛОГО 94

4.1. Формы прошедшего времени в русском языке	94
4.1.1. Прямое употребление формы прошедшего времени НСВ в русском языке.....	97
4.1.2. Прямое употребление формы прошедшего времени СВ в русском языке.....	102
4.2. Формы прошедшего времени (minevik) в эстонском языке	108
4.2.1. Претерит или простое прошедшее время (lihtminevik) в эстонском языке.....	111
4.2.1.1. Общая характеристика формы претерита.	111
4.2.1.2. Прямое употребление формы претерита.....	113
4.2.2. Перфект (täisminevik) в эстонском языке.....	119
4.2.2.1. Общая характеристика формы перфекта.	119
4.2.2.2. Прямое употребление формы перфекта в эстонском языке	120
4.2.3. Плюсквамперфект (ennevinevik) в эстонском языке.....	128
4.2.3.1. Общая характеристика формы плюсквамперфекта.	128
4.2.3.2. Прямое употребление формы плюсквамперфекта в эстонском языке	128
4.3. Переносное употребление временных форм в семантическом плане прошлого	133
4.3.1. Форма настоящего времени при обозначении прошедших действий	133
4.3.1.1. Настоящее историческое (praesens historicum).....	133
4.3.1.2. Настоящее эмоциональной актуализации.....	140
4.3.2. Форма настоящего-будущего СВ при обозначении прошедших действий	143
4.4. Перевод русских форм, выражающих семантический план прошлого, на эстонский язык.....	144
4.5. Выводы	174

ГЛАВА 5. СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПЛАН НЕЛОКАЛИЗОВАННОСТИ ВО ВРЕМЕНИ..... 176

5.1. О нелокализации во времени	176
5.2. Форма настоящего времени при выражении действий, не локализованных во времени.....	179
5.2.1. Форма настоящего времени НСВ при выражении действий, не локализованных во времени, в русском языке	179
5.2.2. Форма настоящего времени при выражении действий, не локализованных во времени, в эстонском языке	182

5.3. Формы будущего времени при выражении действий, не локализованных во времени.....	184
5.4. Формы прошедшего времени при выражении действий, не локализованных во времени.....	188
5.4.1. Формы прошедшего времени при выражении действий, не локализованных во времени, в русском языке	188
5.4.2. Формы прошедшего времени при выражении действий, не локализованных во времени, в эстонском языке	189
5.5. Перевод русских форм, выражающих семантический план нелокализованности во времени, на эстонский язык.....	190
5.6. Выводы	195
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	198
ЛИТЕРАТУРА	206
Источники примеров.....	218
KOKKUVÕTE	227
ABSTRACT	240
CURRICULUM VITAE	241
ELULOOKIRJELDUS	243

*За пределами нашего разума
не существует ни прошлого,
ни настоящего, ни будущего.
(Д. Делилло «Белый шум»)*

ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование посвящено роли грамматики в русско-эстонском переводе временных форм глагола. Научный анализ перевода может казаться спорным вопросом, так как существует мнение, что перевод является сугубо творческим процессом и не имеет смысла пытаться описать его лингвистически. В то же время Е. Г. Эткинд утверждает, что среди всех видов творческой деятельности для перевода больше всего необходима научная основа. Для того чтобы с помощью средств другого языка пересоздать художественное произведение, в том числе разные его смысловые, формальные, экстралингвистические и лингвистические элементы, необходимо проникнуть в суть структуры этой целостности, поэтому, по его мнению, процессу перевода должен предшествовать многосторонний анализ текста [Эткинд 1970: 15–17].

Если принять эту точку зрения, то не возникает сомнения в том, что для лингвистического изучения перевода чрезвычайно важную роль играет контрастивная лингвистика. Некоторые исследователи, в том числе, Я. И. Рецкер убеждены, что перевод невозможен без лингвистической основы. Для создания такой базы требуется контрастивное изучение языковых явлений и выявление соответствий (в лексике, фразеологии, синтаксисе и стиле) между исходным языком (далее ИЯ) и переводящим языком (далее ПЯ) [Рецкер 1950: 156]. Более подробно о роли лингвистики, в частности, грамматики в теории перевода см. на с. 12–21.

В рамках нашей диссертации охватить всю грамматическую систему обоих языков по объективным причинам невозможно, поэтому материалом анализа служат **временные формы глагола**, их семантика, функциональные особенности и учет этих факторов при переводе с русского языка на эстонский. Особенно важно это в художественном тексте, однако может быть значимым и в других функциональных стилях. Для начала следует сказать несколько слов об истории русско-эстонского перевода и его критики.

История русско-эстонского перевода и его критики

Прежде всего необходимо определить, что имеется в виду под понятием «история перевода», так как, например, П. Тороп приводит в своей докторской диссертации несколько разных вариантов: «является ли она

историей переводческих произведений (что когда переведено), или она должна выявить уровень качества переводов в разные периоды, или она должна стать историей методов перевода, или это история переводческой мысли и т. д.» [Тороп 1995: 34]. В нашей диссертации история перевода, рассматривается в первую очередь как деятельность в целом.

Нельзя забывать о том, что в определенные периоды русский язык играл чрезвычайно важную роль в жизни Эстонии. В настоящее время, поскольку в Эстонии в соответствии с Законом о языке деловое общение, делопроизводство в государственных учреждениях и в частном секторе осуществляются на эстонском языке, то в условиях диаспоры официально-деловая коммуникация оказывается преимущественно переводной [Щаднева 2011: 540]. По данным переписи 2011-го года, русский является родным или основным языком общения для 24,8% населения страны [Eesti Statistika 2011]. Им пользуются также другие жители страны, в том числе и эстонцы, для которых русский – первый или второй иностранный язык. В течение семи веков на территории Эстонии основным языком делопроизводства и образования вплоть до конца XIX века был немецкий, затем его в этой роли заменил русский. Официальный статус эстонский язык получил после обретения Эстонией независимости в 1918 году. После инкорпорации Эстонии в СССР в 1940 году русский язык восстановил в Эстонии свой статус, будучи государственным языком на всей территории СССР. С восстановлением независимости в 1991 году эстонский язык стал государственным языком, русский же утратил часть своих функций [Кюльмоя 2009: 12], однако в эстонском языке до сих пор наблюдается влияние русского языка¹.

Предположительно первый перевод русского художественного произведения на эстонский язык был опубликован в 1806 году в первой эстонской газете «Tarto maa rahwa Näddali-Leht», это была повесть Н. М. Карамзина «Фрол Силин» [Issakov 1974: 319]. Начиная с 20-х годов XIX века число переводов на эстонский язык растет, в первую очередь это были разные прикладные тексты: официальные указы, законы и т. п. В середине XIX века появились «Эстонско-русский словарь» [Луний 1853] и «Словарь употребительнейших слов и выражений в русском и эстонском языках» [Мевес 1876], однако У. Лийваку считает, что эти словари не оказали особого влияния на словарный запас эстонского языка [Liivaku, Meriste 1975: 14].

Начало второго периода переводов с русского языка на эстонский можно датировать 80-ми годами XIX века. Начиная с этого времени количество переводов с русского языка значительно увеличилось. Этот период оценивается по-разному, например, Р. Вейдеманн пишет: «Мы можем относиться к периоду русификации конца XIX века как к ущемлению культуры, но в то же время надо признать, что большая часть тогдашней

¹ О возможных влияниях русского языка на эстонский см. [Blokland, Kehayov 2010].

западной философской, общественной литературы достигла эстонского культурного сознания через переводы с русского языка» [Вейдеманн 16.03.2009]. С точки зрения русско-эстонских переводов, период до начала Первой мировой войны является очень важным: появились первые терминологические словари. Это было обусловлено и тем, что значительно возросло количество утилитарных текстов [Liivaku, Meriste 1975: 3]. Это, в свою очередь, обусловило появление многих новых терминов в эстонском языке. В конце 80-х годов XIX века появилось множество официальных изданий, в том числе уставов и отчетов разных организаций, которые были представлены на двух языках: русском (оригинал) и эстонском (перевод).

Следующим этапом можно считать первый период независимости Эстонии (1918–1940)², когда параллельно происходили два процесса: книги публиковались в больших количествах, нежели когда-либо ранее, но число переводных среди них резко уменьшилось. Важное изменение наблюдается и в выборе языков: если до Первой мировой войны на первом месте стояли русский и немецкий, то в это время самым «популярным» языком, с которого делались переводы, стал английский. Изменившаяся роль русского языка подчеркивается еще тем фактом, что за это время (1918–1940) не вышло ни одного нового русско-эстонского или эстонско-русского словаря.

Новый этап развития начинается после Второй мировой войны, когда переводы с русского языка составляют 88% всех переводов. После войны не хватало профессиональных переводчиков, особенно это касалось русско-эстонских специалистов. Тем не менее, в конце 1940-х годов переводилась и научная литература, например, были переведены *Избранные статьи* В. Г. Белинского в трех томах (1948–1949). Исследователи отмечают, что в Эстонии качество переводов художественной литературы было всегда выше, чем качество переводов нехудожественных текстов. Главной причиной этого является то, что переводчики художественной литературы составляли устойчивую группу, тогда как среди переводчиков утилитарных текстов было очень много случайных, неопытных людей. Немаловажно также, что за перевод художественной литературы платили в несколько раз больше, чем за перевод делового текста [Там же: 20–25].

По поводу современного состояния русско-эстонского перевода в Эстонии можно сказать, что уже начиная с 90-х годов прошлого века переводческая деятельность резко изменилась: она стала в большей мере ориентироваться на Запад, в основном, переводы стали делаться с английского языка. Они преобладают как в художественной литературе, так и в разного рода утилитарных и научных текстах. Однако имеются переводы и с русского языка, чаще всего переводят, конечно, художественные тексты, но можно найти примеры переводов и научной литературы, в частности,

² О переводоведении в Эстонии в XX в. см. [Gielen 2013]

переведены такие труды Ю. М. Лотмана, как *Беседы о русской культуре* (2003–2006), *Структура художественного текста* (2006), *Александр Пушкин* (2003) и др. По поводу перевода разного типа утилитарных текстов можно сказать, что более востребованным сейчас является перевод с эстонского на русский язык. Такая тенденция заметна по заказам, которые выполняются ежедневно в переводческих бюро Эстонии. Переводческая деятельность поддерживается изданием словарей, среди которых можно отметить академические русско-эстонский в 4-х томах (1-е изд. – в 1984–1994 гг.) и эстонско-русский 5-томный словари. Перевод научных и отраслевых текстов поддерживается также изданием терминологических словарей, например: *Большой эстонско-русский и русско-эстонский юридический словарь* (2008), *Русско-эстонский медицинский и медико-социальный словарь* (2005), *Малый эстонско-русский и русско-эстонский экономический словарь* (2000), *Русско-эстонский словарь по туризму и отдыху* (2005), *Юридический разговорник-справочник: эстонско-русский/русско-эстонский* (2003) и др.

Далее рассмотрим кратко развитие критики перевода и проблематику, которой она занимается. До середины XX века о существовании критики перевода вообще говорить не приходится, но в 60-е годы прошлого века качество переводов художественной литературы и утилитарных текстов оказывается в центре внимания, что заметно способствует улучшению переводных текстов [Liivaku, Meriste 1975: 25–26]. Тем не менее, критика переводов остается слабым местом, поскольку публиковалась она очень редко и обычно была направлена только на поиск ошибок. Конструктивные предложения и советы, как следовало бы переводить тот или иной текст, не приводятся.

В последнее время дела с критикой перевода обстоят немного лучше, чем в прошлом веке, больше публикуется статей, где анализируются переводы той или иной книги.³ К сожалению, не изменилось направление критики перевода: редко даются рекомендации, как следовало бы переводить. При анализе перевода, прежде всего, обращается внимание на лексические неточности и несоответствия. Роль грамматики в переводе остается вне поля зрения.

В эстонской переводческой критике проблемой значения грамматики в переводе почти не занимались. Роль грамматики в русско-эстонском переводе очень кратко затронул У. Лийваку в двух своих книгах: «*Kust king keelt pigistab*» [Liivaku 1972] и «*Kuidas seda tõlkida: järeltormatusest eestinduseni*» (в соавторстве с Х. Меристе) [Liivaku, Meriste 1975]. Однако в центре внимания в них находится все же лексика, в книге «*Kust king keelt pigistab*» целая глава посвящена проблеме русизмов в эстонском языке. Кроме того, в нескольких словах критикуется автоматический перенос

³ О переводческой критике в Эстонии в начале XX в. см. например [Sütiste: 2008], в начале 2000-х гг. – [Tamm: 2004]

грамматических форм и синтаксических конструкций одного языка в другой.

Можно сказать, что хотя русский язык и утратил свою ведущую роль среди языков, с которых делаются переводы, тем не менее, перевод как с русского на эстонский, так и с эстонского на русский всегда сохранял и сохраняет свою актуальность в самых разных сферах жизни и в различных типах текстов. При этом хотя количество переводов с русского на эстонский язык уменьшилось, требования к качеству перевода не изменились.

К вопросу о роли грамматики в теории перевода

Прежде чем попытаться определить значение и роль грамматики в переводе, необходимо сказать несколько слов о месте перевода в лингвистике в целом. Составители книги *Cognitive Linguistics and Translation* утверждают, что у переводоведения и лингвистики были всегда отношения «любовь-ненависть» [Rojo, Ibarretxe-Antuñano 2013: 3]. Лингвистов иногда «обвиняют» в том, что по их мнению, отношения между языкознанием и теорией перевода являются односторонними (т. е. движение идет от лингвистики к изучению перевода, но в не обратном направлении) [Malmkjaer 2002, 2008: 112], см., например, следующее высказывание Дж. Катфорда, который считает, что так как орудием перевода являются языки, то каждая теория перевода должна строиться на теории языка, точнее, на общей теории языка [Catford 1965: 1]. Необходимость найти золотую середину в изучении вопросов перевода выразил Ю. А. Найда: «при обсуждении науки перевода мы отнюдь не имеем в виду, что перевод является исключительно или даже в первую очередь наукой. При этом мы, конечно, не исключаем и никак не умаляем значимости тех сторон мастерства и искусства, которые обычно связаны и должны быть связаны с переводом. Говоря о науке музыки и имея в виду при этом не только изучение физических аспектов музыкальных звуков, но и понимание структур, в которые эти звуки входят в различных типах музыкальных сочинений, никто не принижает важности мастерства при сочинении музыки и искусства, обнаруживаемого при ее хорошей интерпретации. То же самое, безусловно, верно и в отношении перевода» [Найда 1970: 3].

Небезынтересным является мнение Н. К. Гарбовского о том, что перевод можно рассматривать как особый вид билингвизма. Понятно, что коммуникация с помощью перевода существенно отличается от обычного билингвизма. В случае перевода говорящий (пишущий) должен актуализировать одновременно два языка. Обычный же билингвизм означает, что двуязычный человек в зависимости от конкретной ситуации, переключается на тот или иной язык общения. Можно сделать вывод, что т. н. обычный билингвизм является статическим двуязычием, а перевод, в свою очередь, можно рассматривать как динамическое явление. Динамический

билингвизм отличается еще тем, что в контакте находятся не только языки, но и культуры и роль переводчика – быть посредником коммуникации между ними [Гарбовский 2007: 318].

Долгое время перевод считался скорее областью литературоведения, так как большинство переводчиков были сами писателями и поэтами. А. К. Толстой писал в 1867 году о том, что надо не столько переводить слова и смысл, сколько передавать впечатление [РПОП 1960: 321]. В какой-то момент в изучении перевода образовались два направления, которые в определенной степени существуют до сих пор и представляют противоположные взгляды на то, что такое перевод и как следует его изучать. Имеются в виду **лингвистическая** и **литературоведческая** теория и критика перевода. ««Вначале было слово», – утверждают сторонники языковедческого подхода, считающие теорию перевода прежде всего областью лингвистики. «Вначале был художественный образ», – утверждают их противники, которые считают, что только исключительно литературоведение – та наука, которой надлежит исследовать художественный перевод: ведь он относится к области искусства, а, значит, лингвистике ни в какой степени не подведомствен» [Эткинд 1970: 24].

Лингвистика не утратила свое место в изучении перевода. В наше время лингвистические вопросы перевода рассматриваются во многих исследованиях. Х. М. Эль-дали видит в этом, прежде всего, заслугу функциональной лингвистики, которая способна создать связь между языкознанием и теорией перевода. Однако он также отмечает, что теоретики перевода более склонны к тому, чтобы извлекать пользу из современных работ по лингвистике, чем лингвисты, которые иногда относятся недружелюбно к материалу теории и практики перевода [El-dali 2012: 24–25]. Благодаря «корпусному подходу»⁴ (*corpus-based approach*) контрастивная лингвистика и теория перевода могут «найти общий язык» и создать новые взаимоотношения. Параллельные корпуса текстов предлагают новые возможности для сотрудничества [Ramón García 2002: 393].

К. Малмкяер выделяет четыре главных и самых влиятельных направления в изучении вопросов перевода в XX и в начале XXI вв.: 1) лингвистический подход (это, прежде всего, такие ученые как Дж. Катфорд, Ю. А. Найда и др.); 2) описательный (дескриптивный) подход (Г. Тури); 3) функциональный подход (К. Норд, К. Райс) и 4) культурологический подход (А. Лефевр, С. Баснет и многие другие) [Malmkjaer 2005: 20–41].

К началу 90-х годов XX в., несмотря на то, что в изучении перевода признали важность контекста и коммуникативной функции, все же существовали некоторые проблемы, нуждающиеся в решении. Одним из существенных вопросов стала тема смысла контекста (*notion of context*), который все еще имел вторичный статус в переводоведении, а также

⁴ Под «корпусным подходом» имеется в виду метод изучения языка, который основан на корпусах текстов.

рассматривались понимание значения (*notion of meaning*), эквивалента (*notion of equivalence*), переводческих норм (*notion of translational norms*) и т. д. Некоторые исследователи предполагали, что когнитивная лингвистика может помочь решить эти вопросы, так как ее подход – ставить в центр внимания не продукт перевода, а сам процесс. Незаменимым для анализа процесса перевода является психолингвистический подход, который описывает переводческие стратегии, применяемые также в преподавании перевода. По наблюдениям авторов книги *Cognitive Linguistics and Translation*, с 90-х годов XX в. исследование перевода продолжает придавать особое значение культурологическому аспекту переводоведения и стремится заполнить разрыв между лингвистическим и литературоведческим подходами к переводу [Rojo, Ibarretxe-Antuñano 2013: 7–10].

Ю. А. Найда подчеркивает, что среди лингвистических исследований анализ перевода на самом деле занимает особое место хотя бы потому, что при переводе объектом внимания являются, по крайней мере, два языка, которые сопоставляются для выявления различных формальных средств, передачи одной и той же информации. Существенное отличие заключается лишь в том, что в сопоставлении языков при анализе перевода превосходящим фактором считают именно содержание, в отличие от традиционного подхода контрастивного языкознания (где в центре внимания находится, прежде всего, форма – наше дополнение С. К.-С.) [Найда 1970: 3]. Ю. А. Найда писал об этом в 1970 году, в современном языкознании сравнительная лингвистика, как правило, выдвигает на первый план именно значение и функцию конкретной формы (т. е. ее содержание).

На самом деле лингвистика и теория перевода взаимодействуют. С одной стороны, теория перевода «заимствует» у языкознания методы исследования, а с другой – лингвистика также часто опирается на данные и материал переводоведения.

В XIX веке известный языковед Вильгельм фон Гумбольдт представил так называемую «теорию непереводаемости». Главной основой этой теории было мнение о том, что перевод должен полностью, во всех аспектах воспроизводить оригинал. Учитывая уже лишь лингвистические расхождения между языками, можно прийти к выводу, что перевод принципиально невозможен. Поэтому ожидать того, что переводчик способен сохранить в переводе личность автора подлинника, кажется совсем немыслимой идеей. Такое отрицательное отношение к переводу, одобряемое многими лингвистами, проявляется в письме Гумбольдта к немецкому писателю и переводчику А. Шлегелю. Ему казалось, что переводчик может переводить только двумя разными способами: либо он слишком сосредоточен на оригинале и из-за этого пострадает перевод, либо он слишком сосредоточен на самом переводе и недостаточно учитывает оригинал, и от этого тоже пострадает перевод [См. об этом: Левицкая, Фитерман 1963: 30]. Словом, теория непереводаемости основывается прежде всего на том, что с точки

зрения фактов лингвистики, между содержанием оригинала и перевода не может быть полного сходства.

В XX и XXI веках языковеды и сами переводчики выражают мнение по поводу переводимости в более оптимистическом ключе, однако отношения между теорией перевода и языкознанием можно характеризовать как сложные. Ю. А. Найда выделяет две главные причины того, почему лингвистическое изучение перевода в странах Западной Европы и в США появилось довольно поздно. Во-первых, лингвисты почти не занимались практическим переводом и не обучали переводчиков. Это считалось обязанностью филологов, которые, однако, обращали внимание, прежде всего, на изучение литературных форм, и не на анализ языковых структур. Во-вторых, в 30-е и 40-е годы XX-го века многие лингвисты часто игнорировали изучение семантики языковых единиц, в центре внимания находилась языковая форма [Найда 1970: 4–5].

В начале 60-х гг. XX в. французский языковед и теоретик перевода Ж. Мунен, отмечал, что в современной лингвистике появляется благодаря переводу одна требующая внимания проблема. Если исходить из распространенных в языкознании «идей о лексических, морфологических и синтаксических структурах», то мы вынуждены признать, что перевод в принципе невозможен [Гарбовский 2007: 180]. В качестве небольшого отступления важно отметить, что в любом тексте имеются слова и выражения, которые не поддаются переводу. Однако это особые случаи. Чаще всего такие неперебиваемые элементы называют «реалиями», это – «слова, которые называют предметы и понятия быта и культуры, исторической эпохи и социального строя, государственного устройства и фольклора, т. е. специфические особенности одного народа, которые отличают его от других народов» [Влахов, Флорин 1986: 7].

Однако возникает вопрос: можно ли вообще сравнить эти два подхода? В одном случае отрицается возможность адекватного перевода в целом, в другом – указывается на конкретные явления в языке, которые до сих пор остаются неперебиваемыми. Общепринятой точкой зрения на данный момент является твердое убеждение, что переводчик обязан переводить мысли и значения, а не отдельные слова, т. е. цель перевода – передать значения одного языка на другой язык с тем, чтобы перевод как можно меньше отличался от подлинника. Это означает, что мы должны с уровня слов и предложений подняться на уровень значений. Забегая вперед, можно сказать, что все вышесказанное относится также и к переводу грамматических форм и значений. Данная тема мало исследована, так как до сих пор больше внимания уделялось и уделяется лексическим неточностям и несоответствиям. Роль грамматики в переводе остается почти вне поля зрения. Между тем достижения современной лингвистики показывают, что адекватный перевод возможен только при учете взаимодействия лексики и грамматики. Поэтому многие направления современной лингвистики, в том числе функциональная грамматика отказались от проведения резких

границ не только между морфологией и синтаксисом, но и между грамматикой и лексикой.

В соответствии с лингвистической теорией перевода намерения автора проявляются в том числе и в выборе определенных грамматических форм. Переводчику приходится решать и грамматические вопросы перевода.

А. В. Федоров делает ряд важных обобщений по этому поводу:

1) Переводчик стремится соответствовать двум типам требований, с одной стороны, он должен передать содержание, и при этом сохранить формальные элементы, которые в ИЯ имеют определенные значения. С другой стороны, он обязан учитывать требования ПЯ и на основе этого делать выбор в пользу одних или других языковых средств.

2) Так как грамматические системы разных языков не совпадают, этот факт может препятствовать формально точной передаче какой-нибудь грамматической формы. Иногда переводчик вынужден искать соответствия на других языковых уровнях ПЯ, чтобы компенсировать различия в грамматике языков.

3) Выбор конкретных языковых средств для передачи одного или другого значения всегда определяется более развернутым контекстом. При переводе не имеет смысла сосредотачиваться на отдельных элементах в системе языковых средств, так как подобные элементы могут оказаться непереводаемыми [Федоров 2002: 223–224].

Трудно сомневаться в том, что новые направления в изучении грамматики (в частности функциональная, коммуникативная, семантическая грамматики) способствуют признанию важности роли грамматики в переводе, так как они сосредоточены именно на функциях и значениях грамматических единиц, а не на их формах. Это существенно, потому что, например, эстонский переводчик и специалист по теории перевода А. Ланге утверждает, что перевод означает, между тем, и замену грамматики одного языка грамматикой другого языка, и калькировать здесь почти невозможно [Lange 2008: 23]. Очевидно, имеется в виду именно калькирование грамматических форм, поэтому нельзя недооценивать значимость контрастной грамматики для переводоведения, так как сопоставительное изучение грамматики позволяет выявить и анализировать некоторые ошибки и в дальнейшем избегать их. Имеются в виду ошибки, возникающие в ходе коммуникации из-за влияния чаще всего родного языка на иностранный язык. Это приводит к ошибкам, так как грамматические системы разных языков имеют обычно большие расхождения [Gasek 2012: 46].

Из этого, конечно, нельзя делать вывод, что сложнее всего переводить грамматические формы и значения. Опыт переводческой деятельности доказывает, что часто значения, которые в одном языке являются лексическими, в другом языке могут быть грамматическими и наоборот. Поэтому можно утверждать, что даже если в ПЯ отсутствует определенная грамматическая форма или категория, то это не означает, что информацию подлинника невозможно адекватно передать.

Дж. Катфорд ставит вопрос о том, следует ли вообще различать лингвистическую непереводаемость (*linguistic untranslatability*) и непереводаемость, обусловленную культурными различиями (*cultural untranslatability*)⁵. По его мнению, говоря о непереводаемости из-за культурных различий, мы говорим о непереводаемости коллокаций⁶ как о невозможности найти соответствующую коллокацию в языке перевода, и это является одним из видов лингвистической непереводаемости [Catford 1965: 101].

Расхождения в структурах ИЯ и ПЯ часто приводит к разным трансформациям. А. Д. Швейцер выделяет следующие типы таких преобразований: «замена одних морфологических средств другими, замена морфологических средств синтаксическими, замена одних синтаксических средств другими и замена грамматических средств лексико-фразеологическими» [Швейцер 1988: 206].

Если говорить непосредственно о переводаемости или непереводаемости грамматики, понятно, что не имеет смысла пытаться переводить грамматические формы, а нужно сосредоточиться на значениях, которые эти формы выражают. Это следует иметь в виду, если мы, например, переводим видовые формы русского глагола на эстонский язык, где морфологическая категория вида отсутствует (подробнее о виде см. с. 28–40).

Дж. Катфорд пишет о *переводческом сдвиге* (*translation shift*) между уровнями грамматики и лексики и приводит пример (1) перевода с русского языка на английский. Так как в английском языке видовое противопоставление отличается от русского, то переводчику приходится в данном случае выбирать совсем иной глагол для передачи русского *сделал*, который содержит значение завершения и результативности (наше дополнение С. К.-С.) действия.

- (1) *Что же **делал** Бельтов в продолжение этих десяти лет? Все или почти все. Что он **сделал**? Ничего или почти ничего.*

*What **did** Beltov **do** during these ten years? Everything, or almost everything. What **did** he **achieve**? Nothing, or almost nothing.*

[Catford 1965: 73–75].

⁵ Лингвистическая непереводаемость означает, что в языке перевода отсутствует лексическое соответствие, грамматическая форма и т. п., которые имеются в языке оригинала. Непереводаемость, обусловленная культурными различиями, возникает, когда в культуре перевода нет какого-либо явления, присущего культуре оригинала.

⁶ Понятие «коллокации» Дж. Катфорд заимствует у Дж. Ферса, который называет так «ансамбль слов» (*the company words keep*), т. е. привычные или традиционные места слова в сочетании. Дж. Ферс считает, например, что в значение слова *night* (*ночь*) входит факт, что оно сочетается со словом *dark* (*темная*) и маловероятно то, что в разных языках такие словосочетания являются одинаковыми [Firth 1957:196].

Такие сдвиги часто являются единственной возможностью перевода, если два языка имеют, например, несовпадающие грамматические категории.

Итак, долговременная практика перевода доказывает, что перевод осуществим, даже если между грамматическими категориями ИЯ и ПЯ почти отсутствуют сходства, так как все языки способны передать любую информацию – это факт, и пока еще никому не удалось доказать обратное. В то же время сложно не согласиться с тем, что некоторые грамматические категории вызывают у переводчика больше трудностей, чем другие. Таким примером является категория рода, которая имеется в русском и отсутствует в эстонском языке (о сложностях при переводе грамматического рода см. подробнее Купп-Сазонов 2012; Kupp-Sazonov 2013). Если говорить просто о передаче значения, то понятно, что это можно всегда сделать с помощью дополнительных языковых средств. Например, если эстонскому переводчику необходимо перевести предложение, где в оригинале имеются существительные *любовник* и *любовница*, которым в эстонском языке соответствует лишь одно слово *armuke* (не содержащее никакой гендерной информации), то, несомненно, он должен прибегать к дополнительным языковым средствам.

(2) *Любовнику* нельзя было отлучаться часто из монастыря своего;
любовнице нельзя было посещать кельи своего *любовника*.

(А. Радищев)

Например, слово *любовник* можно перевести лексемой *meesarmuke* (*mees* = мужчина), а *любовница* – *naisarmuke* (*naine* = женщина). При этом сохраняется значение грамматического рода, однако с точки зрения стиля художественной речи эти соответствия нельзя признать подходящими.

Все, кто сами переводят либо изучают перевод, или делают и то и другое, понимают, что перевод всегда связан в какой-то мере с потерей смысла и искажением оригинала, однако целью переводчика является сведение к минимуму таких потерь.

Итак, в первую очередь переводчик в каждом конкретном случае должен решить, насколько важно вообще что-то компенсировать, и затем определить, какими средствами он может компенсировать нужные грамматические формы. При этом приходится учитывать стилистическую принадлежность конкретных грамматических форм и др. В зависимости от того, насколько схожими являются грамматические системы разных языков, перевод грамматических форм может быть полным или неполным. Полное сходство и полное различие встречаются довольно редко [Казакова: 2001: 154–155].

Л. С. Бархударов ставит вопрос о том, в какой мере грамматические значения вообще необходимо передавать при переводе. Он также считает, что на первом этапе переводчик должен попытаться оценить ситуацию и учитывать характер конкретного употребления формы, насколько велика

его функциональная нагрузка, и принимая во внимание все эти факторы, искать подходящее соответствие в ПЯ [Бархударов 1975: 145–146].

На самом деле до конца не выяснено, почему переводчик в конкретном случае делает тот или иной выбор. Хотя проводятся психолингвистические эксперименты, в ходе которых делаются попытки выяснить, как действует переводчик, какими являются его мотивы, почему его выбор падает именно на тот или иной вариант перевода. Но в данный момент подобные опыты дают лишь некоторую информацию, и мы еще не умеем интерпретировать все полученные результаты. Пока не существует такой технологии, которая позволяла бы исследовать мыслительные операции переводчика [Комиссаров 1994: 8].

Анализируя разные переводы, некоторые исследователи пришли к выводу, что частотным приемом можно считать использование *функционального соответствия* (*функциональной замены*). Этот термин встречается в работе Т. А. Казаковой именно по отношению к переводу временных форм. Функциональное соответствие можно считать выходом из положения, если одна временная форма имеет прямое соответствие в другом языке, но эти формально совпадающие элементы могут употребляться в различных функциях. Она приводит следующий пример: русское предложение *Она остановится в гостинице* может в английском языке иметь несколько вариантов перевода. Выбор конкретной временной формы определяется «дополнительным временным контекстом»: *She will stay at a hotel* (действие произойдет, но отсутствует уточнение времени или любых других условий – для говорящего они неважны) или *She will be staying at a hotel* (в данном случае требуется указание точного времени, когда или как долго она будет в гостинице) [Казакова: 2001: 156–157].

Различия в грамматическом строе языков создают условия для того, чтобы при передаче значения, которое в ИЯ выражается морфологически, в переводе приходилось прибегать к иным средствам (синтаксическим или лексическим). По мнению А. В. Федорова, соотношение разных уровней языка особенно ярко проявляется при переводе. Он выделяет три основных типа грамматических расхождений между ИЯ и ПЯ:

- а) В ИЯ имеются единицы (или грамматические категории – наше дополнение С. К.-С.), которые отсутствуют в ПЯ.
- б) В ПЯ имеются обязательные для всех стилей речи единицы, которые отсутствуют в ИЯ.
- в) В ПЯ существуют грамматические единицы, которые имеют формальные соответствия в ИЯ, но в разных языках эти формы в некоторой степени отличаются по своим функциям [Федоров 2002: 197–198].

Если попытаться классифицировать грамматические формы и категории русского (т. е. ИЯ) и эстонского (т. е. ПЯ) языков по этим типам, то в первую группу входят: русская категория рода, вида, формы будущего времени и т. п. Вторую группу составляют: эстонские аналитические формы прошедшего времени, косвенное наклонение и др. К третьему типу в

анализируемых языках, по-видимому, можно отнести категорию залога.

Часто бывает, что та или иная грамматическая конструкция может быть переведена несколькими разными способами в зависимости от конкретного контекста.

Р. О. Якобсон считал, что гораздо труднее точно переводить, когда в ПЯ существует грамматическая категория, отсутствующая в ИЯ, так как в таком случае переводчик вынужден самостоятельно делать выбор между разными вариантами [Якобсон 1978: 20]. Однако думается, что в действительности существенных различий между этими разными случаями нет, так как переводчик всегда должен проникнуть в суть значения той или иной грамматической формы и найти ей самое лучшее соответствие в своем родном языке. Иными словами, тот факт, что в эстонском языке имеется более развернутая система форм прошедшего времени, не осложняет работу переводчика при русско-эстонском переводе больше, чем то обстоятельство, что в русском языке имеются формы будущего времени, а в эстонском языке они отсутствуют.

Формальную точность в передаче грамматических форм при переводе удается соблюдать лишь в отдельных случаях, отклонения от формальной точности являются весьма регулярными. При выборе между разными грамматическими вариантами важно иметь в виду, что у них могут быть стилистические различия, и поэтому они не взаимозаменяемы во всех контекстах. К тому же нередко бывает так, что контекст и его стилистические характеристики могут препятствовать переводу точным грамматическим соответствием [Федоров 2002: 197, 219].

Нет сомнений в том, что именно контекст помогает переводчику выбирать между разными формами. «Недостаточные» контексты (или такие, которые просто не содержат необходимой информации) могут ставить переводчика в затруднительное положение. Л. С. Бархударов, сопоставляя в своей книге грамматику русского и английского языков с точки зрения перевода, сравнивает систему временных форм в обоих языках и приходит к выводу, что если в английском тексте нет никаких указаний на то, как именно протекает действие, то русский переводчик должен решить непростую задачу, так как категория вида проявляется в русском тексте неизбежно и вносит при этом семантические различия в высказывание. Так может получиться, что хотя исходный текст допускает разную интерпретацию, в переводе эта возможность исчезает [Бархударов 1975: 145–146]. Перед похожим сложным выбором может стоять русский переводчик, переводя с эстонского языка предложение: *Ta meenutas sageli oma kodu ja vanemaid.* – Он/она часто вспоминал/а свой дом и своих родителей. В русском языке категория рода выражается неизбежно, и если по контексту невозможно определить, о ком идет речь (о мужчине или женщине), то переводчик должен сделать выбор сам.

Тем не менее мы полагаем, что можно говорить о неперево­димости грам­матических форм, но ни в коем случае не о неперево­димости значений, ко­торые они выражают. Переводчик, который превосходно владеет своим родным языком и знает также все грам­матические тонкости, наверное, не думает о том, какую форму он должен выбрать. С другой стороны, анализ переводов показывает, что, например, плюсквамперфект употребляется все реже и реже в эстонском языке, даже в письменных текстах. Поэтому вопрос о роли грамматики в переводе является актуальной, хотя пока и малоизученной проблемой.

Главный принцип критиков перевода: читатель должен ощущать пере­вод не как перевод, а как оригинал. Это означает, что перевод должен быть естественным в лексическом и грам­матическом планах.

Среди ученых, которые занимались и занимаются лингвистическими (в том числе и грам­матическими) проблемами перевода, следует назвать та­ких специалистов, как: Л. С. Бархударов, В. Г. Гак, В. Н. Комиссаров, О. Каде, И. И. Ревзин, Я. И. Рецкер, В. Ю. Розенцвейг, А. В. Федоров, М. Я. Цвиллинг, А. Д. Швейцер, Е. Г. Эткинд, Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне, Дж. Кэтфорд, Ж. Мунен, Ю. Найда и многие другие, на которых в дальнейшем есть ссылки и в данной работе.

Трудно не согласиться с утверждением В. Н. Комиссарова о том, что существует тесная связь между теорией и практикой перевода. Теория перевода должна опираться на анализ процесса перевода, изучать его раз­ные аспекты и в идеале дать переводчикам полезные советы [Комиссаров 1990: 15–16].

Цель и структура диссертации

Качественный перевод предполагает максимально точную передачу се­мантики текста на другом языке. Однако семантика текста складывается из многих компонентов и включает не только лексическую составляющую, но и такие компоненты, как семантика, прагматика, стилистическая окраска грам­матических форм и др. Поэтому мы предполагаем, что при переводе необходимо учитывать также грам­матическую семантику и функцио­нальные особенности языковых единиц. **Цель** данной диссертации – выявить роль грам­матической семантики на материале временных форм глагола в русско-эстонском переводе художественных текстов.

Для достижения этой цели необходимо решить **две основные задачи исследования**. Во-первых, выявить, насколько важным является то, как точно переводчик пытается передавать временной план оригинала, какие

семантические потери при этом неизбежны, а какие обусловлены непониманием оригинала⁷ или просто недостаточным учетом намерений автора (особенно это касается переносного употребления временных форм).

Во-вторых, уточнить типы употребления временных форм в эстонском языке, так как до сих пор в эстонском языкознании переносное употребление временных форм не получило достаточного внимания. В разных трудах обычно упоминается только *praesens historicum*, однако на самом деле подобных метафорических употреблений намного больше.

Исследование построено, в основном, на материале русской художественной литературы разных эпох (XIX и XX вв.) и на ее эстонских переводах. В базе данных диссертации содержится более 600 примеров, из них в работе анализируется 461 пример. Мы не стали ограничивать материал очень строгими временными рамками, однако в силу того, что в советское время русская литература очень активно переводилась на эстонский язык, большая часть анализируемых переводных текстов относится именно к середине и второй половине XX века. Так как в эстонском языкознании высказывались мнения о том, что частотность употребления конкретных временных форм (в частности, перфекта и плюсквамперфекта) колебалась в разные эпохи (подробнее см. Metslang 1997б), мы сочли необходимым включить в материал анализа также переводы начала XXI века. Кроме художественной литературы, приводятся отдельные примеры и из научных и публицистических текстов. В некоторых случаях используются также примеры из работ других исследователей (напр. А. В. Бондарко, Г. Ф. Лебедевой и др.). Анализируя более редкие и специфические употребления временных форм и их перевод на эстонский язык, мы вынуждены «заимствовать» примеры других лингвистов, потому что, хотя Национальный корпус русского языка [<http://ruscorpora.ru>] содержит очень много художественных текстов, но на эстонский язык из них переведена только определенная часть (в основном классические произведения русских авторов).

В анализе примеров, мы, конечно, в первую очередь опираемся на правила грамматики обоих языков, однако, учитывается также интуиция носителя языка. Хотя, по наблюдениям А. Д. Шмелева, иногда интуиция разных носителей языка не совпадает. При этом он указывает, что если аномальные, с точки зрения лингвиста, высказывания не сконструированы специально, а найдены в реальных текстах, то это может быть свидетельством того, что не все носители языка воспринимают это конкретное высказывание как аномальное, однако это ни в коем случае не означает, что оно правильное [Шмелев 2002: 284–285].

⁷ Е. Табаковска утверждает, что по некоторым современным теориям перевода объектом процесса перевода является не оригинальный текст, а его интерпретация переводчиком [Tabakowska 2013: 231].

Основным методом исследования служит **сопоставительный лингвистический анализ оригиналов и переводов**, при этом используются данные контрастивной грамматики русского и эстонского языков. Единицей анализа является, как правило, одно предложение и его перевод, однако при необходимости приводится или описывается коротко и расширенный контекст (предложения, находящиеся в тексте перед и/или после рассматриваемого примера). С точки зрения грамматической характеристики материала, необходимо отметить, что в центре внимания находится изъявительное наклонение, однако мы не исключаем отдельные примеры, в которых в более развернутом контексте кроме изъявительного, представлены также формы повелительного или сослагательного наклонений.

Основная часть диссертации состоит из введения, пяти глав и заключения. **Введение** содержит краткий обзор истории русско-эстонского перевода и его критики, обсуждение проблемы роли грамматики в теории перевода, в нем также определяются цель, задачи и структура диссертации. **Первая глава** посвящена теоретическим основам исследования. Более подробно рассмотрены существенные с точки зрения данного исследования понятия. **Вторая глава** посвящена описанию глагольных форм, выражающих временной план настоящего. Кроме собственно форм настоящего времени обоих языков, в этой главе анализируются также формы, которые в переносном употреблении тоже могут участвовать в выражении семантического плана настоящего. **Третья глава** содержит описание и анализ форм и конструкций, выражающих семантический план будущего. В **четвертой главе** представлен анализ форм, выражающих семантический план прошедшего. **Пятая глава** объединяет все глагольные формы, которые выражают семантический план нелокализованности во времени в двух языках. В **заключении** приводятся основные выводы проведенного анализа.

Теоретической основой нашей диссертации послужили, прежде всего, работы таких лингвистов Петербургской школы функциональной грамматики как А. В. Бондарко, М. А. Шелякин, Ю. С. Маслов, В. С. Храковский и др. При описании временных форм эстонского языка мы опираемся, в первую очередь, на исследования следующих языковедов: Х. Метсланг, М. Эрелт, А. Пихлак, К. Михкла, А. Вальмис и др. Среди работ названных ученых следует выделить два исследования. Во-первых, книгу А. В. Бондарко «*Вид и время русского глагола*» (М., 1971), так как классификация частных значений видовременных форм русского глагола, представленная в названной работе, лежит в основе и нашего сопоставительного анализа. С точки зрения диссертации актуальные вопросы и ценные данные представлены, конечно, и в более поздних работах того же автора (некоторые из них указаны и в списке использованной литературы), однако подробное рассмотрение типов употребления временных форм имеется именно в этой работе. Другое исследование, заслуживающее специального

внимания, – это диссертация Х. Метсланг «*Temporal relations in the predicate and the grammatical system of Estonian and Finnish*» (Oulu, 1994), в которой, наряду с другими проблемами, подробно рассматриваются возможности выражения значения будущего времени в эстонском языке.

Попытки сопоставить временные формы русского и эстонского языков делались, разумеется, неоднократно и раньше в трудах таких исследователей, как Э. Пялль, А. Пихлак, Б. А. Серебренников, А. Мелдер, П. Эслон, И. П. Кюльмоя, К. Кару, Н. Вайсс и др. В основном лингвисты исходили в сопоставлении из грамматических форм, при этом в некоторых трудах переносное употребление временных форм не рассматривается вообще. Вопросы, связанные с переводом временных форм, правда, в испанско-эстонском переводе, рассматриваются в диссертации Т. Лыбус [Lõbus 2012].

Для нашего исследования существен подход не от формы, а от выражаемого ею семантического плана времени (настоящего, будущего или прошлого) или нелокализованности во времени, так как для перевода важно прежде всего значение, а не сама форма.

Более значимыми с точки зрения перевода являются собственно случаи переносного употребления, поэтому, например, формы прошедшего времени в нашей диссертации рассматриваются как в главе, посвященной семантическому плану прошедшего, так и в главах о настоящем и будущем, в зависимости от употребления и функции временной формы в конкретном контексте.

Адекватный перевод временных форм, несомненно, означает, во-первых, внимательное отношение к замыслу автора оригинального текста, и, во-вторых, максимальный учет средств и возможностей языка перевода. Роль грамматики в переводе не следует недооценивать, как утверждает Е. Н. Ремчукова, «грамматика – это не просто совокупность строгих и скучных языковых правил и норм, а, на самом деле, грамматика допускает столько же творческого подхода к языку как и лексика» [Ремчукова 2005: 23].

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. 1. Время и (видо)временные формы глагола в русском и эстонском языках

«Время, вместе с материей и пространством, является абсолютным физическим свойством, так как ничто существующее не может находиться вне его. Это категория, в которой человек размышляет и которая является составной частью его сознания» [Тошович 2006: 83]. «Реальное время⁸ выражается во всех языках, но не все языки имеют категорию грамматического времени, например, в египетском языке нет этой категории, она передается не морфологическими средствами, а при помощи предлогов» [Коростовцев 1969: 103].

В качестве небольшого отступления отметим, что в нашем анализе мы не обращаем специального внимания на экстралингвистические факторы, в частности на то, как языковая картина мира русского или эстонского языков влияет на восприятие времени носителями языка, хотя мы не отрицаем, что это играет свою роль в выражении времени. О времени в русской языковой картине мира см., например: [Шмелев 2002: 316–341], в эстонской – см. [Soosaar 2003: 20–25]

Функционально-семантическая категория, включающая в себе единицы выражения времени с различных языковых уровней, называется *темпоральностью*. В русском языке (а также в эстонском – наше дополнение С. К.-С.) эта категория проявляется, в первую очередь, в системе временных форм глагола, которые нередко сопровождаются обстоятельствами времени (например, наречиями), формами косвенных наклонений и поддерживаются синтаксисом и т. п. [Бондарко 1971б: 11].

Время можно рассматривать двояко: 1) **объективно**, т. е. таким, каким оно является на самом деле (т. н. реальное время); 2) **субъективно**, т. е. таким, каким говорящий лично его воспринимает (т. е. художественное время⁹). В художественных произведениях часто не соблюдается привычная линейность времени, вполне естественным является то, что о более поздних событиях рассказывают в начале и после того говорящий «возвращается» к более ранним фактам. Для большей выразительности рассказчик может представить прошлое действие как происходящее в момент

⁸ Реальное время является одномерным и оно длится бесконечно, и не делится на отдельные периоды. Каждое действие и событие протекает по одному принципу: есть начало, продолжительность и конец. В реальном времени, в отличие от художественного, эта последовательность не может изменяться, т. е. линейность времени не может нарушаться [Караваев 1983: 90–94].

⁹ Более подробно о разных теориях художественного времени см. [Тошович 2006: 110–137].

речи (т. н. настоящее историческое). Литературным текстам свойственна своеобразная игра временных планов.

В произведениях разных авторов в неравной степени используется возможность такой игры. Так, например, Н. В. Сурова делает вывод, что в повестях А. П. Чехова временные формы глагола в традиционных значениях проявляются довольно редко. Прямое употребление временных форм предпочитается, когда говорится о действиях, которые резко противопоставляются по своему времени друг другу, гораздо чаще наблюдается переносное употребление временных форм [Сурова 1951: 124].

Д. Н. Медриш сравнивает художественное (поэтическое) и реальное времена следующим образом: «поэтическое время быстрее реального в повествовании, синхронно с ним в диалоге, замедленно по сравнению с ним в описании» [Медриш 1974: 122].

Некоторые исследователи разделяют художественное время на два плана: авторское время (время повествования не совпадает со временем событий, о которых идет речь) и время героя (ход событий представляется с точки зрения лирического героя) [Иванов 1974: 161].

В нашем исследовании рассматривается именно художественное время, однако мы не будем анализировать отдельно авторское время и время героя.

Далее остановимся коротко на термине *момент речи*, так как его можно считать довольно условным. Грамматическое время определяется отношением действия к моменту речи¹⁰, который разделяет время на настоящее, прошедшее и будущее. Слово «момент» подразумевает очень короткий отрезок времени (собственно миг), однако в грамматике момент речи охватывает более длительный период от настоящего актуального до настоящего расширенного, постоянного и т. д. Учитывая то, что в реальности между действием и сообщением о нем (т. е. собственно моментом речи) существует почти всегда временной промежуток (хотя иногда он может быть минимальным, например, при репортаже), события, о которых говорят, имеют, на самом деле, место в прошлом или в будущем. Выбор говорящего в пользу одной или другой временной формы (также того, имеет ли она прямое или переносное употребление) зависит не от действительного

¹⁰ Необходимо отметить, что высказывалось мнение о том, что термин «момент речи» является не самым удачным, например, Н. В. Перцов утверждает, что «момент» в обычном понимании этого слова воспринимается как очень короткий отрезок времени. Поэтому сам Н. В. Перцов считает более адекватным выражение «время [данной] речи» [Перцов 1998: 9; Перцов 2001: 185–186]. В работе [Бондарко 1999: 81–82] вводится понятие временного дейксиса и его центра, однако автор предпочитает и далее использовать термин «момент речи». В нашем исследовании также будет употребляться традиционный термин «момент речи». В эстонской лингвистике наблюдается похожее «противоречие» между лексическим значением составляющего термина и его семантикой в употреблении в языкознании (*kõnehetk* – *hetk* = *миг, момент*).

момента речи, а от того, как он сам представляет себе связь между временем события и временем его восприятия [Золотова и др. 1998: 21–22].

Исследователями неоднократно обсуждался вопрос о взаимоотношениях реального и грамматического времени. Е. Н. Ремчукова утверждает, что «в рамках грамматического психологизма реальное время и время грамматическое намеренно сближаются, «смешиваются», подменяя – одно другим. Грамматика становится жизнью, а жизнь грамматикой» [Ремчукова 2005: 109].

Н. С. Поспелов различает морфологическое и синтаксическое выражение категории времени. Под морфологическим выражением он подразумевает рассмотрение глагольной формы вне предложения, а под синтаксическим – соответственно, употребление глагола в предложении [Поспелов 1955: 208]. Е. Н. Прокопович называет эти разные употребления видовременных форм морфологическим и синтаксическим временем. По ее словам, значения видовременных форм выражаются именно в составе предложения, при этом тип предложения (простое или сложное и т. п.) не играет роли [Прокопович 1982: 3]. Иначе говоря, текст организуется, прежде всего, видовременными формами глагола [Золотова 2002: 8].

«Категория времени русского глагола состоит из четырех компонентов. Из них основным, центральным является система времен изъявительного наклонения. Это ядро всей категории времени. Кроме того, выделяются следующие компоненты: времена причастно-страдательных форм (*был открыт – открыт – будет открыт*), времена полных причастий (*открывающий, открываемый – открывший, открывавший, открытый*), времена деепричастий (*открывая – открыв*)» [Бондарко 1971б: 36]. Временные формы глагола часто сопровождаются различными лексическими показателями темпоральности, которые могут уточнять, конкретизировать время действия, см. пример (3). Бывают случаи, когда лексические показатели времени являются основными или единственными выразителями времени высказывания. В эстонском языке это касается, прежде всего, выражения значения действия в будущем с помощью формы настоящего времени и определенных лексических показателей.

(3) *Он еще помнит, он неспроста так побледнел, — но уже стремится забыть, и скоро* [действие еще не названо, но уже определена его отнесенность к близкому будущему] *забудем!* (Л. Андреев)

Ta mäletab veel, ega ta ilmaaegu niiviisi kahvatanud, aga ta püüdleb juba unustuse poole ja unustab ka õige varsti! (Перевод V. Krimm)

Далее обратимся к системам временных форм в русском и эстонском языках. Формы категории времени в эстонском и русском языках существенно различаются. По словам Х. Метсланг, система временных форм эстонского языка является относительно простой, функции единичной формы

(например, настоящего времени) довольно обширны и временные отношения, выражаемые формами глагола, ограничены [Metslang 1994б: 17]. В изъявительном наклонении в эстонском языке временных форм 4, среди которых имеются форма настоящего времени и 3 формы, выражающие разные прошедшие времена (претерит¹¹, перфект, плюсквамперфект). При этом, как уже было сказано, отсутствует отдельная морфологическая форма для обозначения будущего времени. В эстонском языке для выражения значения будущего времени употребляются или наречия (*завтра, через неделю* и т. п.) или фазовые глаголы (*буду, начнем* и т. п.), важную роль играет также сам контекст. В эстонском условном, косвенном и уступительном наклонениях имеются 2 временные формы: настоящее и общее прошедшее (претерит¹²). Все временные формы, их значения и способы употребления будут последовательно, детально рассмотрены в главах диссертации.

В русском языке имеются формы для выражения действий и состояний в прошлом, настоящем и будущем. Формы прошедшего времени обладают особым показателем времени – суффиксом *-л*, который присоединяется к основе глагола. Формы настоящего времени имеют специальные окончания (в отличие от форм прошедшего времени), которыми выражаются значения лица и числа, эти окончания присоединяются к основе настоящего времени глагола несовершенного вида (далее НСВ). Формы синтетического будущего образуются от глаголов совершенного вида (далее СВ). Формы будущего сложного выделяются в системе временных форм русского языка, потому что они аналитические, в их составе имеется особый показатель времени – вспомогательный глагол *быть* (*буду, будешь...*) [РГ I 1980: 628].

В традиции русского языкознания принято говорить о видовременных формах¹³, и это вполне оправданно, потому что категория вида тесно связана с категорией времени изъявительного наклонения. Эта связь проявляется в следующих фактах: 1) нет формы настоящего времени СВ; 2) разные частные видовые значения в разной степени взаимодействуют с временными формами [Храковский 2012: 560].

¹¹ Довольно долго в эстонской лингвистике предпочитали использовать термин *имперфект*, однако вслед за более поздними исследованиями, но не только (например Erelt 2013; Metslang 1993: 203), далее в диссертации будет употребляться название *претерит* (кроме тех случаев, где приводятся точные цитаты из работ других авторов). О вопросах связанных с термином *имперфект* см. с. 111–112.

¹² Причина того, что большинство лингвистов предпочитает по отношению к форме простого прошедшего употреблять термин *имперфект*, заключается еще и в том, что название *претерит* уже употребляется в эстонской грамматике по отношению к *общему прошедшему времени* (*üldminevik*) в сослагательном и косвенном наклонениях. Более подробно об этом см. с. 112.

¹³ А. Пихлак считает, что часть временных форм эстонского языка, в частности перфекта и плюсквамперфекта, можно также интерпретировать как видовременные [Пихлак 1978: 28].

Хотя в науке нет единого мнения о том, какое значение заключается в основе противопоставления СВ и НСВ, мы знаем, что для русского глагола категория вида очень важна, неслучайно большинство глаголов имеет формы СВ и НСВ (при употреблении глагола обязательно должна быть выражена целостность или нецелостность действия).

Высказывались мнения о том, что из-за возрастания продуктивности вторичных имперфективов, которые чаще всего выражают повторяющиеся действия, можно скоро говорить уже о трехчленной категории вида [Шатуновский 2009: 9].

Что касается эстонского языка, то аспектуальность в нем тоже выражается, хотя специальных средств на грамматическом уровне нет. Некоторые исследователи отмечали, что в эстонском языке аспектуальность является свойством всего предложения, так как кроме грамматической формы и лексического значения глагола, аспектуальное значение предложения зависит еще и от контекста и других членов предложения [Seilenthal 1988: 53; Metslang 1994b: 18; Nemvalts 2000: 125].

Итак, в первую очередь значение целостности/нецелостности действия в эстонском языке определяется контекстом. Для передачи русских видовых значений в эстонском используются различные языковые средства. Одним из них является, например, перфективирующее наречие *ära: дасть – andma, отдасть – ära andma*. Иногда в этой функции употребляются другие «аффиксальные» наречия: *отыскать – üles otsima, вывести – välja aretama* и т. п. [Эслон, Пихлак 1993: 51–52]. Кроме того, эстонский язык имеет иные способы для передачи значения целостности: наречия, синтаксические (тотальный / парциальный объект¹⁴), словообразовательные и контекстуальные средства. В частности, наречия хотя и используются также в русском языке, лишь дополняют значение категории вида, тогда как в эстонском языке они могут быть единственным средством передачи определенного аспектуального значения.

В число словообразовательных средств, передающих семантику НСВ в эстонском языке входят суффиксы: *-le-, -skle-, -i-, -tse-*, они присоединяются к разным глаголам и выражают значение длительного и/или многоактного действия: *полеживать – lamasklema, грести – rehitsema, летать – lendlema*. Суффиксу *-ну* у глаголов СВ соответствуют эстонские суффиксы *-ata-, -ahta-*, они передают значение однократного, часто внезапного действия: *дрогнуть – võpatama, варахтаться – värahtama*. Среди синтаксических средств необходимо отметить тотальный или парциальный объект (*täissihitis* и *osasihitis*) при переходных глаголах в прошедшем времени (русский глагол НСВ передается на эстонский язык переходным глаголом с парциальным дополнением, русский глагол СВ – переходным глаголом с тотальным

¹⁴ При этом необходимо помнить о том, что часто падежное противопоставление (номинатив, генитив и партитив) нейтрализовано [Metslang 2001b: 444], напр.: *Lind ehitas pesa* (партитив, т. е. парциальный объект – Птица строила гнездо) и *Lind ehitas pesa* (генитив, т. е. тотальный объект – Птица построила гнездо).

объектом в номинативе или генитиве). Можно выделить также лексические средства для выражения аспектуальности в эстонском языке, например, некоторые глаголы, обозначающие начало действия (которым в русском языке соответствуют начинательные глаголы СВ): *запел* – *hakkas laulma*, *заплакал* – *puhkes nutma*, *побежал* – *pistis jooksmas* [Кюльмоя и др. 2003а: 89–91].

Примеры (4) и (5) иллюстрируют то, как русскому НСВ соответствует в эстонском языке глагол с партитивным объектом. Примеры (6) и (7) демонстрируют, как русский СВ передается на эстонский язык с помощью глагола с тотальным объектом.

(4) *Шофер грузовой машины со злым лицом заводил мотор.*

(М. Булгаков)

Vihane veoauto juht väntas mootorit käima.

(Перевод М. Varik и J. Ojamaa)

(5) *Иван работал усердно и перечеркивал написанное, и вставлял новые слова, и даже попытался нарисовать Понтия Пилата, а затем кота на задних лапах.* (М. Булгаков)

Ivan töötas usinalt, tõmbas kirjutatut maha ja pani uusi sõnu vahele ning üritas koguni joonistada Pontius Pilatust ja seejärel tagajalgadel kõndivat kassi. (Перевод М. Varik и J. Ojamaa)

(6) *Коровьев швырнул историю болезни в камин.* (М. Булгаков)

Korovjev viskas haigusloo kaminasse. (Перевод М. Varik и J. Ojamaa)

(7) *Она аккуратно сложила обгоревшие листки, завернула их в бумагу, перевязала лентой.* (М. Булгаков)

Ta pani lehed korralikult pakki, keeras selle paberisse ja sidus paelaga kinni. (Перевод М. Varik и J. Ojamaa)

Далее приводится краткий перечень частных значений СВ и НСВ (мы исходим из классификации значений А. В. Бондарко [1971а: 22–31], при этом отмечается лишь характеристика конкретного значения и при необходимости также представляются наблюдения, существенные с точки зрения перевода.

1.1.1. Частные значения СВ

1. Конкретно-фактическое значение – выражается конкретное единичное действие или событие. Можно сказать, что это значение является общим для СВ. См. примеры (8) и (9).

(8) Он **открыл** портфель, **глянул** в него, **сунул** в него руку, **посинел** лицом и **уронил** портфель в борщ. (М. Булгаков)

Ta tegi portfelli lahti, vaatas sisse, pistis koguni käe portfelli, läks näost siniseks ja pillas portfelli boršikastrulisse.

(Перевод М. Varik и J. Ojamaa)

(9) Маргарита **вскочила**, сильная и живая, и **помогла** напоить лежащего вином. (М. Булгаков)

Ta hüppas kärmesti ja reipalt püüsti ning aitas meistrile veini suhu valada.

(Перевод М. Varik и J. Ojamaa)

2. Наглядно-примерное значение – один из многих повторяющихся действий представляется как пример других подобных актов. В этом значении могут выступать разные временные формы: формы настоящего-будущего СВ (часто), формы прошедшего СВ, инфинитива (реже) и формы сослагательного наклонения и кратких страдательных причастий (очень редко). См. примеры (10) и (11).

(10) Дверь я **распахнул**, не касаясь ее – **толкнул** через сумрак. Не знаю, зачем. Со мной **редко** такое бывает, иногда – если очень много **выпью**, иногда – если сильно **разозлюсь**. (С. Лукьяненко)

Lõin ukse lahti seda puutumata – tõukasin läbi videviku. Ei tea, miks. Minuga juhtub harva nii, ainult mõnikord, kui ma olen väga palju joonud või väga tige. (Перевод Т. Rõigas)

(11) И не беда, если он не знает многих правил современного общежития и светских манер и если он иногда и **поставит** тебя в скандальное положение. (Л. Лагин)

Mis sest, kui ta ei tunne paljusid tänapäeva elu reegleid ning viisakaid kombeid ja kui ta mõnikord asetabki sind piinlikku seisukorda.

(Перевод Е. Hange)

3. Потенциальное значение – выражается возможность или невозможность осуществления действия. Формы настоящего-будущего СВ

встречаются чаще всего в этом значении, они могут сопровождаться отрицанием, иногда употребляются также формы инфинитива. См. примеры (12) и (13).

- (12) Но никого **не обманеиш**, все сразу догадались — дело неладно: явилась ни с того ни с сего, без мужа, с грудным ребёнком на руках.

(А. Рыбаков)

Aga **ei** sa **peta** kedagi, kõik taipasid jalamaid – asjad on korrast ära: tulid ju, asja ees, teist taga, ilma meheta, rinnalaps süles.

(Перевод Р. и L. Mõtsküla)

- (13) Он не скупой – последнюю рубашку **отдаст**.

Ta pole kitsi – **annab** viimase särgi seljast.¹⁵

4. Суммарное значение – целостное действие повторяется определенное количество раз (*трижды, сто раз, несколько раз* и т. п.). Важно иметь в виду, что такое употребление допускают лишь те глаголы СВ, при которых восстанавливается исходное состояние (поэтому невозможным является предложение: *Он три раза уехал за границу) [Шатуновский 2009: 296]. См. примеры (14) и (15).

- (14) Осипов обнял его и трижды **поцеловал** в губы. (В. Гроссман)

Ossipov aga embas teda ja **andis** talle kolm korda **suud**.

(Перевод А. Blumenfeld)

- (15) Я себя сто раз **прокляла** – ты не знаешь. (В. Распутин)

Sada korda **needsin** ennast ära – sa ei tea. (Перевод V. Krimm)

Е. В. Падучева обращает внимание на то, что СВ в русском языке сочетается со словом *сейчас* (пример (16)), но при этом невозможен в настоящем времени [Падучева 2009а: 425].

- (16) Этих трех мне *сейчас* **показали**, которые на сто восьмом...

(В. Аксенов)

1.1.2. Частные значения НСВ

1. Конкретно-процессное значение – действие происходит один раз и представляется в процессе. См. примеры (17) и (18).

¹⁵ Здесь и далее, если автор и/или переводчик не указан(ы), пример и/или перевод наш(и) (С. К.-С.)

(17) Ты слишком долго **рассказываешь** об этом.
Sa räägid sellest liiga pikalt.

(18) Тот сидел на камне у самой воды и что-то **доставал** из полевой сумки. (О. Куваев)
Too istus üsna vee ääres kivil ja otsis midagi oma välipaunast.
(Перевод V. Krimm)

Члены данной видовой пары *доставать* – *достать* можно перевести на эстонский язык формально двумя глаголами *võtma* и *välja võtma*, однако ни один из них не имеет значения процесса, которое содержится в русском слове *доставать*, поэтому переводчик вынужден употребить лексему, которая имеет совсем иную семантику: *otsima*, т. е. *искать*.

Процессное значение должно считаться самым специфическим для НСВ, так как только в этом значении форма НСВ не может быть заменена формой СВ [Маслов 2004: 100].

У конкретно-процессного значения выделяются две разновидности:

а) Подчеркнуто-длительная разновидность – длительность действия усиливается повторением глагола, сочетанием с обстоятельствами типа *целый день, долго, всю ночь* и др. подобными средствами.

(19) – *И будешь стоять* в углу весь день, и обедать будешь одна, и ни одной куклы не увидишь, и платья тебе нового не сошью, – говорила она, не зная уже, чем наказать ее. (Л. Толстой)

„Sa seisad päev läbi nurgas, sööd üksi lõunat, ei näe ühtki nukku, ja uut kleiti ma sulle ka ei õmble,“ rääkis ta, teadmata, kuidas last karistada. (Перевод S. Holberg)

б) Конативная разновидность – действие, направленное на достижение определенной цели, представляется (длительным) процессом. В последующем контексте выясняется, была ли поставленная цель достигнута или нет.

(20) – Меня **убивали**, да не убили, вот почему я здесь. (А. Толстой)
„Mind taheti tappa, kuid ei saadud, sellepärast olen siin.“
(Перевод D. Vaarandi)

(21) – Вот тебе и муж предоставлен. **Убивали**, да не убили.
(А. Толстой)
„Võta nüüd mees oma hoole alla. Nad tapsid teist, aga ei tapnud päriselt ära. (Перевод А. Курфельд)

Примеры (20) и (21) демонстрируют разные способы, с помощью которых переводчики пытаются передать русский вид на эстонский язык. В примере (20) для выражения нерезультативности глагола НСВ (*убивали*) употребляется конструкция *taheti tappa* (*хотели убивать/убить*). В примере (21) значение НСВ русского языка передается на эстонский язык глаголом с парциальным дополнением (подробнее об этом см. с. 29–30).

2. Неограниченно-кратное значение – действие повторяется неопределенное количество раз. См. примеры (22) и (23).

(22) *По временам эта квартира отвечала то трескучим, то гнусавым голосом на телефонные звонки, иногда в квартире открывали окно, более того, из нее слышались звуки патефона.*

(М. Булгаков)

Aeg-ajalt vastas korteris telefonist kas krigisev või läbi nina rääkiv hää, vahel avati seal aken või kostis grammofoonmuusikat.

(Перевод М. Varik и J. Ojamaa)

(23) *Левин, которого она в начале зимы часто у них встречала, был всегда неприятен ей.* (Л. Толстой)

Levin, keda ta talve algul sageli Kitty kodus kohtas, oli talle kogu aeg ebasümpaatne olnud. (Перевод E. Suursepp и V. Linask)

3. Обобщенно-фактическое значение – передается информация о том, имело ли определенное действие место или нет. Сам характер действия является неважным, оно может быть однократным или повторяющимся, длительным или кратковременным и т. д. См. примеры (24), (25) и (26).

(24) – *Мыла сколько выдавать будут на человека?* (А. Толстой)

„Kui palju seepi inimese peale hakatakse välja andma?“

(Перевод А. Kurfeldt)

(25) *Мне кажется, что мы где-то уже встречались.*

Mulle tundub, et me oleme kusagil juba kohtunud.

(26) *Ты читал роман «Мастер и Маргарита»?*

Kas sa oled lugenud romaani „Meister ja Margarita“?

В переводе примера (24) сохраняется значение будущего времени с помощью конструкции *hakatakse välja andma* (о средствах выражения семантического плана будущего см. подробнее с. 72–79). С точки зрения русско-эстонского перевода, важно иметь в виду, что если в обобщенно-

фактическом значении выступает глагол прошедшего времени, то в эстонском языке ему соответствует, скорее всего, форма перфекта, см. (25) и (26).

4. Постоянно-непрерывное значение – действие или состояние имеет место постоянно, оно не повторяется и не прерывается. Это значение выражается чаще всего формами настоящего времени, формы прошедшего или будущего времени встречаются в таком употреблении редко. См. примеры (27) и (28).

(27) Жизнь **удёт** вперёд, появляется новое оборудование, новая продукция, новые операции, и потому тарифные справочники устаревают и требуют корректив. (А. Рыбаков)

Elu läheb edasi, siginevad uued seadmed, tuleb uus toodang ja uued operatsioonid, sestap siis ka normatiivide kogumikud vananevad ning nõuavad korregerimist. (Перевод Р. и L. Mõtsküla)

(28) В такое утро кажется, что ты никогда не состаришься, не умрёшь и **будешь жить** вечно молодым. (А. Новиков-Прибой)

Niisugusel hommikul tundub, et sa iialgi ei vanane, iialgi ei sure, vaid elad igavesti noorena. (Перевод О. Samma)

5. Потенциально-качественное значение – потенциальное действие представляется как свойство субъекта. См. примеры (29) и (30).

(29) Человек **может** успешно **работать** в космосе.
Inimene võib edukalt töötada kosmoses.

(30) Он **умеет играть** в шахматы.
Ta oskab mängida malet.

6. Ограниченно-кратное значение – действие повторяется определенное количество раз и на это указывают обстоятельства (например: *четыре раза, несколько раз*). См. примеры (31) и (32).

(31) – Где?
– Здесь, на вокзале, два раза **видела**.
– Почему не подошла? (А. Рыбаков)

„Kus?“
„Siin, vaksalis, kahel korral **nägin**.“
„Miks sa siis ligi ei tulnud?“ (Перевод Р. и L. Mõtsküla)

- (32) *Несколько раз он **пытался** подняться, но ноги его не слушались – с Бездомным приключилось что-то вроде паралича.*

(М. Булгаков)

*Ta oli mitu korda **proovinud** tõusta, kuid jalad ei kuulunud sõna – Bezdomnõi oli nagu halvatud.* (Перевод М. Varik и J. Ojamaa)

По наблюдениям А. В. Бондарко, в иерархии частных значений НСВ первые места занимают конкретно-процессное и неограниченно-кратное значения [Бондарко 1971а: 31].

Обсуждая вопрос вида, нельзя не затронуть проблему конкуренции (синонимии) видов. Для начала следует разграничить понятия *конкуренция видов* и *нейтрализация*. Е. И. Семиколенова рассматривает нейтрализацию как «процесс, характерный для разных уровней языка» [Семиколенова 2003: 176].

При конкуренции видов глагол НСВ способен выполнять функции глагола СВ, например, в настоящем историческом НСВ может выражать следующие друг за другом конкретные действия [Бондарко 1971а: 227]:

- (33) *За пледом **стоит** Аня; она **делает** реверанс, **бежит** к матери, **обнимает** её и **убегает** назад в залу при общем восторге.*

(А. Чехов)

*...selle taga **seisab** Anja; too **teeb** reveransi, **jookseb** ema juurde, **süüleb** teda ja **jookseb** üldise vaimustuse saatel tagasi saali.*

(Перевод Н. Luik, V. Rajassar, E. Raudsepp, J. Tamm)

В (33) мы имеем дело с настоящим историческим, это означает, что говорящий или пишущий переносит прошлое в настоящее, рассказывает о прошедших событиях так, что создается впечатление, что они происходят в момент речи.

В статье [Семиколенова 2003: 176] «конкуренция (синонимия) видов» показана как специфическая форма нейтрализации видов. В определенных контекстах можно взаимозаменять вид глагола и при этом не изменяется основной смысл высказывания.

- (34) *Когда я ему заметил, что он мог бы побеспокоиться в пользу хотя моего чемодана, за которым я вовсе не желал лазить в эту бездну, он **отвечал** (ср. ответил) мне: – И, барин! Бог даст, не хуже их додем: ведь нам не впервые... (М. Лермонтов)*

*Kui ma talle tähendasin, et ta võiks rahutust tunda vähemalt minu kohvrigi pärast, mille järele ma hoopiski ei tahtnud sellesse põhjatusse ronima hakata, **vastas** ta mulle: „Oh, isand! Kui jumal tahab, jõuame päralt mitte halvemini kui nemad: ega see meil esimest korda ole.“*

(Перевод V. Linask)

А. В. Бондарко предпочитает термин *конкуренция видов*¹⁶ и дает следующее его определение: «Конкуренция видов означает взаимозаменяемость видов, не сопровождаемую изменением основного смысла высказывания (изменяются лишь оттенки выражения этого смысла)» [Бондарко 1971а: 36].

Нужно иметь в виду то, что конкуренцию видов следует рассматривать как исключение из общеизвестного правила, что замена одного вида другим невозможна, потому что определенный контекст всегда требует употребления конкретного вида. Поэтому, если мы изменяем вид, то вместе с тем изменяется смысл высказывания. Можно утверждать, что неважно, имеем ли мы дело с общим или частным значением вида, в большинстве случаев контекст допускает употребление лишь одного вида.

В примере (35) понятно, что формы *вскакивала*, *вспоминала* и *говорила* лишили бы высказывания всякого смысла, кроме того, слово *вдруг* не допускает употребление НСВ.

- (35) *Наталья Михайловна вдруг **вскочила**, точно **вспомнила** что-то страшное, полминуты глядела на мужа испуганными глазами и **сказала**, растягивая каждое слово...* (А. Чехов)

*Natalja Mihhailovna **kargas** äkki **püsti**, nagu oleks talle **meenunud** midagi jubedat, vaatas pool minutit kohkunud silmadega oma mehele otsa ja **lausus** iga sõna venitades...* (Перевод V. Linask и др.)

В своем анализе мы исходим из приведенного А. В. Бондарко перечня тех ситуаций, где конкуренция видов возможна [Там же: 37–40], обратимся теперь непосредственно к анализу конкретных примеров ситуации конкуренции видов.

1) **Конкретно-фактическое значение СВ** заменяется **обобщенно-фактическим значением НСВ**. Этот тип конкуренции наиболее типичен для форм прошедшего времени.

- (36) *Господину Перхотину вы, кажется, **заявляли** (заявили) о трех тысячах, будто бы полученных вами от госпожи Хохлаковой? Может быть и **заявил** (заявлял).* (Ф. Достоевский)

*Härra Perhotinile te vist **rääkisite** kolmest tuhandest, mida te olevat nagu saanud proua Hohlakovalt?*
*Võib-olla **rääkisin**.* (Перевод А. Kurfeldt)

В примере (36) переводчик выбрал не самое подходящее соответствие для глагола – *заявляли*, так как на эстонский язык он переведен просто

¹⁶ М. А. Шелякин [2008: 222] предложил понятие *синонимия видов*.

глаголом *говорили* (*rääkisite*), который не имеет оттенка официальности, как *заявляли*, т. е. *сообщали*. А. В. Бондарко предполагает, что авторы предпочитают в подобных случаях НСВ, потому что «общее указание на то, что действие было, здесь в этих текстах, явно лучше, сильнее и уместнее, чем конкретизация единичного факта» [Бондарко 1971а: 38]. Вполне возможно, что эстонский переводчик предпочел бы в первом предложении примера (36) также глагол, имеющий значение более конкретного действия (например: *teatas* – *сообщил*), чем *rääkis* (*говорил*), если в оригинале был бы глагол СВ (*заявили*).

2) **Наглядно-примерное значение СВ** заменяется **неограниченно-кратным значением НСВ**. Этот тип конкуренции встречается чаще при употреблении форм настоящего-будущего СВ и настоящего НСВ в плане абстрактного настоящего. См. пример (37).

(37) – *Вещи то **появятся** (появляются), то **пропадут** (пропадают), есть такое специальное приспособление.* (Ю. Никулин)

*Asjad kord **ilmuvad**, kord **kaovad**, on selline spetsiaalne seadeldis.*

В эстонском примере ничего не изменится, если в русском изменить вид. Значение повторяемости в эстонском языке передается словом *kord* (*то*). Таким образом, можно сказать, что в примере (37) вид не влияет на выбор глагола в эстонском языке.

3) **Потенциальное значение СВ** заменяется **потенциально-качественным значением НСВ**. Этот тип конкуренции характерен для настоящего потенциального.

(38) *Конечно, для общества, почему не иметь приятных талантов: **сыграть** (играть) на фортепиано, **нарисовать** что-нибудь в альбоме, **спеть** романс...* (И. Гончаров)

*Muidugi, miks mitte omada seltskonna jaoks meeldivaid andeid, **mängida** klaveril, **joonistada** midagi albumisse, **laulda** romanssi...*

(Перевод Е. Нанге)

В примере (38) возможность конкуренции касается лишь одной из трех форм СВ: *сыграть/играть*. Замена форм *нарисовать* и *спеть* НСВ невозможна, потому что окружающий контекст, например слова *что-нибудь в альбоме* выражают потенциальное значение. В данном случае вид русского глагола является существенным для эстонского перевода, так как если бы в примере стоял глагол НСВ, т. е. *играть*, то на эстонский язык его нужно было бы передать по-другому, а именно *mängida klaveril*, т. е. действие как таковое. *Mängida klaveril* подразумевает уже название чего-то конкретного, т. е. какого-то музыкального произведения, которое играют на фортепиано.

Кажется, переводчик не заметил, что в данном случае мы имеем дело с конкуренцией видов и поэтому перевел значение глагола СВ, не обратив внимание на контекст в целом.

4) **Суммарное значение СВ** заменяется **неограниченно-кратным значением НСВ**:

(39) *Он несколько раз **качнул** (качал) головой, потом долго молчал, разглядывая свои руки, лежавшие на столе.* (В. Гроссман)

*Karimov **raputas** mitu korda pead ega lausunud tükk aega sõnagi, ainult silmitses oma käsi, mis laual lebasid.* (Перевод А. Blumenfeld)

(40) *Я у них тогда два раза из-под самого носа **уходил** (ушел), смешно даже вспомнить...* (Ю. Герман)

*Ma **lasksin** neil seekord kahel korral otse nina alt **jalga**, naljakas isegi meelde tuletada...* (Перевод М. Jürna)

В примерах (39) и (40) вид снова не влияет на эстонский перевод, даже если изменить вид глаголов в русском языке, эстонский переводчик вынужден переводить, употребляя те же формы глагола.

Все это явно приводит к выводу о том, что конкуренция видов в русском языке не играет существенной роли для перевода на эстонский язык. Рассмотрим еще два примера:

(41) *Поэтому он развел руками, поблагодарил хозяев, подумал, и, в порядке ответной любезности на комплименты своему несравненному гению **отвечал** (ответил), что Испания....* (М. Веллер)

*Seepärast laiutas ta käsi, tänas pererahvast, ja nagu vastuseks komplimentidele oma võrreldamatu geniaalsuse kohta, **vastas**, et Hispaania...* (Перевод Т. Himma)

(42) *Заокеанский Дали благосклонно выслушал по телефону пожелание встречи и **ответил**, что он поклонник великого композитора...* (М. Веллер)

*Ookeanitagune Dali kuulas heatahtlikult ära kohtumisesoovi ja **vastas**, et ta on suure helilooja austaja...* (Перевод Т. Himma)

Русский глагол НСВ *отвечал* указывает на **обобщенно-фактическое значение** т. е. указывается на сам факт наличия действия. Пример (42) с глаголом СВ *ответил*, в свою очередь, выражает **конкретно-фактическое значение**. В эстонском языке в обоих предложениях употребляется одна и та же форма глагола. В отличие от предыдущих примеров, значение

здесь тоже не различается, в обоих случаях глагол *vastas* выражает действие, которое происходит в конкретный момент в прошлом и при этом не связано в содержательном плане с настоящим временем.

Подводя итог, следует сказать, что конкуренция видов имеет для перевода значение лишь в редких случаях (38), это можно объяснить тем, что в эстонском языке преобладают иные средства для передачи тех значений, которые в русском языке выражаются именно с помощью вида (однократность, повторяемость, длительность и другие характеристики действия). Поэтому переводчик не может сосредоточиться только на форме глагола и должен учитывать весь контекст.

С системой временных форм и ее употреблением тесно связаны также понятия *временная локализованность/нелокализованность*, однако, так как этой теме посвящена пятая глава диссертации, мы не будем на этом здесь подробно останавливаться (см. с. 176–197).

Необходимо подчеркнуть, что в возможности/невозможности образовать определенную форму от конкретного глагола, чрезвычайно важную роль играет принадлежность глагола к определенной лексико-семантической группе. З. Вендлер выделяет четыре таких класса: 1) деятельности¹⁷ (activities) – *бегать, ходить, плавать* и т. п.; 2) совершения (accomplishments) – *нарисовать картину, построить дом, прочитать книгу* и т. п.; 3) достижения (achievements) – *находить, потерять* и т. п. и 4) стативы (states) – *иметь, любить, знать, верить* и т. п. [Vendler 1967: 107–108]. Принадлежность глагола к одному или другому классу определяет его возможности употребления, так например достижения проявляются в моменте, в то время, как стативы длятся отрезок времени [Там же: 103]. Поэтому глаголы, входящие в класс достижений не могут протекать в процессе (в эстонском языке это означает, например, употребление в конструкции с инессивом супина), см. пример с глаголом *находить/leidma*¹⁸ на с. 79.

¹⁷ Русские соответствия английским терминам представлены, например, в статье Е. В. Падучевой, которая отмечает также, что вначале исследователи затруднялись использовать классификацию З. Вендлера по отношению к русскому языку. Причина заключалась в том, что в определенный класс входил русский глагол не как одно целое, а одна его видовая форма, так, например, русский глагол *рисовать* можно истолковать как деятельность, а форма СВ *нарисовать* – как совершение [Падучева 2009б: 4–6].

¹⁸ О том, что у глаголов типа *приходить, находить* НСВ нет значения длительного процесса писал уже Ю. С. Маслов [1948: 304].

1.2. Понятия, связанные с временными формами глагола в русском и эстонском языках

1.2.1. Общие и частные значения

По словам А. В. Бондарко, общее¹⁹ значение грамматической формы следует рассматривать как её «семантическое содержание». Семантическое содержание означает совокупность определенных семантических признаков, их можно разделить на две группы: постоянные (всегда присущие данной форме, не зависящие от контекста) и переменные (такие, которые форма может выражать при определенном контексте). Семантическое содержание отличает конкретную форму от других форм одной системы [Бондарко 1971б: 78–83].

Общее значение, как правило, имеет варианты (т. е. частные значения), они проявляются в определенном контексте и могут нуждаться в поддержке лексических средств. Среди частных значений можно, в свою очередь, выделить главное значение (иногда – несколько таких значений) по двум критериям:

- 1) самостоятельность – главным является значение, которое нуждается в минимальном контексте и не требует особого контекста;
- 2) специфичность – главное значение связано именно с данной формой, но не с другими формами. Главным значением немаркированной²⁰ формы можно считать то, которое противостоит значению маркированной формы.

Частные значения могут выводиться из главного и подчиняться ему, а могут и не делать этого [Там же: 103–109].

Например, у форм прошедшего времени русского языка есть одно общее значение: они выражают тот факт, что действие имело место до момента речи [Шелякин 2001: 105]. Частные значения проявляются в контексте и сопровождаются, как правило, определенными условиями.

Следует еще подчеркнуть, что под понятиями *функция* и *значение* имеются в виду разные вещи: ««семантическая функция» – более широкое понятие, чем «значение», поскольку оно охватывает не только собственно значения тех или иных единиц, но и речевые смыслы, в формировании которых существенную роль играют речевая ситуация и «фоновые знания»» [Бондарко 1999: 40].

¹⁹ Встречаются также термины *инвариантное*, *категориальное* и т. п. значение.

²⁰ Понятия *маркированности* и *немаркированности* были введены в лингвистику Н. С. Трубецким [Трубецкой 1960: 82–85], который выделил оппозиции, маркированный член такого противопоставления имеет определенный положительный признак, которого не имеет немаркированный. В морфологии эти понятия первым употребил Р. О. Якобсон [Якобсон 1985: 210]. Понятия *маркированности* и *немаркированности* используют не только в характеристике грамматического элемента как целого, но с их помощью можно описывать также типы его употребления [Князев 2010: 123].

Необходимо отметить, что в эстонской и русской лингвистической традиции наблюдаются существенные различия в терминологии, в частности, в эстонской и английской грамматиках говорится о *главном* или *основном значении* (*põhitähendus*), в русской традиции ему соответствует *общее значение*.

1.2.2. Абсолютное и относительное употребление временных форм

Переводя или анализируя перевод временных форм, необходимо всегда учитывать то, как конкретная форма употребляется. В лингвистике различается несколько разных типов употребления временных форм.

При абсолютном употреблении временной формы время действия как-то связано с моментом речи (предшествует или следует ему или совпадает с ним). Относительное употребление предполагает связь между временем действия и временем другого действия или другого момента, кроме момента речи: *Я видел, что он читает книгу* [Бондарко 1971а: 112].

Прямое и не прямое употребления можно рассматривать как синтаксические явления, потому что, переходя от одного к другому морфологический образ временной формы не меняется.

Тип употребления временных форм глагола зависит от определенного стиля речи. Прямое употребление наблюдается, прежде всего, в разговорной, диалогической и монологической речи. Непрямое употребление, в свою очередь, проявляется преимущественно в повествовательной речи [Поспелов 1955: 214]. Думается, однако, что и в разговорной речи не прямое употребление временных форм встречается довольно частотно. Хотя подавляющая часть анализируемого нами материала относится к письменным текстам, единичные примеры из разговорной (устной) речи, а также предложения из художественных произведений, в которых имитируется разговорная речь, доказывают, что переносное употребление временных форм встречается в разговорной речи довольно часто (*прошлое припоминания, настоящее историческое* и т. п.). Более подробно о переносном употреблении см. в подразделе 1.2.3. *Переносное/метафорическое употребление временных форм*.

Кроме относительного употребления временных форм, наблюдается также соотносительное употребление временных форм, при котором одинаковые формы абсолютного времени выражают временные отношения между действиями (одновременности и последовательности). Такое употребление временных форм принято называть «таксисом или абсолютным употреблением времен с дополнительной ориентацией в общем временном плане» [Шелякин 2001: 95]. О таксисе см. подробнее с. 46–50.

1.2.3. Переносное/метафорическое употребление временных форм

Б. Тошович считает возможность взаимозаменять временные формы очень важной, он называет это «использованием одного времени в значении другого», если такая возможность в языке отсутствовала бы (т. е. один временной план был бы связан лишь с одной временной формой), то это влияло бы очень негативно на стилистику, эстетику и разнообразие речи [Тошович 2006: 90].

При переносном употреблении формы необходимо иметь в виду следующие факты. Во-первых, метафорическое употребление не отменяет грамматическое значение формы, однако из-за «неестественного» контекста проявляется своеобразное противоречие. Во-вторых, временную форму, употребляемую переносно, можно, как правило, заменить другой формой в прямом употреблении, но эти формы не будут равнозначны [Бондарко 1971б: 94–95; Бондарко 1971а: 173]. Как показывает анализ примеров, прямое употребление временной формы служит нейтральным способом говорить о событиях, переносное употребление, в свою очередь, придает высказыванию всегда дополнительный нюанс (напр. большую выразительность, стремление к вежливости и др.).

А. В. Бондарко выделяет три возможных сценария того, что происходит с грамматическим значением временной формы при переносном употреблении:

- 1) грамматическое значение временной формы выделяется **ярко и подчеркнуто** из-за контраста между временным планом и окружающим контекстом. Это характерно для следующих случаев переносного употребления временной формы: настоящее историческое, настоящее эмоциональной актуализации, настоящее при обозначении будущих действий и прошедшее в контексте будущего;
- 2) временное значение формы может становиться **слабее**, это наблюдается, например, при употреблении формы прошедшего СВ в контексте абстрактного настоящего;
- 3) временное значение формы приобретает какой-то **модальный оттенок** (готовности, уверенности и т. п.), так происходит, например, при переносном употреблении форм будущего времени [Бондарко 1971а: 171–172].

Могут ли все временные формы в равной степени употребляться переносно? Оказывается, нет. В русском и эстонском языках наиболее часто употребляются метафорически формы настоящего времени (настоящего НСВ в русском языке). Прошедшее СВ употребляется переносно часто, а прошедшее НСВ – наоборот очень редко. В эстонском языке наблюдаются некоторые возможности метафорического употребления форм прошедшего времени.

Ранее, описывая разные типы значений (общие и частные), мы уже затронули вопрос о терминологическом несоответствии между русской и

эстонской грамматической традицией (см. с. 42). Еще один терминологический вопрос, существенный с точки зрения темы данной диссертации – это *переносное употребление временной формы*. Дело в том, что в эстонской лингвистике отсутствует термин, обозначающий транспозицию временных форм, хотя некоторые возможности переносного употребления все же отмечаются (*praesens historicum* и т. п.).

В академической грамматике эстонского языка сказано, что грамматическое значение, которое выражается присутствием или отсутствием какого-то морфологического признака, называется *категориальным значением*. Категориальных значений у одного признака может быть и несколько, однако, как правило, одно из них является первичным, а остальные – вторичными [EKG I 1995: 45].

В справочниках по эстонскому языку разные авторы делают попытки подобрать подходящий термин. Например, Б. А. Серебренников пишет об основных типах настоящего времени и различает понятия *основное значение* (*põhitähendus*) и *дериватное значение* (*derivaatne tähendus*), последнее означает, в том числе, *вневременное настоящее время*²¹ [Серебренников 1963: 444–449].

Эстонские лингвисты К. Михкла и А. Вальмис употребляют термин *основное значение* (*põhitähendus*). Хотя они утверждают, что кроме основного значения глагол настоящего времени может выражать действие, которое имело место в прошлом, в их трудах не предлагается конкретный термин, обозначающий подобное употребление [Mihkla jt 1974: 91; Mihkla, Valmis 1979: 34].

В академической грамматике эстонского языка один раз упоминается термин *вторичное употребление* (*sekundaarne kasutus*) в разделе, где говорится об одном из возможных употреблений формы претерита (*прошлое припоминания*) [EKG I 1995: 77].

В эстонской научной литературе один раз встретился термин *употребление в переносном значении* (*ülekantud tähenduses kasutamine*), автор статьи П. Эслон, несомненно, опирается на работы А. В. Бондарко, М. А. Шелякина и др. [Eslon 2006: 365].

Так как такое явление (переносное или метафорическое употребление) свойственно и эстонскому языку, то нельзя отрицать необходимость выбора подходящего термина для эстонской грамматики. Для этого можно его «позаимствовать» из грамматики другого языка. Кроме русского, можно попытаться найти подходящий термин в англоязычных работах. Например, Э. Даль противопоставляет два явления *prototypical use* (*прототипическое употребление*) и *secondary use* (*вторичное употребление*): «The prototypical uses of FUT that we have cited have clear future time reference /.../ It is reasonable, however, to regard this as a secondary use of FUT categories,

²¹ Форма настоящего времени выражает в данном случае постоянные свойства явлений природы и т. п. [Серебренников 1963: 448].

which preserves one element of the prototypical uses, viz. that of prediction (in the wide sense of that word) although leaving out the others» [Dahl 1985: 108], т. е. в случае прототипического употребления формы будущего времени имеется четкое указание на будущее, а переносное употребление той же формы означает, что сохраняется один элемент прототипического употребления, а остальные опускаются.

Б. Комри предпочитает термин *normal usage* (нормальное употребление): «The usages noted so far in this section have typically shifted the tense (e.g. present for past), and either shifted aspect in accordance with normal usage in the present, or retained aspect in accordance with the distinction between description and narration» [Comrie 1995: 43]. У Б. Комри отсутствует термин для обозначения переносного употребления временной формы, он говорит лишь о том, что в таких случаях речь идет об определенном сдвиге по отношению к нормальному, т. е. обычному употреблению временной формы.

Р. Деклерк пишет о двух явлениях: *special uses of tenses* (специальные употребления временных форм) и *metaphorical uses* (метафорические употребления): «Some tenses have one or more metaphorical uses: they are used to represent a particular time *as if* it were another time. The present tense, for example, can be used to refer not only to the present, but also to the past and to the future. For example, in narration we often find a switch from the past tense to the 'historic present'» [Declerck 2006: 27]. Таким образом, Р. Деклерк утверждает, что у некоторых временных форм имеется одна или несколько возможностей метафорического употребления, при которых временные формы должны выражать время, несвойственное им, т. е. формой презенса можно выражать действие в прошлом или в будущем.

С. Флейшман, которая детально исследовала употребление временных форм в нарративе, предпочитает сопоставлять термины *basic tense function* (основная функция временной формы) и *not basic tense function* (неосновная функция временной формы): «What I propose to demonstrate here is that the function of tense forms IN NARRATIVE is frequently not the basic tense function of locating events relative to the moment of speech (or an alternative reference point)» [Fleischman 1985: 852]. Она называет настоящее историческое *вариантом* (*variety*) настоящего времени: «the term narrative present (: NP) will be used to designate that variety of present» [Там же: 867]. Кроме того, в ее работах в качестве синонима *основной функции* выступает термин *основное значение* (*basic meaning*): «grammatical meanings, including the so-called 'basic' meanings or functions of tense and aspect» [Fleischman 1991: 77].

Подводя итоги, необходимо отметить, что так как переносное употребление временных форм нельзя считать периферийным явлением в эстонской грамматике, то выбор адекватного термина, несомненно, можно рассматривать как важную задачу. Думается, что «заимствование» подходящего названия из какого-либо другого языка является не худшим

вариантом, хорошим доказательством этой точки зрения служат названия типов перфекта, которые были предложены Б. Комри [Comrie 1976: 56–61] и позже использованы эстонскими лингвистами М. Эрелтом и Х. Метсланг в эстонской грамматике [Metslang 1997b: 102–106; Ereht, Metslang 1998: 665–667].

1.2.4. Таксис

Таксисные отношения временных форм отдельно и подробно в диссертации рассматриваться не будут, однако некоторые примеры будут рассмотрены в разделах о претерите (с. 115–116), перфекте (с. 124–126) и плюсквамперфекте (с. 131–132). Так как, например, эстонские формы перфекта²² и плюсквамперфекта можно считать специализированными формами таксиса [Кюльмоя 2011: 114], необходимо сказать несколько слов об этой категории в русском и эстонском языках.

Термин «таксис» был введен в лингвистику Р. О. Якобсоном в 1957 году в статье «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол»²³. Помимо уже изученных на тот момент глагольных категорий, Р. О. Якобсон предложил ввести в языкознание уже известное, но еще четко не определенное в то время понятие таксиса, который «характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» [Якобсон 1972: 101]. Он разделил таксис на зависимый и независимый. Первый тип таксисных отношений подразумевает, по крайней мере, два действия, из которых одно является основным и независимым, а другое – добавочным (средствами выражения могут выступать, например, деепричастия). При зависимом таксисе «категория времени сама выступает в функции таксиса: она выражает временное отношение к главному Еп (факту сообщения), а не к Ес (сообщаемому факту), как это имеет место при независимом таксисе»²⁴ [Там же: 106].

А. В. Бондарко разграничивает те же типы таксиса и дает следующие их определения: зависимый таксис (43) выражает временные отношения между двумя действиями (основным и сопутствующим). Независимый таксис (44) выражает временные отношения между независимыми друг от друга действиями (они являются равными, нельзя определить основное или второстепенное действие) [Бондарко 1987: 239].

²² «Таксисные отношения в конструкциях с перфектом неоднозначны и зависят как от семантического типа перфекта, так и от употребленного темпорального союза или скрепы» [Кюльмоя 2011: 114]

²³ Jakobson R. *Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb*. Harvard University, 1957.

²⁴ Н. В. Берницкая предлагает следующий критерий разграничения зависимого и независимого таксиса: «если один из предикатов репрезентирован нефинитной формой, речь идет о зависимом таксисе; если оба предиката выражены финитной формой – это независимый таксис» [Берницкая 1999: 15].

(43) *Войдя в комнату Андреева, она оглядела потолок, стены и сказала: — Как хорошо...* (В. Гроссман)²⁵

(44) *Она вошла в комнату и поздоровалась.*

По словам А. В. Бондарко, у обоих типов можно выделить центральные и периферийные компоненты [Там же: 240–241], представим их в виде следующей таблицы:

Таблица 1. Центральные и периферийные компоненты таксисных отношений

	Центральные комп.	Периферийные комп.
Зависимый таксис	конструкции с деепричастиями СВ и НСВ	конструкция с причастиями; предложно-падежные конструкции типа <i>при рассмотрении...</i> , <i>при переходе...</i>
Независимый таксис	а) соотношение видовременных форм в сложноподчиненных предложениях с придаточным времени при участии союзов, лексических элементов типа <i>сразу же, в то самое время</i> ; б) соотношение видовременных форм в предложениях с однородными сказуемыми и в сложноподчиненных предложениях.	а) соотношение видовременных форм в сложноподчиненных предложениях с придаточными условия, причины, уступки; б) соотношение видовременных форм в сложноподчиненных предложениях с изъяснительной придаточной частью.

В. С. Храковский в своих трудах определяет таксис как «функционально-семантическую категорию, которая реализуется в бипропозитивных (и шире – полипропозитивных) конструкциях, где различными грамматическими средствами маркируется временная локализация (одновременность/неодновременность: предшествование, следование) одной ситуации P_1 относительно другой ситуации P_2 , чья временная локализация характеризуется относительно времени речи, т. е. независимо от какой-либо еще ситуации P_n ». Таксис делится с одной стороны на **фоновый** и **нефоновый** (основной), с другой – на валентностный (актантный) и невалентностный (сирконстантный). При нефоновом таксисе выражаются только значения одновременности / разновременности, при фоновом таксисные отношения служат фоном для иных отношений, таких как уступка,

²⁵ В обсуждении русских видовременных форм примеры не переводятся на эстонский язык. Поскольку текст диссертации написан на русском языке, приводятся переводы эстонских предложений на русский язык.

причина, следствие и др. Разница между **валентностным** и **невалентностным** таксисом состоит в том, что в первом случае, мы имеем семантически самостоятельные ситуации, а во втором – одна ситуация является валентной [Храковский 2008: 519–521].

Самую большую группу таксисных конструкций образуют конструкции невалентностного нефонового таксиса (45) и (46).

(45) *Мальчик сидит в кресле, **читая** книгу.*

(46) *Когда Маша **сделала** уроки, она **написала** письмо подруге.*

«Известно, что ситуации P_1 и P_2 прототипически представлены глагольными формами, которые составляют таксисную пару. Одна из форм этой пары – синтаксически зависимая – обозначает ситуацию P_1 , которая ориентирована относительно ситуации P_2 , а другая форма – опорная (прототипически независимая) – обозначает ситуацию P_2 , которая служит временным ориентиром для ситуации P_1 . /.../ Вместе с тем важно подчеркнуть, что таксисные значения предшествования, одновременности и следования в принципе могут обозначаться как одной зависимой глагольной формой, так и зависимой глагольной формой вместе с таксисным союзом, предлогом, послелогом. /.../ Из трех таксисных значений наиболее периферийным является значение следования» [Храковский 2005: 31].

Далее следует коротко остановиться на категории таксиса в эстонском языке. В эстонском языке ситуация P_2 может выражаться только финитной формой глагола, а зависимая (P_1) – обеими (финитной или нефинитной или именем действия [Кюльмоя 2011: 112]. Основным грамматическим средством выражения таксисных отношений у финитных глагольных форм являются временные формы. Определенные лексические показатели уточняют то, в каком порядке именно действия следуют друг за другом [Кюльмоя 2003б: 87].

Когда в главной части предложения имеется глагол в форме претерита, а в зависимой части употребляются аналитические формы прошедшего времени (перфект или плюсквамперфект), то ситуация в главной части следует за ситуациями, выраженными в зависимой части. Если в обеих частях имеются формы настоящего времени, то выражается таксис одновременности (См. также Таблицу 2).

Валентностный таксис (47) встречается и при специализированных таксисных глаголах *eelnema* (предшествовать), *järgnema* (следовать), *kaasnema* (сопровождаться). Невалентностный таксис (48) имеет две разновидности: собственно таксис и фоновый таксис в конструкциях логической обусловленности.

(47) *Uue ja arenevaga **kaasnevad** alati üllatuslikkus ja ebatavalisus, kuni šokini välja.*

*Новое и развивающееся всегда **сопровождается** неожиданным и необычным, вплоть до шока. [Кюльмоя 2011: 113]*

(48) *Ehkki vihma **sajab**, laat siiski **toimub**.*

*Хотя **идет** дождь, ярмарка все же **состоится**.*

Среди нефинитных форм для выражения таксисных отношений следует выделить глагольную форму инессива инфинитива на *-da*, т. н. *des*-форму. Эта форма чаще всего выражает одновременность действий и в этом случае соответствует русскому деепричастию НСВ [Кюльмоя 2003б: 114; Тубин 2012: 36–37]:

(49) *Kui ma sellest Timole rääkisin, **ütlles** ta **naerdes**, et ta olevat ammugi märganud, kuidas Klarfeldt meid pisitasa pügab. (J. Kross)*

*Когда я сказал об этом Тимо, он **смеясь ответил**, что уже давно замечает, как Кларфельд нас мало-помалу обирает.*

(Перевод О. Самма)

К специализированным нефинитным формам таксиса одновременности относятся также инессив супина (50) и активные и пассивные причастия настоящего времени (51). Таксис предшествования выражается часто герундием вспомогательного глагола *olema* в форме претерита и активного (52) или пассивного (53) причастия прошедшего времени [Кюльмоя 2011: 115–116]:

(50) *Nägin teda kirja **kirjutamas**.*

Я видел его пишущим письмо.

(51) *Ülekuulata**v** kurjategija tunnistas kõik üles.*

Допрашиваемый преступник признался во всем.

(52) *(Olles) Kirjutanu**d** kirja (lõpuni), peitis ta selle ära.*

Дописав письмо, он его спрятал.

(53) *(Olles) aia külge **seotud**, hakkas koer ulguma.*

Будучи привязана к забору, собака стала выть.

На основе анализа, проведенного нами в бакалаврской и магистерской работах на материале сложноподчиненных предложений с придаточными причины [Купп 2005; Купп 2007б], можно представить таксисные отношения, выражаемые в них эстонскими временными формами, в виде следующей таблицы:

Таблица 2. Выражение таксисных отношений в сложно-подчиненных предложениях с придаточными причины

	Одновременность	Предшествование	Следование
Глагольные формы грамматического времени	Презенс + Презенс Претерит + Претерит Перфект + Перфект Плюсквамперфект + Плюсквамперфект	Претерит + Презенс Перфект + Презенс Плюсквамперфект + Претерит	Презенс + Перфект Претерит + Плюсквамперфект

Вопрос о таксисе в остальных типах сложноподчиненного предложения требует дальнейшего рассмотрения, так как учитывать таксисные отношения при переводе немаловажно.

В последующих главах рассмотрим отдельно формы, выражающие семантический план настоящего, будущего и прошлого, а также употребление временных форм, при котором проявляется нелокализованность действия или состояния во времени.

ГЛАВА 2. СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПЛАН НАСТОЯЩЕГО

В данной главе рассматриваются формы, выражающие семантический план настоящего времени в русском и эстонском языках, а также трудности, возникающие при переводе этих форм.

В обоих языках семантический план настоящего выражают в первую очередь формы настоящего времени в прямом употреблении (в русском языке, в частности, в значении настоящего актуального). Кроме них, семантический план настоящего времени передается еще в случаях переносного употребления другими временными формами, например в эстонском языке форма претерита может также выражать семантический план настоящего (т. н. прошлое припоминания).

2.1. Форма настоящего времени НСВ в русском языке

В. В. Виноградов отмечает, что настоящее время само по себе статично. Лишь в контексте настоящее время становится динамическим. Форма настоящего времени может употребляться в описаниях, рассуждениях и повествованиях [Виноградов 1980: 229].

По мнению А. В. Бондарко, следует в первую очередь рассмотреть частные значения настоящего НСВ, и только затем выявить общее грамматическое значение этой формы [Бондарко 1971а: 64]. Другие авторы предпочитают в основном идти от общего значения к частным. В эстонском языкознании тоже принято исходить из общего определения формы [EKG I 1995: 76].

Встречаются два основных типа употребления формы настоящего времени: прямое и переносное. При переносном употреблении наблюдается противоречие между общим значением формы и значением окружающего контекста.

2.1.1. Прямое употребление формы настоящего времени НСВ

Н. С. Пospelов утверждает, что формы настоящего времени имеют прямое употребление, когда они выражают объективную действительность, это означает, что сохраняется естественная связь с прошлым и с будущим [Пospelов 1955: 212].

Настоящее НСВ в русском языке чаще всего делят на две разновидности: настоящее актуальное и неактуальное. Настоящее актуальное выражает семантический план настоящего времени, в то время как настоящее неактуальное нелокализовано во времени. Так как семантическому плану нелокализованности во времени посвящена целая глава, то в данном разделе анализируются разные значения только настоящего актуального.

Настоящее актуальное – обозначает конкретное действие или состояние, оно длится определенный период времени, в который входит также момент речи [Бондарко 1971а, Буланин 1976]. М. А. Шелякин предпочитает термин «*настоящее однократного конкретно-процессного действия*» [Шелякин 2001: 99]. У данного значения имеются еще свои варианты, которые также существенны для данной работы.

а) Настоящее момента речи – выражает действие, имеющее место в момент речи. На самом деле, действие может происходить еще до момента речи и продолжаться после него, однако эта информация в контексте никак не проявляется.

- (54) — *А что ты здесь делаешь?*
— *Ищу полотенце.* (Б. Левин)

Немаловажно и то, что значение действия в момент речи может подчеркиваться дополнительными языковыми средствами, например, словами: *посмотрите, видишь; сейчас, теперь* и т. п. [Бондарко 1971а: 65–66].

- (55) *Или вон посмотрите – несет баба-работница ведро воды из-под горы, с реки...* (Г. Успенский)

К этому типу настоящего времени можно отнести также *настоящее репортажа*, которое выражается при сообщении говорящим о последовательных разовых действиях, происходящих у него перед глазами (спортивные и др. репортажи).

- (56) *И Катя Прокофьева забивает свой второй мяч в сегодняшней встрече. Наш лидер, как мы уже неоднократно говорили – Екатерина Великая. Итак счет три ноль.* (А. Симонов)

В таких случаях форма НСВ представляется в нейтрализованной функции и поэтому ее можно заменить формой СВ прошедшего времени в перфектном значении. Пример (56) можно переконструировать: *И Катя Прокофьева забила свой второй мяч в сегодняшней встрече...* Также ведет себя перформативное²⁶ настоящее, например: *я прошу* [Шелякин 2001: 99].

б) Расширенное настоящее – выражает действие, которое имеет место в момент речи, но не ограничивается им, а включает в себе также отрезок прошлого, вполне возможно, что действие будет продолжаться и в будущем, таким образом, можно сказать, что расширенное настоящее

²⁶ Перформативное высказывание – это высказывание (употребление глагола), с произношением которого совершается определенное действие, являющееся лексическим значением этого глагола. Таким образом выражаются, например, обещания, заявления, клятвы, просьбы, извинения и т. п. Сказать: «Я обещаю», значит дать обещание [Austin 1962: 6].

находится между настоящим временем момента речи и настоящим постоянным [Бондарко 1971а: 66].

(57) *Семья его уже давно **нищенствует**.* (Н. Лесков)

Е. Н. Ремчукова утверждает, что «актуализация частных грамматических значений категории времени (настоящего, прошедшего и будущего) создает эффект постоянного расширенного настоящего, например: *Их покупали, покупают и будут покупать*» [Ремчукова 2005: 138].

От такого употребления необходимо отличать случаи, когда форма настоящего времени выражает действие, которое хотя и совершилось непосредственно перед моментом речи, но оно является настолько важным с точки зрения коммуникации, что говорящий воспринимает его как одновременное с актом речи. При этом форма НСВ представляется нейтрализованной и поэтому такие высказывания (58) и (59) можно легко переконструировать с помощью форм прошедшего времени СВ или НСВ [Шелякин 2008: 184], например: *Иона Овсевич хлопнул ладонью по столу, – наконец я **услышал** голос мужчины.*

(58) *Зиновий задумался, громко вздохнул и спросил, что же конкретно предлагает товарищ Дегтярь. – О, – Иона Овсевич хлопнул ладонью по столу, – наконец я **слышу** голос мужчины.* (А. Львов)

(59) – *А тебя предупредили по телефону, чтобы ты их куда не носил? Предупреждали, я тебя **спрашиваю**?*
– *Предупрежди...дали...дили... – задышавшись ответил администратор.* (М. Булгаков)

в) Настоящее постоянного действия, состояния (настоящее неограниченно-продолжительного действия – М. А. Шелякин) выражает действие или состояние, длящееся очень долго, бесконечно, постоянно. Настоящее постоянное, на самом деле, можно назвать переходным вариантом между настоящим актуальным и настоящим неактуальным. Настоящее постоянное может выражаться **только** НСВ.

Следует отметить, что чаще всего настоящее постоянное выражается стативными глаголами, которые уже содержат в себе значение постоянного состояния или действия. Кроме того, значение постоянного состояния может еще подчеркиваться обстоятельствами, например: *всю жизнь, постоянно, всегда* и т. п.

(60) *Еще дальше **плещется** другое море, и за ним **лежит** Африка, где **протекает** река Нил.* (А. Ладинский)

С точки зрения таксисных отношений, формы настоящего времени могут выражать как одновременность (61) и (62), так и последовательность (63) и (64) действий.

(61) ***Везут** покойника, а **думают** только о том, куда девалась его голова!* (М. Булгаков)

(62) *Я **слышу** в этой гробовой тишине, как **скрипят** его лакированные туфли и как **звонит** бокал, который он поставил на стол, последний раз в этой жизни выпив шампанское.* (М. Булгаков)

(63) *Одна **влетит**, к гнездышку **припадет**, деток **накормит** – и вон.* (И. Тургенев)

(64) *Иона **отъезжает** на несколько шагов, **изгибается** и **отдается** тоске...* (А. Чехов)

2.2. Форма настоящего времени (olevik) в эстонском языке

В эстонской грамматике настоящее время определяется следующим образом: презенс является простой временной формой, при которой время действия совпадает с моментом речи или следует за ним, однако в последнем случае уже выражается значение будущего времени [ЕКК 2007: 161]. Например: *Ma loen raamatut. Я читаю книгу.* Однако стоит только добавить наречие *завтра*, и не изменяя форму глагола, мы получим в эстонском языке значение действия в будущем. Для выражения такого же значения в русском языке мы, как правило, меняем еще и форму глагола: *Нотте та loen raamatut. Завтра я буду читать книгу.* Однако допустимо и: *Завтра я читаю книгу.*

У аспектуальных глаголов в выражении значения настоящего времени обычно участвует парциальный объект:

(65) *Ta õmbleb seelikut.*
Она шьет юбку.

(66) *Lapsed ehitavad lumetemme.*
Дети лепят снеговика.

Различные значения формы настоящего времени долгое время не были объектом исследования. Все лингвисты согласились с тем, что форма презенса выражает действие, происходящее в момент речи. Другие возможные значения настоящего времени учитывались весьма редко [Серебренников 1963: 445].

2.2.1. Прямое употребление формы настоящего времени в эстонском языке

В основном форма настоящего времени в эстонском языке имеет те же значения, что и в русском, т. е.:

а) настоящее момента речи – обозначает действие, происходящее в момент речи:

(67) *Ma näen aknast, et ema korjab marju ja lapsed aitavad teda.*
Я вижу из окна, что мама собирает ягоды и дети помогают ей.

(68) *Vend ei saa praegu televiisorit vaadata, ta kirjutab kirjandit.*
Брат не может сейчас смотреть телевизор, он пишет сочинение.

б) постоянное действие:

(69) *Elu ei seisa paigal.*
Жизнь не стоит на месте.

(70) *Thames voolab läbi Londoni.*
Темза протекает через Лондон.

Необходимо отметить, что в справочниках Михкла, Раннута, Рийкя и Адманн *Eesti keele lauseõpetuse põhijooned I* [Mihkla jt 1974: 90–95] и Михкла и Вальмиса *Eesti keele süntaks kõrgkoolidele* [Mihkla, Valmis 1979: 34–35] авторы не определяют значение постоянного действия как одно из первичных значений формы настоящего времени. Они называют значение настоящего постоянного одним из вариантов употребления временной формы.

2.3. Переносное употребление временных форм в семантическом плане настоящего

Как уже было упомянуто, семантический план настоящего может передаваться также с помощью иных временных форм в переносном употреблении. Примером такого употребления является эстонский претерит в определенных контекстах в значении *прошлого припоминания* (*meenutusminevik*).

Форма претерита встречается в этом значении в контекстах, где говорящий употребляет форму прошедшего времени для того, чтобы проверить информацию, полученную в прошлом. При этом проверяемая информация действительна и в настоящем [ЕКГ I 1995: 77].

(71) *Kas Teie nimi oli Tamm?*
*Ваша фамилия была Тамм?

Р. Аргус пишет о том, что прошлое припоминания появляется в системе времени у эстоноязычного ребенка приблизительно в возрасте 2 лет и 4 месяцев [Argus 2007: 24]. Хотя, по словам носителей русского языка, подобное употребление формы прошедшего времени возможно и в русском языке, однако представляется, что оно встречается не так часто и при этом необходим определенный контекст, чтобы собеседник правильно понял задаваемый вопрос. По-русски вопрос в примере (71) очень просто можно понять так, что фамилия собеседника к моменту речи изменилась, и говорящий хочет выяснить, какую фамилию человек носил раньше. Поэтому если собеседник не является носителем эстонского языка или просто не знает о такой возможности метафорического употребления формы прошедшего времени, подобный вопрос может ввести в замешательство, особенно если фамилия собеседника не менялась.

Первоначальные результаты анализа доказывают, что подобное употребление формы претерита в эстонском языке допускают и другие глаголы кроме *быть*. Разговор на эстонском языке в примере (72) взят из устной речи, при этом один участник (А) является носителем эстонского языка, а другой (Б) – двуязычен (владеет русским и эстонским языками).

(72) А: *Kas Siim elab nüüd Prantsusmaal?*
Б: *Jah, juba aasta.*
А: *Oot, mida ta seal õppis, õigusteadust?*
Б: *Ta õpib praegu ka – jah, õigusteadust.*

А: *Сийм живет теперь во Франции?*
Б: *Да, уже год.*
А: *Подожди, что он там изучал, юриспруденцию?*
Б: *Он и сейчас ее изучает – да, юриспруденцию.*

Ситуация сходна с представленной в примере (71). Участник (А) желает проверить информацию о Сийме, в то время как собеседник (Б) понимает его вопрос иначе (наверное, потому что не знает о подобном переносном употреблении формы претерита в эстонском языке) и поэтому исправляет первого говорящего.

Х. Метсланг пишет в своей диссертации еще о т. н. *прошедшем вежливости* (*viisakusminevik*), когда говорящий употребляет форму прошедшего времени для того, чтобы как-то отдалить почему-либо деликатную тему от момента речи, и в более вежливой форме выразить свои мысли (говорящий не хочет быть навязчивым или боится получить отрицательный ответ) [Metslang 1994b: 103]:

- (73) *Mida sa täna õhtul teed? – Kavatsesin kinno minna.*
Что ты сегодня вечером делаешь? – Собирался/собиралась,
пойти/сходить в кино.

Понятно, что, скорее всего, у отвечающего сохраняется намерение пойти в кино и в момент речи, т. е. его план не изменился. В то же время в данном случае выражается не столько вежливость, сколько неуверенность. Отвечая таким образом, человек дает собеседнику понять, что он на самом деле открыт и для других предложений по поводу того, как провести сегодняшний вечер.

Значение вежливости наблюдается в следующем примере (74).

- (74) *Ma tahtsin Teilt küsida, mis kell me homme kohtume?*
Я хотел/а Вас спросить, во сколько мы завтра встречаемся?

Желание говорящего узнать о точном времени встречи не исчезло к моменту речи, но он все же употребляет форму претерита. Такое употребление допускают, прежде всего, модальные глаголы. Отметим, что оно характерно и для русского языка.

Х. Метсланг приводит еще один пример, однако, нам кажется, что с точки зрения эстонского языка, он не совсем корректен.

- (75) *Kas sa oleksid võinud mind natuke aidata?*
Мог бы ты мне немного помочь?

Думается, что эстонский язык допускает в данном случае все же только один вариант интерпретации: говорящий хочет знать, мог ли собеседник ему помочь в какой-то момент в прошлом. Нельзя согласиться с утверждением Х. Метсланг, что эстонский пример выражает то же самое значение, что и английское предложение: *Could you do me a favor? (Не могли бы Вы сделать мне одолжение?)*. Согласно *Грамматике современного английского языка* форма *could* в вопросительных предложениях может выражать следующие значения:

- а) просто вежливый вопрос;
- б) предложение [EGT 2011: 161].

Иными словами, конструкции со словом *could* в подобных контекстах означают просто более вежливый и формальный вопрос, при этом говорящий ожидает ответа и соответствующего действия в момент речи. Однако в эстонском примере, по нашему мнению, выражается значение возможности действия в прошлом.

2.4. Перевод русских форм, выражающих семантический план настоящего, на эстонский язык

Хотя сама форма настоящего времени может казаться простой с точки зрения перевода, анализ примеров доказывает обратное – в некоторых контекстах переводчик должен очень внимательно относиться к выбору подходящей временной формы. С другой стороны, необходимо отметить, что ряд значений настоящего времени в эстонском и русском языках совпадает.

Рассмотрим варианты употребления формы настоящего времени и их переводы в отдельности.

Настоящее момента речи. На эстонский язык это значение передается формой настоящего времени и не требует каких-либо дополнительных лексических показателей, тем не менее, в эстонском переводе могут присутствовать все те же средства, что и в русском языке.

(76) *Ничего подобного. Вон – смотри. Бежит министр нежных чувств.* (Е. Шварц)

Hoopiski mitte! Näe, vaata! Õrnade tunnete minister jookseb siia.
(Перевод K. Ruus)

Расширенное настоящее. С точки зрения русско-эстонского перевода существенно то, что очень часто форме русского расширенного настоящего в эстонском языке должна соответствовать не форма настоящего времени, а один из типов перфекта, а именно инклюзивный перфект (*kestva olukorra perfekt* подробнее см. с. 121). Еще Б. Комри писал, что во многих языках, где отсутствует этот тип перфекта, вместо него употребляется форма настоящего времени [Comrie 1995: 60].

(77) *Существует* весьма распространенное предубеждение, согласно которому структуральный анализ призван отвлечь внимание от содержания искусства... (Ю. Лотман)

Võrdlemisi laialt on levinud eelarvamus, mille järgi strukturealne analüüs on kutsutud juhtima tähelepanu kõrvale kunsti sisult...
(Перевод P. Lias)

В примере (77) глагол *существует* имеет значение настоящего постоянного состояния и выражает действие или состояние, длящееся очень долго, бесконечно, постоянно. В эстонском переводе мы имеем дело с инклюзивным перфектом, это означает, что состояние, которое имело место в прошлом, продолжается в плане настоящего времени, т. е. этот тип перфекта обозначает не сохранение результата к моменту речи, а тот факт, что

сама ситуация в момент речи по-прежнему имеет место и не завершилась. В данном примере у эстонского переводчика нет иного выбора, он не может употребить другие временные формы, кроме перфекта.

Правильный выбор переводчика осложняется тем фактом, что иногда инклюзивному перфекту в русском языке могут соответствовать также формы прошедшего времени НСВ (78).

(78) *Там вчерашняя монашка внезапно разбогатела и с тех пор **жила** исключительно на широкую ногу.* (Б. Акунин)

*Seal sai äsjasest nunnast äkitselt rikas naine ja sellest ajast alates **on ta elanud** jõukalt.* (Перевод J. Ojamaa)

Следует обратить внимание на то, что при этом типе перфекта временную форму часто поддерживают также разные лексические показатели, в частности, наречия. В примере (79) значение продолжительной ситуации подчеркивается выражением: *sellest ajast alates (с тех пор)*.

(79) *На протяжении пятисот лет мужчины рода Аоно **были** только воинами, все прочие профессии почитались недостойными членов т-такой родовой фамилии.* (Б. Акунин)

*Viissada aastat **on** Aono suguvõsa mehed **olnud** ainult sõjamehed, kõiki teisi elukutseid peeti nii väärika s-suguvõsa liikmetele alandavaks.*
(Перевод J. Ojamaa)

Хотя в примере (79) переводчик употребляет один глагол в перфекте (*on olnud*), думается, что на самом деле и другой глагол (*pidama*) мог бы быть в форме перфекта, так как эти два состояния/действия являются одновременными, поэтому более точным был бы следующий перевод: *Viissada aastat **on** Aono suguvõsa mehed **olnud** ainult sõjamehed, kõiki teisi elukutseid **on** nii väärika suguvõsa liikmetele alandavaks **peetud**.*

В качестве небольшого отступления следует отметить, что в примере (79) допускается также употребление форм плюсквамперфекта: *Viissada aastat **olid** Aono suguvõsa mehed **olnud** ainult sõjamehed, kõiki teisi elukutseid peeti nii väärika suguvõsa liikmetele alandavaks.* Однако в этом случае очевидно, что ситуация, которая длилась пятьсот лет, к моменту речи совершилась и уже неактуальна.

Анализируя переводы разных художественных текстов, можно прийти к выводу, что расширенное настоящее является одной из наиболее сложных значений формы настоящего времени для переводчика. Часто наблюдается то, что переводчик употребляет в эстонском языке вместо перфекта форму настоящего времени. Некоторые лингвисты считают это влиянием русского языка.

(80) *Вот уже сорок лет я **помогаю** таким бедным мальчикам избавиться от одиночества и найти свой путь.* (Б. Акунин)

*Ma **aitan** juba nelikümmend aastat sellistel vaestel poistel vabaneda üksildustundest ja leida oma tee.* (Перевод J. Ojamaa)

В примере (80) глагол *помогаю* следовало бы перевести на эстонский язык формой перфекта, однако переводчик предпочел настоящее время. Т. Лееметс отмечает, что замена формы перфекта настоящим временем стала уже самостоятельным явлением и встречается не только в русско-эстонских переводах [Leemets 2000: 89]. Более точным был бы перевод: *Ma **olen** juba nelikümmend aastat **aidanud** sellistel vaestel poistel vabaneda üksildustundest ja leida oma tee.*

В справочнике по эстонскому языку говорится: обязательным является употребление формы перфекта для выражения состояния, начавшегося в прошлом и продолжающегося в настоящем в том случае, если в предложении отсутствуют иные средства, указывающие на прошлое. Формы настоящего времени в таких случаях могут интерпретироваться как выражающие состояния или действия в будущем [ЕКК 2007: 460]. Хотя в примере (80) нет ошибки с точки зрения этого правила, все же в данном контексте необходимо употребить перфект, а не настоящее время, так как героиня начала помогать мальчикам уже в прошлом, она делает это уже 40 лет и не прекращает – т. е. мы имеем дело с инклюзивным перфектом. Если бы в предложении отсутствовало слово *juba* (уже), можно было бы трактовать переведенное предложение как намерение на будущее: *Ma **aitan** nelikümmend aastat sellistel vaestel poistel vabaneda üksildustundest ja leida oma tee (ning siis lõpetan selle tegevuse).* То же самое можно сказать о примере (81).

(81) *Вот, полчаса уже **думаю**, что нужно протянуть ее, взять со стула порошок с аспирином, и все не протяну...* (М. Булгаков)

***Mõiten** juba pool tundi, et peaks käe sirutama, võtma toolilt aspiriini-pulbrit, kuid ei saa kuidagi sirutatud...* (Перевод V. Einberg)

Точнее было бы: ***Olen** juba pool tundi **mõelnud**, et peaks käe sirutama, võtma toolilt aspiriini-pulbrit, kuid ei saa kuidagi sirutatud...*

В примере (82) охват отрезка прошлого осуществляется с помощью лексического показателя темпоральности *давно* (*ammi*).

(82) – *Я давно вам **говорю**, – обратился он к Лизе Меркаловой, – что для того, чтобы не было скучно, надо не думать, что будет скучно.*
(Л. Толстой)

„Ma olen teile ammu ütelnud,“ pöördus ta Liisa Merkalova poole, „et kui te ei taha, et teil oleks igav, siis ei tule mõelda, et on igav.“

(Перевод S. Holberg)

Значение расширенного настоящего проявляется благодаря соотношению грамматической формы и лексических показателей времени: форма глагола выражает значение актуального настоящего, а лексические показатели времени указывают на то, что действие происходит не только в момент речи, но имело место уже в прошлом [Бондарко 1971а: 67].

По нашим наблюдениям, встречаются и такие случаи, где и в эстонском переводе необходимо употребить именно форму настоящего времени, а не перфекта. Приведем один пример такого рода:

(83) – *А я вот "Лознгрин" здесь штудирую...* – объяснял Тетюев, усаживая гостя на диван. (Д. Мамин-Сибиряк)

„Mina aga, näete, studeerin siin „Lohengrini““, seletas Tetjujev külalist diivanile istuma pannes. (Перевод P. Maidre)

В русском примере употребляется глагол настоящего времени, потому что речь идет о занятии, которое имело место перед приходом гостя и, соответственно, моментом речи. Говорящий относит действие к настоящему, он еще не успел осознать его как прошлое, потому что действие прекратилось только что [Там же]. Думается, что употреблению формы перфекта в эстонском языке препятствует сходная причина: в предложении нет на самом деле ничего, что бы связывало действие *штудировать* с прошлым (например, соответствующих лексических показателей темпоральности), наоборот, слова *näete* (*видите*) и *siin* (*здесь*) указывают на настоящее (т. е. момент речи). Это утверждение можно легко доказать, если заменить глагол настоящего времени формой инессива супина с признаком *-mas*: *„Mina aga, näete, olen siin „Lohengrini“ studeerimas,“ seletas Tetjujev külalist diivanile istuma pannes.*

Настоящее постоянного действия, состояния. Анализируя разные примеры, можно прийти к выводу, что лексические показатели времени играют при переводе значения настоящего постоянного действия на эстонский язык существенную роль. Рассмотрим следующие примеры:

(84) *Земля вращается вокруг Солнца.*
Maa tiirleb ümber Päikese.

В примере (84) форма настоящего со значением постоянного действия переводится на эстонский язык глаголом настоящего времени. Следует отметить, что в предложении нет никаких дополнительных указаний на время (в частности, наречий). Это обусловливается тем, что конкретный

пример констатирует постоянную закономерность, точнее постоянное природное явление. Подобные контексты (описывающие природные явления, также внешность человека и др.) переводятся на эстонский язык формой настоящего времени.

- (85) *А мне вот всю мою жизнь **везет**, я счастлив, вот имею даже Станислава второй степени и сам теперь преподаю другим это ut consecutivum.* (А. П. Чехов)

*Minul jälle **on** eluaeg **vedanud**, ma olen õnnelik, mul on isegi Stanislavi teine järk, ja mina ise õpetan nüüd teistele seda ut consecutivum'it.*

(Перевод Е. Raudsepp и О. Samma)

В примере (85) имеется конкретизация периода времени (*всю мою жизнь/ eluaeg*), о котором идет речь. Именно в силу этих временных показателей эстонский переводчик должен употребить форму перфекта с инклюзивным значением. Однако оказывается, что не любая локализация действия во времени непременно требует формы перфекта. Это положение иллюстрирует следующий пример (86), где имеется наречие *всегда/alati*, в то же время русский глагол переводится на эстонский язык формой настоящего времени.

- (86) *Богатые люди **имеют** всегда около себя приживалов; науки и искусства тоже.* (А. П. Чехов)

*Rikkad inimesed **peavad** alati endi juures armuleivasööjaid; teadused ja kunstid samuti.* (Перевод V. Linask и др.)

С другой стороны, данное предложение можно легко переделать: *rikkad inimesed **on** alati **pidanud** enda juures armuleivasööjaid; teadused ja kunstid samuti.* Думается, что смена временной формы дает несколько иной оттенок значения. А именно: употребление формы настоящего времени в данном контексте делает высказывание как бы более обобщенным и «независимым» от временного плана и от любых других потенциальных действий или событий. Форма перфекта, в свою очередь, связывает действие больше с моментом речи, т. е. говорящий скорее выберет форму перфекта, если он хочет соединить действия в настоящем и в прошлом. Если привести расширенный контекст из произведения А. П. Чехова, то представляется, что форма перфекта была бы более точным соответствием, так как утверждение о богатых людях непосредственно связано с конкретным случаем в настоящем: *Богатые люди имеют всегда около себя приживалов; науки и искусства тоже. Кажется, нет на свете такого искусства или науки, которые были бы свободны от присутствия "иностраных тел" вроде этого г. Гнеккера. Я не музыкант и, быть может, ошибаюсь относительно*

Гнеккера, которого, к тому же, мало знаю. Но слишком уж кажутся мне подозрительными его авторитет и то достоинство, с каким он стоит около рояля и слушает, когда кто-нибудь поет или играет.

Можно предположить, что существенным для выбора временной формы при переводе является характер лексических показателей времени. Такие слова, как *всегда*, *постоянно*, *непрерывно*, не содержат в своем значении каких-либо временных пределов. С другой стороны, локализация во времени типа *всю мою жизнь*, имеет такие пределы, ибо человеческая жизнь имеет определенные начало и конец, поэтому в таких контекстах более точным эквивалентом является форма перфекта. Инклюзивный перфект выражает состояние в прошлом, которое продолжается в момент речи. При этом употребление перфекта требует, чтобы начало постоянного состояния или действия было бы указано, в данном случае имеется в виду не конкретный момент, скорее всего можно говорить о каком-то приблизительном отрезке времени, а не о строго определенном периоде. Докажем это утверждение на следующем примере:

(87) Земля **вращается** вокруг Солнца уже миллионы лет.

Ma on tiirelnud ümber Päikese juba miljoneid aastaid.

Конечно, нельзя утверждать, что *уже миллионы лет* – точное временное определение, однако это словосочетание содержит в себе больше конкретности, чем, например, слово *всегда*. Необходимо пояснить, что это не означает, что наречие *всегда* никогда не допускает в эстонском языке употребления формы перфекта. Следует подчеркнуть, что для сочетания формы перфекта с наречием *всегда* необходимо выполнить следующие условия: во-первых, в русском языке должен стоять глагол в форме прошедшего времени НСВ и, во-вторых, в эстонском языке изменяется тип перфекта. Тогда вместо инклюзивного мы будем иметь дело с экспериенциальным перфектом (*kogemusperfekt*, подробнее см. с. 121), см. пример (88).

(88) Я знаю, тихо молвил Просперо. И всегда это **знал**. Один из вас предаст меня. (Б. Акунин)

„Ma tean,“ ütles Prospero vaikselt. „Olen alati teadnud. Üks teist reedab mu.“ (Перевод V. Matsov)

Пример (89) требовал бы также перевода с помощью формы перфекта, вместо *olen julge*, более точным соответствием было бы *olen olnud julge*.

(89) Всегда я **была решительная**, а тут все думаю, думаю.

(В. Каверин)

Ma olen muidu ikka julge, aga selles asjas muudkui mõtlen ja mõtlen.
(Перевод М. Jürna)

На основе анализа видно, что настоящее постоянное по своей сути довольно трудно переводимая временная форма, так как может вызвать немало вопросов у переводчика.

В целом можно сказать, что прямое употребление формы настоящего обычно не вызывает трудности в обоих языках. Исключениями можно считать *расширенное настоящее*, которое в большинстве случаев требует в эстонском языке формы перфекта (в значении инклюзивного перфекта) и *настоящее постоянного действия, состояния*, для которого ключевую роль в переводе на эстонский язык играют временные показатели. Если в высказывании временной период как-то конкретизируется, то эстонским соответствием будет, скорее всего, форма перфекта (85) и (87).

Итак, русским формам, выражающим семантический план настоящего времени в эстонских переводах могут соответствовать формы настоящего времени или перфекта.

2.5. Выводы

На основе анализа, проведенного в главе *Семантический план настоящего*, можно прийти к следующим выводам:

- 1) Если форма настоящего времени употребляется в оригинале со значением момента речи, то в основном у эстонских переводчиков не возникает вопросов, и они переводят ее на эстонский язык также с помощью формы настоящего времени.
- 2) Более трудными, с точки зрения перевода, являются случаи употребления формы настоящего в значении расширенного настоящего времени и настоящего постоянного действия, состояния, которым в эстонском языке во многих случаях соответствует форма перфекта с инклюзивным значением. Ситуация осложняется тем, что встречаются контексты, в которых единственным возможным вариантом перевода является форма настоящего времени (83). При переводе значения настоящего постоянного действия на эстонский язык существенную роль играют лексические показатели времени. Предпочтение формы настоящего времени или перфекта может изменить смысловой оттенок всего предложения. Так, употребление формы настоящего времени в некоторых контекстах делает высказывание как бы более обобщенным и «независимым» от временного плана и от любых других потенциальных действий или событий. Форма перфекта, в свою очередь, больше связывает действие с моментом речи, т. е. говорящий скорее выберет форму перфекта, если он хочет соединить действия в настоящем и в прошлом (86).

3) Самым сложным случаем можно считать т. н. прошлое припоминания, которое, являясь переносным употреблением формы прошедшего времени в семантическом плане настоящего, предъявляет самые строгие требования к контексту, в котором это значение может появиться. Особенно это утверждение касается русского языка, в котором можно найти примеры, свидетельствующие о том, что носитель русского языка не всегда воспринимает такое употребление формы прошедшего времени как переносное, и это может привести к непониманию собеседника.

Для большей наглядности представим соответствия русских и эстонских форм, выражающих семантический план настоящего, в виде Таблицы 3.

Таблица 3. Семантический план настоящего

Семантика и/или употребление	Русский язык	Эстонский язык
Настоящее момента речи	+ (форма настоящего времени НСВ)	+ (форма настоящего времени)
Расширенное настоящее	+ (форма настоящего времени НСВ)	+ (форма перфекта или настоящего времени, в зависимости от временных показателей)
Настоящее постоянного действия	+ (форма настоящего времени НСВ)	+ (форма перфекта или настоящего времени, в зависимости от временных показателей)
Прошлое припоминания	± (форма прошедшего времени НСВ, требуется определенный контекст)	+ (форма претерита)
Прошлое вежливости	+ (форма прошедшего времени НСВ, СВ)	+ (форма претерита)

Подводя итоги, необходимо отметить, что хотя форма настоящего времени кажется с точки зрения грамматики самой простой временной формой, проведенный анализ доказывает обратное. Переводчик должен помнить о том, что нередко временные формы, в том числе и настоящее время, употребляются не в общем, а в переносном значении.

ГЛАВА 3. СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПЛАН БУДУЩЕГО

В данной главе рассматриваются формы, выражающие семантический план будущего времени в русском и эстонском языках, а также трудности, возникающие при переводе этих форм.

Вопрос о передаче семантического плана будущего является особенно сложным с точки зрения эстонского языка, так как в эстонском языке нет морфологической формы будущего времени²⁷, и поэтому используются иные языковые средства. Несмотря на то, что в русском языке имеются формы для выражения будущего времени (аналитическая и синтетическая), семантический план будущего времени появляется иногда также при переносном употреблении форм настоящего или прошедшего.

3.1. Форма будущего времени НСВ в русском языке

Формы будущего времени выражают действие, которое имеет место после момента речи. Для обозначения действий в будущем в русском языке существуют две формы: **простая** (т. е. синтетическая) – образуется от глаголов СВ; и **сложная** (т. е. аналитическая) – образуется от глаголов НСВ. Принято считать, что обе формы без лексических показателей времени выражают действие, которое имеет место после момента речи. Различие проявляется в указании на начало будущего действия. Формы простого будущего обозначают действия, которые могут быть начаты не только после момента речи, но и до него или одновременно с ним. С точки зрения таксисных отношений, важно иметь в виду, что последовательные действия выражаются формами синтетического будущего, и одновременные действия – формами аналитического будущего [Петрухина 2009: 160–163].

(90) – *Ты ложись, – приказала Маргарита, – подложи руку под щеку, а я тебе буду **сниться**.* (М. Булгаков)

Отстраненность аналитической формы от плана настоящего связана с ее формальным выражением, она состоит из служебного слова *буду* (имеющего семантику 'становления действия') и из инфинитива НСВ. Однако наблюдаются случаи, когда действие уже осуществляется в момент речи,

²⁷ Существует и противоположное мнение, например, А. Пихлак пишет, что если мы признаем, что эстонские глаголы способны выражать значение НСВ и СВ без контекста, то можно допустить в эстонском языке существование простого будущего, которое по форме омонимично с формой настоящего времени и выражает целостность действия. Однако он уверен, что на самом деле не имеет смысла вводить термин *простое будущее* в эстонскую лингвистику, так как круг глаголов, обладающих данным свойством, слишком невелик [Пихлак 1978: 32].

но все же употребляется форма сложного будущего времени (91), в таких случаях указывается продолжение действия после момента речи [Шелякин 2001: 109].

- (91) *Мне показалось, что он собирается медленно, я прикрикнул на него:
– Долго ты **будешь возиться**? Много раз после, когда Шумилина
уже не было в живых, я вспоминал, как кричал на него в тот раз, сры-
вая на нем сердце, – на безответных людях легко срывать сердце.*
(Г. Бакланов)

Х. Томмола утверждает, что русское сложное будущее имеет двоякое влияние в языковой системе: с одной стороны, оно как будто нарушает симметричность морфологических парадигм НСВ и СВ, но с другой стороны, оно делает видовременную систему функционально симметричной, так как наряду с формами прошедшего НСВ/СВ и будущего НСВ/СВ имеется настоящее НСВ, которое не относится ни к прошедшему, ни к будущему [Томмола 1986: 30].

3.1.1. Прямое употребление формы будущего времени НСВ в русском языке

Формы будущего времени НСВ имеют прямое употребление, когда существует связь с реальным будущим, это может проявляться также в соотношении с другим действием (в форме инфинитива) [Поспелов 1955: 213].

А. В. Бондарко выделяет следующие частные значения формы будущего времени НСВ [Бондарко 1971а: 89–94]:

1) будущее конкретного единичного действия, НСВ проявляется в двух значениях: конкретно-процессном и постоянно-непрерывном:

- (92) *Не говорите, пожалуйста, со мной про оперу, вы ничего не понимаете в музыке. Лучшие я спущусь до вас и **буду говорить** с вами про ваши майолики и гравюры. Ну, какое там сокровище купили вы недавно на толкучке?* (Л. Толстой)

2) будущее постоянного действия:

- (93) *Я так родился, так задуман, отдельно от всех и хоть немного, но ни на кого не похоже, и на этом основании верю, что так, сколько-то не похоже и отдельно, **буду жить** всю жизнь.*
(А. Найман)

3) будущее обычного и повторяющегося действия:

(94) *Ирина потребовала, чтобы он писал ей каждый день, потом поправились: это она **будет** ежедневно **посылать** ему письма, а он пусть сразу отвечает.* (Л. Дворецкий)

4) будущее обобщенного факта:

(95) – *А? Чего тебе? – **Есть будешь?** – **Буду!** И это все общение.*
(Л. Иванова)

3.2. Форма настоящего-будущего времени СВ в русском языке

3.2.1. Прямое употребление формы настоящего-будущего времени СВ

В простом предложении формы настоящего-будущего СВ имеют прямое употребление в некоторых значениях: ближайшего будущего, конкретного действия, будущего результативного. При этом могут проявляться различные модальные значения [Поспелов 1955: 213].

(96) *И Красотка объявила, что завтра **начнётся** великая интеграция.*
(В. Быков)

По мнению некоторых исследователей, существует аналогия между значениями и употреблением формы будущего времени СВ и формы прошедшего времени СВ.

А. В. Бондарко выделяет два частных значения: будущего и настоящего неактуального [Бондарко 1971а: 103–112]. Значение будущего делится в свою очередь на два варианта:

1) будущее время конкретного единичного действия:

(97) ***Вспомнишь** ты тогда спасенного Вар-раввана и **пожалеешь**, что послал на смерть философа с его мирною проповедью!*
(М. Булгаков)

2) будущее время повторяющегося и обычного действия – так как повторяемость действий в будущем обычно выражается формой будущего НСВ, то для выражения того же значения глаголами СВ требуются особенные контекстуальные условия [Петрухина 2009: 164].

(98) *Население знало, что каждый день в 10.00 **привезут** свежие продукты, прошедшие необходимый санитарный контроль.*
(Б. Руденко)

3.3. Семантический план будущего (*tulevik*) в эстонском языке

3.3.1. К вопросу о существовании формы будущего времени в финно-угорских языках и в эстонском языке

Временные формы многих языков проходили в своем историческом развитии разные процессы. Некоторые формы, например, аорист и имперфект русского языка исчезли, аналитическая форма перфекта утратила свое особенное значение результативности и становилась единственным средством выражения действия в прошлом [Аванесов и др. 1982: 92–97]. Однако есть временные формы, которых в каком-то языке никогда и не было, такая ситуация сложилась с формой будущего времени в финно-угорских языках, в частности, и в эстонском языке.

Х. Метсланг предполагает, что финно-угорские языки развивают свои формы будущего времени уже тысячи лет, но это происходит очень медленно. При этом существенное влияние оказали языковые контакты, например с немецким и русским языками. Так как в русском языке есть аналитическая и синтетическая форма будущего времени, похожие формы существуют в финно-угорских языках на территории России. Конструирование формы будущего времени в языках не является обязательным, в отличие от прошедшего времени [Metslang 1993: 13; Metslang 1996: 139].

По словам К. Майтинской, большинство финно-угроведов не признает существование специальной формы будущего времени в прафинно-угорском периоде. Предполагается, что для выражения действия, происходящего после момента речи, финно-угорский язык-основа не нуждался в специальном признаке и будущее время выражалось формой настоящего времени. Во всех современных финно-угорских языках наблюдается такая возможность, кроме того, многие другие (не уральские) языки также обходятся без грамматикализованной формы будущего времени. Между прочим, даже в тех языках, где существует регулярная, морфологическая форма будущего времени, иногда в контекстах будущего употребляется форма настоящего [Майтинская 1973: 81].

Из исследований Э. Даля следует, что языков без категории будущего времени (FUT category) довольно мало, из рассмотренных им 64 языков в 50 существует эта категория, и в 27 из них она выражается морфологически. Эстонский язык Э. Даль относит к группе языков, в которых отсутствует категория будущего времени [Dahl 1985: 103–108].

Э. Даль различает будущее, связанное с намерением (99) и будущее, связанное с прогнозом (100). Он считает такую дифференциацию существенной, потому что, по его наблюдениям, если в предложениях, выражающих будущее прогноза, представлены формы, имеющие отнесенность к будущему времени (*future time reference*), то категория будущего времени грамматикализована в языке.

Для иллюстрации этого утверждения Э. Даль сравнивает тексты на финском и английском языках [Dahl 2000б: 310–11], однако думается, что такое же различие проявляется в сопоставлении русского и эстонского языков.

- (99) *Сейчас я зайду к себе на Садовую, а потом в десять часов вечера в МАССОЛИТе состоится заседание, и я буду на нем председательствовать.* (М. Булгаков)

Lähen nüüd koju Sadovaja tänavale, ja õhtul kell kümme on MASSOLIT-is koosolek, mida ma juhatan.

(Перевод М. Varik и J. Ojamaa)

- (100) – Я – историк, – подтвердил ученый и добавил ни к селу ни к городу: – Сегодня вечером на Патриарших прудах **будет** интересная история! (М. Булгаков)

„Jah, olen küll,“ kinnitas õpetlane ja lisas äkki asja eest, teist takka: „Täna õhtul juhtub Patriarhi tiikide juures huvitav lugu!“

(Перевод М. Varik и J. Ojamaa)

Для выражения значения будущего времени в начальный период развития эстонского литературного языка принимались очень разные решения, потому что было много иноязычных форм будущего времени, которые приходилось переводить на эстонский язык, однако единый и всеми одобренный способ для этого отсутствовал [Kilgi 2010: 178].

Вопрос о форме будущего времени в эстонском языке уже давно интересует лингвистов. Например, Ю. Мягисте подчеркивал, что культурный язык не может обойтись в некоторых случаях без формы будущего времени и что если эстонцы не хотят принять будущее время с глаголом *saata* из-за того, что считают его чистым германизмом, то стоит иметь в виду, что выражение будущего времени формой настоящего тоже является свойством германских языков [Mägist 1936: 91–92].

Известно, что Й. Аавик предложил даже искусственно сконструированный признак будущего времени для эстонского языка *-re-*, с помощью которого можно было бы образовать формы будущего времени, например от глагола *paluma* (просить): *ma paluren* (я попрошу), *sa palured* (ты попросишь), *ta palureb* (он попросит) [Aavik 1924: 130]. Однако эту идею не приняли.

Несмотря на это, споры о существовании или отсутствии формы будущего времени в эстонском языке продолжались. Х. Метсланг сравнивает между собой три разных мнения о том, существует ли в эстонском языке будущее время. Варианты ответов на этот вопрос следующие:

- 1) будущее время с глаголом *saata* (стать);

- 2) будущее время с глаголом *hakkama* (буду);
- 3) нет никакого будущего времени.

Сама Х. Метсланг считает, что истина находится где-то между этими вариантами, так как не всегда можно с полной уверенностью сказать, существует ли какая-либо категория в языке. Если ее в одном случае нет, а в другом она есть, то возникает вопрос, как же небытие становилось бытием. Х. Метсланг предлагает считать, что как будущее время с *saama*, так и будущее время с *hakkama* не до конца утвердились в эстонском языке, и поэтому они остаются на периферии эстонской системы временных форм, в центре которой находятся формы настоящего времени, претерита, перфекта и плюсквамперфекта [Metslang 1997a: 227–228].

Кроме вышеприведенной, существует еще одна возможность: нельзя ли считать способность формы настоящего времени выражать будущее время ее вторичным/переносным значением (так как первичное значение этой формы – передавать действие или состояние в момент речи). В данном случае можно привести параллель с настоящим историческим, которое также является переносным употреблением формы настоящего времени. Переносное употребление проявляется лишь в особых ситуациях, в случае настоящего исторического это определенный, указывающий на прошлое, контекст и лексические показатели (наречия и т. п.). Похожую ситуацию наблюдаем в эстонском языке при употреблении формы настоящего времени для выражения действия в будущем, эту функцию форма презенса приобретает лишь в определенном контексте с помощью лексических и др. языковых средств. Сама по себе (т. е. без дополнительных языковых или контекстуальных средств) форма настоящего времени выражает только действие или состояние в настоящем. Уже К. Михкла и А. Вальмис обратили внимание на то, что кроме основного значения (*põhitähendus*), глагол, стоящий в форме настоящего времени, может выражать еще действие или состояние в прошлом или в будущем [Mihkla, Valmis 1979: 34]. Х. Метсланг в свою очередь утверждает, что конструкции будущего времени основываются на метафорических переносах [Metslang 2001a: 229].

3.3.2. Средства выражения значения будущего времени в эстонском языке

Вопрос о форме будущего времени является одной из сложнейших тем в эстонской грамматике. К сегодняшнему дню языковеды в основном пришли к единому мнению, что морфологической формы будущего времени в эстонском языке нет, однако это не означает, что отсутствует возможность выразить действие в будущем.

Как показывает небольшое исследование Х. Метсланг и Р. Поол, из 14 учебников по эстонскому языку²⁸ будущее время упоминается лишь в трех (в двух пособиях очень коротко). В рамках этого исследования не рассматривались школьные учебники и научные грамматические пособия [Поол, Метсланг 2014: 301–302]. Однако, как отметили авторы статьи, из этого не следует, что в процессе обучения вообще не говорят о возможностях выражения действия или состояния в будущем, но почему-то во многих учебниках эта тема отдельно не рассматривается.

Х. Метсланг утверждает, что будущее время является относительно мало грамматикализованной категорией языка, и в современном языке весьма очевидно, из каких лексических или грамматических средств развились средства выражения будущего времени [Metslang 1996: 142].

С другой стороны, в научных трудах вопрос будущего времени в эстонском языке затрагивался неоднократно [Metslang 1994a, 1994b, 1997a]. Выделено несколько способов для выражения значения действия или состояния в будущем. Рассмотрим эти возможности подробнее.

3.3.2.1. Форма настоящего времени

В эстонском языке формы настоящего времени выражают действия, происходящие как в настоящем, так и в будущем времени. Различие между настоящим и будущим в эстонском языке проявляется благодаря лексическим и синтаксическим средствам.

Б. А. Серебренников отмечает, что в эстонском языке наблюдается распределение средств для выражения будущего времени по видовому признаку. Так, например, форма настоящего времени чаще употребляется для выражения действий, достигающих предела (т. е. аналогичных значению СВ русского языка). В свою очередь, действие, не достигающее предела, зачастую выражается аналитическими конструкциями [Серебренников 1963: 451–452].

Х. Метсланг приводит еще одно наблюдение: если событие перфективное, то из формы настоящего времени следует значение будущего времени (101), однако если событие имперфективное, то контекст и наречия помогают выражать будущее время (102) [Metslang 1994a: 534].

(101) *Jüri parandab katuse ära.*

Юри починит крышу.

²⁸ Авторами было просмотрено 14 учебных пособий для взрослых, которые были изданы в 1996–2012. По словам авторов статьи, все эти пособия можно разделить на три группы: 1) учебники для начинающих; 2) учебники для продвинутого этапа; 3) практические пособия и справочники для изучающих эстонский в качестве второго языка. Более подробно см. [Поол, Метсланг 2014: 301–302].

- (102) *Jüri parandab homme katust.*
Юри будет завтра чинить крышу.

Особого внимания заслуживает ситуация, когда форма настоящего времени со значением действия в будущем является ответом на вопрос. Если спросить у Юри, что он делает завтра, то в эстонском языке существует два варианта ответа:

а) *Ma parandan katust.* (*Я чиню крышу.*) – этот ответ уместен, если Юри собирается продолжить чинить крышу.

б) *Ma hakkan katust parandama.* (*Я начну чинить крышу.*) – этот ответ он, скорее всего, употребит в том случае, если он завтра только начнет чинить крышу.

Под лексическими средствами в первую очередь понимают наречия, см. примеры (103), (104) и (105).

- (103) *Me otsustasime, et läheme homme metsast välja.* (A. Kasemaa)
Мы решили, что завтра выйдем из леса.

- (104) *Ma kardan, et nad tulevad varsti tagasi, ei jää see külaskäik viimaseks.*
(A. Kasemaa)
Я боюсь, что они скоро вернутся, это посещение не будет последним.

- (105) *Tädi Olga saadab tuleval kolmapäeval emale need kaheksa musta palitunööpi ära, mis ema palus.* (V. Luik)

Тетя Ольга пошлет в следующую среду маме эти восемь пуговиц для пальто, которые мама (но)просила.

Кроме лексических средств, значение будущего времени может выражаться также синтаксически, например, формой прямого дополнения – täissihitis (в форме генитива или номинатива) [Пяльц и др. 1962: 153]. Примеры (106) и (107).

- (106) *Kas tahate, et ma saadan teile need mälestused ka?* (E. Mihkelson)
Хотите, я пришлю вам тоже эти мемуары?

- (107) *Äkki leiab Pilar isegi võimaluse mulle sõnum saata, kui ta midagi välja uurib.* (I. Hargla)

Вдруг Пилар найдет даже возможность прислать мне сообщение, если она что-то выяснит.

В выражении будущего времени могут участвовать также некоторые глаголы, лексическое значение которых уже содержит значение будущего действия, например: *tuleb* (*придем*), *hakkab* (*будет, начнет*), *saab* (*станет*), *jääb* (*останется / остается*) [ЕКК 2007: 461]. Примеры:

(108) *Suur sadu tuleb.* (E. Mihkelson)

Будет сильный дождь.

(109) *Siia tuleb maja, kuhu kõlbab tuua sõpru.* (A. Biin)

Здесь *будет* дом, куда можно приводить друзей.

(110) *Kõik tema patsiendid hakkavad surema, teda hakatakse kutsuma mustaks inglisk ja talt tahetakse arstiameti õigus üldse ära võtta.*

(К. Kõusaar)

Все ее пациенты *начнут* умирать, ее *будут* звать черным ангелом и захотят вообще лишить права работать врачом.

(111) *Õde saab terveks/jääb haigeks.*

Сестра выздоровеет/заболеет.

3.3.2.2. Аналитические конструкции

Кроме формы глагола настоящего времени, значение будущего времени может передаваться и аналитическим путем. Аналитический способ выражения будущего действия или состояния имеется в ряде финно-угорских языков, хотя далеко не во всех справочниках по грамматике они выделяются как средства с этой способностью. Причины этого К. Е. Майтинская видит в том, что:

1) они употребляются достаточно редко – чаще действия в будущем выражаются с помощью формы настоящего времени;

2) в большинстве языков служебная единица аналитической конструкции еще недостаточно отделился от породившего ее полнозначного слова.

Она разделяет формы будущего времени по использованию вспомогательных элементов на две разновидности:

а) в качестве вспомогательного компонента выступает глагольное слово (чаще всего глагол со значением «начинать»);

б) в функции вспомогательного компонента выступает неглагольное слово [Майтинская 1973: 84].

Будущее время с *hakkama*²⁹ особенно хорошо выражает повторяющиеся и более активные события в будущем [Metslang 1997a: 230].

²⁹ Необходимо отметить, что не все лингвисты одобряют употребление будущего времени с *hakkama* и *saama*, например, П. Немвальтс советует по возможности из-

(112) *Ma lähen koju ja **hakkan** maalima!* (K. Kõusaar)
Я пойду домой и буду/начну рисовать!

(113) *Kui välja saame, küll me siis veel **hakkame** võitlema.* (L. Kunnas)
Когда мы выйдем, мы еще будем сражаться.

В пользу будущего времени с *hakkama* говорит то, насколько просто и без проблем оно проникло в эстонский язык. С другой стороны, его «слабостью» является то, что эту форму нельзя употреблять в контекстах, в которых выражается действие, начатое в настоящем и продолжающееся в будущем [Metslang 1993: 217]. Однако в отличие от будущего времени с *saama*, в конструкциях с *hakkama* может выступать большое количество разных глаголов, например: *tegelema* (заниматься), *tegea* (делать), *kasutata* (использовать), *tootma* (производить), *maksta* (стоить) и т. д. [Prass 2011: 43–44].

(114) *Bussipilet **hakkab maksta** 3 krooni.* (Eesti Päevaleht 24.01.1997)
Автобусный билет будет стоить 3 кроны.

(115) *Ta **hakkab tegelema** muude asjadega.*
Он будет заниматься другими вещами.

Будущее время с *saama*³⁰ появляется в эстонских памятниках начиная с XVII века, оно образуется от личных презенсных форм глагола *saama* (общее значение «становиться, стать») + инфинитив на *-ta* смыслового глагола [Майтинская 1973: 86–87]. Этот способ для выражения действия в будущем стал в эстонском языке частотным благодаря влиянию немецкого футурума с *werden*. С 30-х годов XX века наблюдается тенденция избегать употребления формы будущего времени с *saama* как германизма, однако до сих пор она не исчезла из современного эстонского языка [Tragel, Habicht 2012: 1399, 1403]. Будущее время с *saama* имеет очень общее значение и его употребляют в основном с глаголом *olema* (быть), реже с другими глаголами состояния [Metslang 1997a: 228].

(116) *Kuid mu surm **saab olema** hea surm ja ma lahkun võidulauluga huul-
tel.* (V. Belials, M. Simpson)

бегать этих форм и употреблять вместо них более распространенные в эстонском языке способы выражения будущего времени, так как каждое предложение воспринимается слушателем все же в контексте, и поэтому значение будущего времени никуда не исчезает и в других вариантах выражения, более свойственных для эстонского языка [Nemvalts 1999: 761].

³⁰ О семантике и функциях глагола *saama* см. подробнее [Tragel, Habicht 2012: 1371–1412; Habicht, Tragel 2014: 826–844].

*Но моя смерть **будет** хорошей смертью, и я уйду с победной песней на устах.*

- (117) *Reis **saab olema pikk***. (I. Hargla)
*Путешествие **будет** долгим.*

По словам М. Эрелта и Х. Метсланг, сознательный носитель эстонского языка всегда относился к этой возможности выражения будущего времени довольно неприязненно, т. к. ее считают ненужным заимствованием из немецкого языка. Рассуждая о том, почему носители языка до сих пор окончательно не приняли эту форму, М. Эрелт и Х. Метсланг приходят к выводу, что будущее время с *saata* считается «не своим», а «чужим» в основном потому, что количество эстонских глаголов, которые могут выступать в такой конструкции, невелико [Erelt, Metslang 1998: 667]. Больше всего в таких конструкциях используется глагол *olema* (*быть*), но встречаются и некоторые другие варианты, например: *toimuma* (*происходить*), *mängima* (*играть*), *levima* (*распространяться*) и др. [Prass 2011: 42].

- (118) *Millal see **saab toimuma**, sõltub Annuse sõnul eelkõige eeltöö kiirusest*. (Postimees 22.10.1996)

*Когда это **произойдет**, зависит, по словам Аннуса, прежде всего от скорости предварительной работы.*

Необходимо отметить, что больше всего будущее время с *saata* употребляется в публицистических текстах [Metslang 2011: 224].

Однако если заменить в вышеприведенных примерах будущее с *saata* формой настоящего времени, то явное указание на будущее время сразу теряется. Например, вместо *See reis **saab olema pikk***. vs *See reis **on pikk***. В случае употребления формы настоящего времени речь идет о путешествии, которое совершается в момент речи, а не о будущем.

В качестве альтернативы будущего с *saata* иногда предлагается глагол *tulema* (*прийти*), и зачастую это действительно дает желаемый результат [Metslang 2003: 34–35], см. пример (119).

- (119) *See reis **tuleb pikk***.
*Путешествие **будет** долгим.*

Однако этот вариант не всегда возможен, т. к. глагол может в контексте сохранять свое значение перемещения в пространстве, например:

- (120) *Sirje mees **saab olema ohvitser***. (O. Remsu)
Sirje mees **tuleb ohvitser*.

Х. Метсланг выделяет два употребления глагола *saama* со значением будущего времени [Metslang 1997a: 228–229]:

1) в конструкциях с *ta*-инфинитивом

- (121) *Usun, et Eestil ja eesti keelel **saab olema** mingi osa minu tulevases ametis.* (Postimees 14.02.1996)

*Я верю, что Эстония и эстонский язык **будут** играть какую-то роль в моей будущей профессии.*

- (122) *Nii palju on veel vaja teha, et **saame magama** alles pärast keskööd. Столько еще надо сделать, что нам удастся лечь спать только после полуночи.*

2) в значении 'становиться' (*muutuma*) без инфинитивной формы глагола.

- (123) *Uus sõda tuleb ja Eesti **saab** vabaks.* (E. Mihkelson)
*Будет новая война, и Эстония **станет/будет** свободной.*

- (124) *Muidugi **saab** ta terveks, kinnitas mees.* (A. Biin)
*Конечно, он **выздоровеет**, заверил мужчина.*

Кроме этого, могут быть употреблены страдательные конструкции с формой глагола *saama* в настоящем времени и пассивным причастием прошедшего времени (на *-tud*).

- (125) *Magaja äratatakse üles, seni kuni see ükskord silmad **pestud saab**, on tädi Olgal juba põrand niiske lapiga üle võetud.* (V. Luik)

Спящего будят, и пока он, наконец, умывается, у тети Ольги пол уже помыт.

Инессив супина или т. н. *mas*-форма: в эстонской академической грамматике указывается, что инессив супина выражает одновременность действия придаточного предложения с действием главного, а инфинитивная форма с показателем *-ta* и транслатив супина передают значение последующего действия. Эти отношения можно рассматривать как таксисные [Кюльмоя 2011: 115]. В отдельных случаях временные отношения могут быть иными. Однако существует также мнение, что инессив супина может без особых сложностей выражать значение будущего времени в сочетаниях связочного глагола *olema* (*быть*) [ЕКК: 2007: 461].

- (126) *Külalised **on lahkumas**.*
Гости уходят. (Дословно: гости находятся в процессе ухода)

Ср.

(127) *Külalised hakkavad lahkuma.*

Гости начинают/начнут/будут уходить.

В примере (126) явно выражено значение процесса, говорящий наблюдает за процессом ухода (т. е. некоторые гости, может быть, уже ушли, некоторые еще собираются и т. д.). Второе предложение интерпретировать немного сложнее, так как можно, например, сказать: *Külalised hakkavad varsti lahkuma* (*Гости будут/начнут скоро уходить*), и в таком случае имеется в виду именно план будущего. Однако возможен и такой вариант: *Ma näen, et külalised hakkavad lahkuma* (*Я вижу, что гости начинают уходить*), и в этом случае снова передается значение процесса, так как говорящий судит по каким-то признакам (слова, действия гостей), которые указывают на то, что гости собираются уходить.

Значение процесса наблюдается также в примере (128).

(128) *Ta kuulus nende väheste hulka, kes kunagi ei kurnud rahapiidust või seda, et kontrolltöö on tulemas.* (P. Bristol)

Он относился к числу тех немногих, кто никогда не жаловался на нехватку денег или на то, что скоро будет контрольная/ожидается контрольная/приближается контрольная.

По словам А. Пихлака, необходимо различать два фактора в употреблении инессива супина. Если инессив супина образован от глагола, который неспособен выражать актуальное настоящее, например: *ehmita* (*испугаться*), *ütleta* (*сказать*), *uimuta* (*заснуть*), *ärkama* (*проснуться*), *kaduma* (*потеряться*), *leidma* (*найти*), *lõppema* (*кончиться*), *algama* (*начаться*) и др., то конструкции типа *Pomm on lõhkemas/Pomm oli lõhkemas* выражают значение непосредственного будущего в настоящем и в прошлом. Если инессив супина образован от глагола, который способен выражать актуальное настоящее, то А. Пихлак, вслед за Б. А. Серебренниковым [см. Серебренников 1963: 502], называет его «эмфатическим презенсом» или «эмфатическим имперфектом», основной функцией которых является эмфатическое выделение длительности действия [Пихлак 1982: 93–95]. Например: *Ma olen raamatut lugemas/Ma olin raamatut lugemas.*

Думается, что с этим можно согласиться лишь частично, потому что без проблем можно сконструировать предложения: *Lapsed istuvad klassis ja tund on algamas* (*Дети сидят в классе и урок начинается*) или *Emal laulab häällaulu ja laps on uinumas* (*Мама поет колыбельную и ребенок засыпает*). В этих контекстах глагольные формы выражают одновременность одного действия с другим, которое происходит в настоящем времени, и

поэтому не совсем точно будет утверждать, что в данных случаях выражается только будущее время. Для того чтобы мы смогли утверждать, что ребенок засыпает, должны проявляться какие-то признаки этого, например: у него глаза закрыты, он дышит ровно и т. п., и это все проявляется уже в настоящем. Несомненно, в таких контекстах часто очень сложно, а порой, наверное, и невозможно точно провести границу между настоящим и будущим. Действительно, невозможны предложения типа: **Koer haugub ja poiss on ehmunas* (Собака лает и мальчик пугается) или **Ma otsin oma kella ja olen seda leidmas* (Я ищу свои часы и нахожу их).

3.4. Переносное употребление временных форм в семантическом плане будущего

Кроме собственно формы будущего времени русского языка, семантический план футурума может передаваться также формами настоящего и прошедшего времени. С точки зрения эстонского языка, употребление формы настоящего времени при выражении значения футурума, как уже было отмечено ранее, является особенным, потому что в этом случае обычно не говорят о переносном употреблении формы настоящего времени. Хотя в более ранних справочниках [Mihkla jt 1974; Mihkla, Valmis 1979] рассматривается употребление формы настоящего времени для выражения действий в будущем как частное значение данной временной формы, однако в современных трудах [EKG II 1993; EKG I 1995; ЕКК 2007] значение будущего времени уже не выделяется как вторичное. С другой стороны, можно привести аргументы в пользу того, что выражение значения будущего времени является переносным употреблением формы настоящего времени [Kupp-Sazonov, Külmoja 2014: 181].

Несмотря на то, что по отношению к эстонской грамматике можно спорить о том, является ли форма настоящего времени, выражающая значение будущего, переносным употреблением формы презенса или нет, в русском языке (так как существуют морфологические формы будущего времени), подобного вопроса не возникает. Поэтому далее рассмотрим именно те случаи, когда форма настоящего употребляется для выражения значения будущего.

А. В. Бондарко выделяет две разновидности настоящего при обозначении будущих действий:

- настоящее намеченного действия;
- настоящее воображаемого действия [Бондарко 1971а: 154].

Что касается форм прошедшего времени, то только форма СВ прошедшего времени может в определенных случаях выражать значение футурума.

3.4.1. Настоящее при обозначении будущих действий

Настоящее намеченного действия – означает, что действие имеет место в будущем (это могут выражать лексические показатели темпоральности, например: *завтра, через год*), но в настоящем наблюдаются намерение, готовность его осуществить или уверенность говорящего в том, что оно произойдет. В зависимости от контекста формы настоящего времени могут быть заменены формами настоящего-будущего СВ или будущего НСВ в прямом употреблении, при этом исчезают оттенки модальности, но общий смысл высказывания сохраняется. Оказывается, что не все глаголы могут быть употреблены в этом переносном значении. Чаще всего в таком употреблении встречаются глаголы со значением перемещения в пространстве. Действие, выражаемое этим переносным употреблением формы настоящего времени, должно быть значимым для говорящего, оно должно заслуживать того, чтобы его планировали [Там же: 154–156].

(129) *Завтра еду в Москву на конференцию аллергологов.* (И. Грекова)

При этом важно иметь в виду, что такое переносное употребление формы настоящего времени может указать как на ближайшее, так и на более отдаленное будущее.

М. Я. Гловинская подчеркивает, что провести временную границу между близким и отдаленным будущим невозможно, поэтому следует считать понятие близкого будущего относительным. Для иллюстрации своего утверждения она предлагает сравнить два примера: *через десять лет на Земле наступает похолодание* и **через десять лет в этом районе наступает похолодание*. Второе предложение вызывает сомнения и, по словам М. Я. Гловинской, указанный промежуток времени может в одном случае оцениваться как близкое будущее, а в другом случае – далёкое. Десять лет в истории Земли и тот же период времени для определенного региона оцениваются по-разному. Странность высказывания вызвана тем, что прогнозы погоды для регионов делаются, как правило, на более короткие сроки, в то время как для всей нашей планеты подобные прогнозы являются обыкновенными [Гловинская 2001: 157–158].

По мнению А. В. Бондарко, следует выделить одну разновидность настоящего намеченного действия, в котором выражается дополнительный оттенок побуждения, предписания, см. пример (130).

(130) *Завтра ты **отправляешься** к войску и там должен решить участь России. Служи нам, как ты служил отцу моему.*
(Ф. Булгарин)

Настоящее воображаемого действия – говорящий представляет будущие действия так, как будто они имеют место в момент речи [Бондарко 1971а: 156–157].

- (131) *И вот, вообразите, **распахивается** дверь этого бревенчатого здания, и **появляется** он.* (М. Булгаков)

Кажется, что настоящее воображаемого действия можно сравнить с настоящим историческим, в первом случае действие в будущем представляется как происходящее в момент речи, а во втором случае то же самое делается прошлым действием, которое говорящий как бы переносит в настоящее. К тому же настоящее время воображаемого действия, как и настоящее историческое, имеет оттенок эмоциональности и экспрессивности.

3.4.2. Прошедшее при обозначении будущих действий

Форма прошедшего времени СВ может употребляться в двух переносных значениях: прошедшее в контексте будущего и прошедшее в контексте настоящего абстрактного. В первом случае будущее действие выражается формой прошедшего СВ и создается впечатление, что оно уже осуществилось. Аналогичное переносное употребление возможно в условных конструкциях, однако в таких контекстах меняется стиль, вместо нейтрального появляется экспрессивный [Там же: 132].

- (132) *Ну, допустим, я сделаю это – напишу заявление. Хорошо, я **написала** заявление. А что дальше?*

Не все глаголы прошедшего времени СВ могут употребляться в контексте будущего времени. К глаголам, которые встречаются в таком употреблении, можно отнести: *пошел, ушел, побежал, погиб, пропал* [Петрухина 2009: 167–168].

- (133) *Я **погибла**, Тамарин, **погибла**, потому что расстанусь с тобой, быть может навсегда!* (М. Авдеев)

В. В. Виноградов выделяет также употребление прошедшего времени СВ в значении будущего, которое можно считать разговорным и оно имеет яркую экспрессию презрительного отрицания или отказа. Например: *Как же! **Пошла** я за него замуж!* (т. е. ни за что не пойду) [Виноградов 1972: 430]. Формы прошедшего времени СВ в разговорной речи могут употребляться в значении будущего, когда говорится о действиях, уже начавшихся в момент речи [СРЯ 1989: 115], см. пример (134).

(134) *Ну, я пошел!*

В таком предложении нет иронии, говорящий просто выражает свои намерения. Несмотря на то, что в примере (134) интонация говорящего не играет столь важной роли, как в предыдущих высказываниях, такое употребление формы прошедшего времени СВ также встречается, прежде всего, в разговорной речи. Вероятно, в таком значении могут употребляться исключительно глаголы движения.

В качестве небольшого отступления (в основном в диссертации рассматривается употребление временных форм в изъявительном наклонении) можно выделить еще одно своеобразное употребление формы прошедшего времени, а именно использование форм прошедшего времени СВ в значении категорического приказа, то есть в функции повелительного наклонения.

(135) *Понял? Быстро **встал** – и к баракам!* (А. Геласимов)

Синонимично повелительному наклонению, но не в смысле категорического приказа, а в смысле побуждения к действию, в котором будет участвовать и говорящий (инклюзивное значение), употребление форм прошедшего времени совершенного вида в форме множественного числа: *Пошли в кино! Поехали на море.*

3.5. Перевод русских форм, выражающих семантический план будущего, на эстонский язык

Анализируя способы, которыми формы будущего времени или иные временные формы, выражающие семантический план будущего, передаются на эстонский язык, необходимо помнить о том, что морфологической формы будущего в эстонском языке нет, и поэтому переводчики вынуждены прибегать к самым разным языковым средствам.

Для начала обратимся к переводу русской формы будущего времени НСВ, которая имеет уже ранее упомянутые значения:

1) Будущее конкретного единичного действия:

(136) *Где бы мы ни оказывались, то и дело повторял: – Скоро **будем обедать**.* (С. Довлатов)

Kus me ka polnud, kordas ta alatasa: „Kohe lähme lõunat sööma.“

(Перевод V. Matsov)

Перевод на эстонский язык означает буквально: *Сейчас пойдём обедать*. На первый взгляд это может казаться не совсем точным переводом, однако

важно учитывать контекст. Кажущееся более точным эстонское: *Varsti hakkame lõunat sööma* (*Скоро будем обедать*) подразумевает, что мы будем обедать в том же месте, где сейчас находимся. Так может сказать, например, мать ребенку: *Ära võta küpsist, varsti hakkame lõunat sööma* (*Не бери печенье, скоро будем обедать*). Однако в данном случае герои ходят по разным ресторанам, и поэтому в эстонском переводе добавляется глагол *läh(e)me* (*пойдем*).

В примере (137) употребляется тот же глагол (*minema – läheb*) и благодаря такому выбору переводчика, эстонский читатель получает на самом деле больше информации, чем русский. В эстонском языке указывается, что сад будет продаваться на аукционе, в русском предложении такая информация отсутствует. С другой стороны вполне уместным был бы вариант *läheb müüki*, где просто заявляется о будущей продаже сада.

(137) Напоминаю вам, господа: двадцать второго августа **будет продаваться** вишневый сад. (А. Чехов)

*Tuletan teile meelde, härrased, kahekümne teisel augustil **läheb** kirsiaed **oksjonile**.* (Перевод Н. Luik, V. Rajassar, E. Raudsepp, J. Tamm)

2) Будущее постоянного действия – пример (138) нельзя считать удачным, так как в эстонском языке в случае первой формы (*буду работать – hakkan tööle*) полностью теряется значение постоянного действия, а сохраняется только значение начала будущего действия. Во второй форме (*будет работать – töötab*) благодаря указанию на время (*через какие-нибудь двадцать пять-тридцать лет – kahekümne viie, kolmekümne aasta pärast*) проявляется значение будущего, хотя глагольная форма на это специально не указывает, однако есть значение постоянного действия.

(138) Я **буду работать**, а через какие-нибудь двадцать пять-тридцать лет **работает** будет уже каждый человек. Каждый! (А. Чехов)

*Mina **hakkan tööle**, ja vahest kahekümne viie, kolmekümne aasta pärast **töötab** juba iga inimene. Igaüks!*

(Перевод Н. Luik, V. Rajassar, E. Raudsepp, J. Tamm)

Для более точной передачи значения оригинала эстонское предложение следовало бы переконструировать, например, таким образом: *Mina **hakkan töötama**, ja vahest kahekümne viie, kolmekümne aasta pärast **töötab** juba iga inimene.*

Приводимые далее примеры иллюстрируют, какими различными средствами эстонского языка может передаваться форма будущего времени НСВ, при этом в рамках одного частного значения (будущего постоянного действия):

- (139) Много **будешь иметь** противников, но и самые враги твои **будут любить** тебя. (Ф. Достоевский)

Palju vastaseid saab sul olema, aga ka sinu vaenlased saavad sind armastama. (Перевод А. Kurfeldt)

- (140) Я вообще начинаю опасаться, что путаница эта **будет продолжаться** очень долгое время. (М. Булгаков)

Ma hakkan üldse pelgama, et see segadus võib kesta väga pikka aega.
(Перевод М. Varik и J. Ojamaa)

В переводе примера (140) усиливается значение потенциальности действия, потому что *voib kesta* означает *может продолжаться*.

- (141) Ты **будешь жить** вечно, но я тебя сделаю бесчувственным. Я знаю, как это делать. Одна маленькая операция, и ты станешь как истукан. (В. Войнович)

Sina hakkad igavesti elama, kuid ma teen su tundetuks. Ma tean, kuidas seda teha. Üks väike operatsioon ja oledki nagu puuslik.
(Перевод А. Pekkonen)

3) Будущее обычного и повторяющегося действия:

- (142) Если тебя каждый день **будут молотить** чем попадя, а милиция, вместо того чтобы заступиться, сама будет кулаки на тебе пробовать, – покорнейше благодарю! (М. Шолохов)

Kui sind iga päev klobima hakatakse, ükskõik mis pihku juhtub, ja kui miilits, selle asemel, et sinu kaitseks välja astuda, ise rusikad sinu turgajale tööle paneb, täna väga! (Перевод F. Kõlli)

- (143) Каждый день **будут** к ним **ходить** разные люди и **звонить** по телефону, и всегда они **будут идти** по делу, или **сдавать** зачеты, или **нянчить** Леню, а я тут **буду ждать, ждать** и не дождусь никогда... (В. Панова)

Iga päev käivad nende juures kõiksugu inimesed, helistavad telefoniga, ühtelugu on neil asjaajamisi, või annavad eksameid, või hoiavad Ljonat, mina aga ootan siin, ootan ja jäängi ootama...

(Перевод D. Vaarandi и M. Varik)

В примере (143) в отличие от предыдущих предложений, в эстонском языке вообще не выражается значение будущего времени, все действия можно истолковать как происходящие в плане настоящего. На вопрос, почему переводчик предпочел именно такой перевод, ответить сложно, так как нет явных препятствий для употребления, например, конструкции *hakkata + ma-инфинитив*: *Iga päev **hakkavad** nende juures **käima** kõiksugu inimesed, **helistama** telefoniga, ühtelugu on neil asjaajamisi, või **hakkavad tegema/sooritama** eksameid, või **hoidma** Ljonat, mina aga **hakkan** siin **ootama**, **ootan** ja **jäängi** ootama...*

4) Будущее обобщенного факта:

(144) *Теперь неделю будет болеть и на месяц останется полоса, как будто располосовали ножом. — **Есть будешь?** — спросил Седой.*
(О. Куваев)

*Nüüd valutab nädal aega – ja kuu aega on triip järel, nagu oleks noaga äsatud. „Kas sa **süüa tahad?**“ küsis Hall. (Перевод V. Krimm)*

В эстонском языке обобщенно-фактическое значение не имеет специальных средств выражения. Эстонский перевод *kas sa süüa tahad?* (*хочешь есть?*) можно заменить вопросом *kas sa sööma hakkad?*, где проявляется значение будущего действия.

Далее обратимся к форме настоящего-будущего СВ и способам ее перевода на эстонский язык.

1) Будущее время конкретного единичного действия:

(145) *Теперь же скоро **стемнеет**, и вам лучше будет переезжать Рейн при луне.* (И. Тургенев)

*Nüüd **läheb** varsti **pimedaks**, ja teil on parem alles kuupaistel üle Reini sõita.* (Перевод E. Krusten)

(146) *Кроме того, он **напишет** мне письмо, копию **оставит** себе – как официальное предупреждение.* (Д. Гранин)

*Pealegi **kirjutavat** ta mulle kirja – koopia **jätvat** endale – kui ametliku hoiatuse.* (Перевод M. Lott)

В переводе примера (146) наблюдается любопытная трансформация: вместо изъявительного наклонения появляется косвенное. Как правило, с помощью косвенного наклонения можно выражать действие, о котором говорящий узнал через 3-е лицо и пересказывает услышанное [Кюльмоя и др. 2003а: 80]. Думается, что в данном случае переводчик выбрал это средство, так как хотел подчеркнуть оттенок потенциальности действия, ибо

действие, выраженное формой будущего времени, всегда содержит элемент возможности, неуверенности в том, что действие на самом деле завершится.

В переводе примера (147) эстонские формы настоящего времени выражают значение будущего благодаря контексту в целом (описываемые действия следуют друг за другом) и особенно форме сослагательного наклонения (*et Mihhailov näeks* – чтобы он видел).

- (147) Она **встает** и голая, счастливая идет на кухню, чтобы заварить им обоим крепкого чая и чтобы он видел, как и каким шагом она чай сейчас сюда **принесет**. (В. Маканин)

Ta tõuseb üles ning läheb õnnelikuna ja alasti kööki, et teha neile mõlemale kanget teed ja et Mihhailov näeks, kuidas ja millise kõnnakuga ta siis tee kohale toob. (Перевод Т. Laansoo и др.)

2) Будущее время повторяющегося и обычного действия:

- (148) Кому нужна белая верхняя одежда! Это же каждый день **стирать придется!** — Смотрите, какая элегантная! (Д. Донцова)

Kellel seda valget üleriiet vaja on. Seda tuleb ju iga päev pesta. „Vaadake, kui elegantne!“ (Перевод Е. Ormus)

Для передачи значения повторяемости в обоих языках требуются лексические средства (*каждый день – iga päev*).

Перейдем к рассмотрению иных временных форм, которые в определенных контекстах (при переносном употреблении) выражают семантический план будущего:

1) Настоящее намеченного действия:

- (149) Завтра я **возвращаюсь** в Салоники, чтобы взяться за работу. (Д. Гранин)
Homme siirdun tagasi Salonikisse, et asuda tööle. (Перевод М. Lott)

- (150) В общем, завтра я **приступаю** к съёмкам. (С. Довлатов)
Ühesõnaga homme asun ma võtteid tegema. (Перевод J. Ojamaa)

- (151) Послушай, идея такова. Я **знакомлюсь** с каким-нибудь фраером. У него машина, деньги, ***³¹, и прочее. (С. Довлатов)

³¹ *** заменяет определенное ругательство.

*Kuula, mõte oli niisugune. Ma teen tutvust mõne tuusaga. Sel, ***, on auto, nodi ja kõike muud.* (Перевод V. Matsov)

2) Настоящее воображаемого действия:

- (152) *Прихожу в мастерскую или приезжаю, если она в районе, **знакомлюсь** с производством, **показываю, налаживаю**, всё ясно, все довольны, **уезжаю, докладываю** начальству о проделанной работе.* (А. Рыбаков)

*Tulen töökotta või sõidan sinna, kui see asub rajoonis, **tutvun** tootmisega, **näitan** kätte, **panen** asjad **liikuma**, kõik on klaar, kõik on rahul, **sõidan minema, kannan** ülemustele tehtud tööst **ette**.*

(Перевод Р. и L. Mõtsküla)

- (153) *Об чем, бишь, я думал? Да! Ну уж, конечно, они меня посадят с самым важным гостем, какой-нибудь там титулярный али родственник, отставной штабс-капитан с красным носом... Ну **знакомлюсь**, разумеется, с молодой, **хвалю** ее, **ободряю** гостей. **Прошу** их не стесняться, веселиться, продолжать танцы, **острю, смеюсь**, одним словом – я любезен и мил.* (Ф. Достоевский)

*Millest ma mõtlesingi? Ahjaa! Nii, muidugi mõista pannakse mind istuma kõige tähtsama külalise seltsi, küllap neil on seal mõni titulaarnõunik või mõni sugulane, mõni punase ninaga eru staabikapten... Muidugi **tutvustatakse** mind pruudiga, ma **kiidan** teda ja **julgustan** külalisi. **Palun** neid, et ärgu häbenegu, lõbutsegu ja tantsigu edasi; **viskan nalja, naeran**, olen ühesõnaga kena ja lahke.* (Перевод В. Кримм)

В примере (153) есть указание на то, что описываемые события не происходят на самом деле, в реальности, а герой просто воображает себе, как все может случиться в будущем: *Об чем, бишь, я думал? Да! Ну уж, конечно, они меня посадят.* Для более яркого представления развития событий далее употребляются формы настоящего времени.

То же касается примера (154), где четко указано, что герой только рассуждает о том, как все может произойти. При этом, кроме собственно форм настоящего НСВ, в предложении могут быть представлены и формы настоящего-будущего СВ и будущего НСВ, которые имеют прямое употребление и выражают план будущего.

- (154) *Вот мы нынче **приедем**, – продолжал он рассуждать... – и вдруг прямо на бастион: я с орудиями, а брат с ротой, – и вместе **пойдем**. Только вдруг французы **бросаются** на нас. Я – стрелять, стрелять: **перебью** ужасно много; но они все-таки **бегут** прямо на*

меня... Французы **бросятся** на брата. Я **подбегу**, **убью** одного француза, другого и **спасю** брата. (Л. Толстой)

Hea küll, varsti **oleme kohal**,“ jätkas ta oma mõtiskelu... ja äkki otse bastioni: mina patareiga ja vend rooduga, ning me **läheme** koos. Kuid äkki **tormavad** meie kallale prantslased. Mina **tulistan**, **tulistan**: **tapan** õudselt palju; kuid nad **jooksevad** siiski otse minu peale...Prantslased **tungivad** venna **kallale**. Ma **jooksen**, **tapan** ühe, **tapan** teise prantslase ning **päästan** venna. (Перевод V. Vent)

3) Прошедшее в контексте будущего:

(155) Ну, положим, я сделаю усилие, сделаю это. Или я получу оскорбительный ответ, или согласие. Хорошо, я **получила** согласие... – Анна в это время была в дальнем конце комнаты и остановилась там, что-то делая с гардиной окна. – Я получу согласие, а сы... сын? (Л. Толстой)

Noh, oletame, et ma sunnin ennast seda tegema, ma teen seda. Ma saan kas eitava või jaatava vastuse. Hästi, ma **saan** nõusoleku...“ Anna oli samal ajal jõudnud toa kaugemasse nurka ja seisatas, et akna eesriiet korraldada. „Ma saan nõusoleku, aga poeg...poeg?

(Перевод S. Holberg)

В эстонском переводе не сохраняется переносное употребление формы прошедшего времени, вместо нее употреблена форма настоящего времени для выражения действия в будущем. На самом деле и в эстонском предложении мог бы быть глагол в форме претерита или даже перфекта: *Ma saan kas eitava või jaatava vastuse. Hästi, ma sain/olen saanud nõusoleku....*

В употреблении формы перфекта выделяется еще значение последовательности будущих действий [Константинов, Анюшкина 1975: 9; Ereht 2013: 95]. М. Эрелт называет это явление *будущим прошедшего (tuleviku minevik)*³². В англоязычной научной литературе встречается термин *future perfect (перфект будущего)*, см. [Comrie 1976: 8].

(156) *Kui **oleme** töö lõpetanud, läheme jalutama.*
*Когда мы **закончим** работу, пойдем гулять.*

В данном случае употребление формы перфекта подчеркивает важность завершения одного действия перед началом другого. В *Справочнике по эстонскому языку* это переносное употребление формы перфекта также обозначено, и его характеризуют таким образом: форму перфекта употре-

³² См. также [Metslang, Tammola 1995: 309].

бляют и в том случае, если действие, следующее после момента речи, рассматривается с точки зрения более позднего момента наблюдения (будущего для прошедшего) [ЕКК 2007: 279].

(157) *Loodame, et pühapäeva õhtuks oled sa selle töö lõpetanud.*

Будем надеяться, что к вечеру воскресенья ты закончишь эту работу.

В русском примере употреблен глагол в форме настоящего-будущего СВ и переносного употребления временных форм не наблюдается.

Казалось бы, для такого употребления формы прошедшего времени самым подходящим соответствием в эстонском языке должна быть форма перфекта, так как именно эта временная форма предназначена для выражения результативности. Однако, как показывают разные примеры перевода, переводчики прибегают к разным вариантам: от формы настоящего времени в контексте будущего до форм претерита и перфекта:

(158) *Если завтра не будет дождя – урожай погиб* (А. Толстой)

Kui homme vihma ei tule, hävib vili. (Перевод J. Piik)

(159) *Если будет написано: на среду утро – значит, дело состоялось; на среду вечер – неудача.* (Н. Чернышевский)

Kui kirjas seisab: kesknädala hommikule – siis see tähendab, et tehing toimub; kui aga kesknädala õhtule – see tähendab nurjumist.

(Перевод V. Daniel)

(160) *«Если они снова прицепятся, – подумал он, – значит, что-то случилось.* (Ю. Семенов)

„Kui nad mulle uuesti sappa asuvad,“ mõtles ta, „peab midagi juhtunud olema.“ (Перевод Н. Limberg)

Анализируя эти примеры, можно прийти к выводу, что в некоторых контекстах допускаются альтернативные формы, например, следующие предложения можно переделать таким образом:

а) *Kui homme vihma ei tule, on vili hävinud.* Однако невозможен вариант **Kui homme vihma ei tule, hävis vili.* Т. е. допускается употребление формы перфекта, но не претерита.

б) *Kui kirjas seisab: kesknädala hommikule – siis see tähendab, et tehing on toimunud...* Подобное высказывание с формой настоящего времени допустимо также в значении будущего *Kui kirjas seisab: kesknädala hommikule – siis see tähendab, et tehing toimub...*, однако в таком случае теряется переносное употребление временной формы.

в) Пример (160) можно также сконструировать с формой претерита, однако это требует более существенных изменений в структуре предложения: „*Kui nad mulle uuesti sappa asuvad*,“ *mõtles ta*, „*tähendab, midagi juhtus*.“

С другой стороны, можно привести пример, который не допускает замены формы перфекта никакой другой формой:

(161) *Если он нас увидит – все пропало!*

Kui ta meid näeb, on kõik kadunud!

**Kui ta meid näeb, kaob/kadus kõik!*

Трудно объяснить, почему некоторые глаголы допускают в таких контекстах несколько вариантов временных форм, а некоторые нет. По всей вероятности, это связано с оттенками лексического значения глагола, иногда также прямого или переносного употребления лексемы. Сравнивая предыдущие примеры, можно заключить следующее:

1. Перевод конструкций с формами *пропал*, *пропала*, *пропало* и *пропали* не имеет альтернатив. Эстонский язык допускает в данном случае употребление только формы перфекта.

(162) – *Иосиф отдаст паспорт Штальбе, и тогда все пропало, – возразила мать.* (А. Рыбаков)

„Jossif annab passi Stalbele, ja siis on kõik kadunud,“ vaidles ema vastu. (Перевод Р. и L. Mõtsküla)

(163) *Теперь, думал я, обязательно должны прийти красные. Если они не придут, мы пропали.* (В. Беляев)

Mõtlesin, et nüüd peavad punased tingimata tulema. Kui nad ei tule, oleme kadunud. (Перевод Н. Dresen)

2. Конструкции с глаголами *погиб* или *погибли* можно переконструировать, употребляя иные временные формы при определенных условиях. Очевидно, важную роль играет эстонское лексическое соответствие глаголу *погибнуть*. Если его соответствием является слово *hävima* (158), то допускаются формы настоящего времени в значении будущего или перфекта. Если же русскому глаголу соответствует *kaduma* (исчезнуть), то единственной возможностью является употребление перфекта, возможно, в силу переносного значения глагола (162) и (163).

(164) *Немцы – единственная наша опора. Если они уйдут, мы погибли!*

(Н. Островский)

Sakslased on meie ainuke tugi. Kui nemad ära lähevad, oleme kadunud!

(165) *Если полицейские собаки приведут сюда Карабаса Барабаса – мы погибли.* (А. Толстой)

Kui politseikoerad Carabas Barabase siia juhivad, oleme kõik kadunud. (Перевод Н. Mänd)

Думается, что если перевод осуществляется с помощью глагола *hukkuma*, то он может быть только в форме настоящего времени, например: *Kui linnuema varsti pesale tagasi ei tule, pojad hukkuvad.*

3. На основе приведенных примеров можно утверждать, что отрицание и наличие или отсутствие лексических показателей времени не влияют на то, какая временная форма допустима в конкретном случае, ср. примеры (163) и (164).

Для более основательных выводов требуется, конечно, более объемный материал, нашей целью было показать, что употребление перфекта в таких контекстах при определенных условиях возможно.

Отмеченное В. В. Виноградовым переносное употребление формы прошедшего времени, о котором говорилось на с. 81 настоящей работы, см. пример (165)

(165) — *А вы ему выслали деньги? — Как же, выслала! Держи карман!*
(И. Грекова)

допустимо и в эстонском языке, однако при этом нужны дополнительные средства, например: *Kuidas siis muidu, juba saatsingi!* Думается, что в эстонском языке ключевую роль здесь играет интонация говорящего, которую поддерживают частицы *juba* (уже) и *-gi*, т. е. ироническое отношение должно ясно выражаться тоном автора высказывания, в противном случае сказанное может быть понято как простое изложение фактов, см. пример (166) в котором говорящий просто сообщает, что он собирается сейчас сделать (т. е. он намерен уйти).

(166) *Ну, я пошел!*
Noh, ma siis läksin!

Что касается использования форм прошедшего времени СВ для побуждения к действию (т. е. в функции императива), то здесь наблюдается разница между русским и эстонским языками. С точки зрения перевода подобных высказываний, надо отметить, что эстонский язык допускает употребление формы прошедшего времени для выражения побуждения к действию, в котором будет участвовать и говорящий (такое употребление возможно в русском): *Läksime! Hakkasime minema!* Однако выражение категорического приказа с помощью формы прошедшего времени – это явление специфичное для русского языка (например: *Так,*

Иванов, быстро встал и вышел из класса!), в эстонском языке такое употребление формы прошедшего времени не встречается.

3.6. Выводы

Основной сложностью при переводе русских форм будущего времени (как сложной, так и простой) на эстонский язык является то, что в языке перевода отсутствует морфологическая форма будущего времени и не все глаголы можно употребить в аналитических конструкциях с вспомогательными или фазисными глаголами. Поэтому часто такие высказывания, в которых нет дополнительных лексических показателей будущего времени и в предложении употреблены формы настоящего времени, можно истолковать двояко – как относящиеся к временному плану будущего или к настоящего. В некоторых случаях определить временной план помогает более широкий контекст высказывания, но это возможно не всегда.

Проведенный анализ показывает, что соответствия всем русским формам, которые выражают семантический план будущего времени, можно найти, трудности возникают лишь в отдельных случаях, и они чаще всего связаны с лексическим значением конкретных глаголов или их сочетаемостью.

Небезынтересно отметить, что встречаются случаи, когда форма будущего времени в русском языке передается на эстонский с помощью косвенного наклонения (147).

Если в русском языке форма прошедшего времени употребляется переносно и выражает семантический план будущего, то в переводе на эстонский язык ее соответствием могут быть как формы претерита, так и перфекта.

Представим соответствия русских и эстонских форм, выражающих семантический план будущего, в виде Таблицы 4.

Таблица 4. Семантический план будущего

Семантика и/или употребление	Русский язык	Эстонский язык
Будущее конкретного единичного действия	+ (форма будущего времени НСВ/СВ)	+ (форма настоящего времени, аналитические конструкции)
Будущее постоянного действия	+ (форма будущего времени НСВ)	+ (форма настоящего времени, аналитические конструкции)
Будущее обычного и повторяющегося действия	+ (форма будущего времени НСВ/СВ)	+ (форма настоящего времени, аналитические конструкции)
Будущее обобщенного факта	+ (форма будущего времени НСВ)	+ (форма настоящего времени, аналитические конструкции)
Настоящее намеченного действия	+ (форма настоящего времени НСВ)	+ (форма настоящего времени, аналитические конструкции)
Настоящее воображаемого действия	+ (форма настоящего времени НСВ)	+ (форма настоящего времени, аналитические конструкции)
Прошедшее в контексте будущего (в т. ч. с яркой экспрессией презрительного отрицания или отказа)	+ (форма прошедшего времени СВ)	+ tuleviku minevik (форма настоящего времени, претерита или перфекта)

ГЛАВА 4. ФОРМЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПЛАН ПРОШЛОГО

В данной главе рассматриваются формы, выражающие семантический план прошлого в русском и эстонском языках, а также трудности, возникающие при переводе этих форм.

В обоих языках семантический план прошлого выражают в первую очередь формы прошедшего времени в прямом употреблении (в русском языке формы НСВ и СВ, в эстонском – претерит, перфект и плюсквамперфект). Однако не только они, кроме них, семантический план прошлого передается еще в случаях переносного употребления других временных форм, например формы настоящего времени в значении *praesens historicum* и т. п.

4.1. Формы прошедшего времени в русском языке

Общее значение форм прошедшего времени – выражать существование действия до момента речи. Как отмечает М. А. Шелякин, в зависимости от того, насколько актуальным является действие по отношению к настоящему времени, можно выделить два типа значений прошедшего времени: 1) имперфектное и аористическое, 2) перфектное [Шелякин 2001: 105]. Частные значения форм прошедшего времени проявляются посредством вида и его таксисных функций, а также лексического значения глаголов, контекста и т. п. [Петрухина 2009: 137].

Е. Н. Прокопович утверждает, что при употреблении форм прошедшего времени современного русского языка к общему значению форм прибавляются значения древнерусских времен (перфекта, аориста, имперфекта), т. е. хотя эти формы исчезли, но их отношения в какой-то мере проявляются и в нынешней системе видовременных форм [Прокопович 1982: 37].

Для начала следует коротко остановиться на истории системы форм прошедшего времени русского языка, так как она пережила большие изменения. «Система глагольных времен X–XI в. включала в себя одну парадигму форм наст./буд. вр., четыре парадигмы форм прош. вр.: две парадигмы синтетических (простых) форм (аориста и имперфекта) и две парадигмы аналитических (сложных) форм (перфекта и плюсквамперфекта, или давнопрошедшего времени) и две парадигмы форм буд. вр. – одна явно аналитическая (преждебудущее время), другая, образуемая сочетанием вспомогательных глаголов с инфинитивом /.../ Все временные формы выступали в 1, 2 и 3 л. ед., мн. и дв. ч.³³, т. е. каждая парадигма имела девять форм, а кроме того, в перфекте, плюсквамперфекте и буд. вр. отражались

³³ л. – лицо, ед., мн., дв. ч. – единственное, множественное, двойственное число.

различия муж., жен. и ср. р.³⁴» [ИГРЯ 1982: 25]. Значения форм прошедшего времени были следующие:

- 1) **Аорист** обозначал длительное или мгновенное единичное действие, которое целиком имело место до момента речи и совершилось в прошлом.
- 2) **Имперфект** обозначал длительное действие в прошлом, при этом оно не ограничивалось во времени или повторялось неизвестное количество раз.
- 3) **Перфект** обозначал состояние в настоящее время, которое было результатом действия в прошлом.
- 4) **Плюсквамперфект** обозначал прошедшее действие, которое имело место ранее другого действия в прошлом [Там же: 34].

Авторы *Исторической грамматики русского языка* утверждают, что формы имперфекта, аориста и плюсквамперфекта исчезли благодаря возникновению и развитию категория вида. Также образовалась новая форма, восходящая к прежнему перфекту³⁵. С помощью видовых противопоставлений и лексических средств стали выражаться отношения прошедших действий по отношению к моменту речи и другим действиям в прошлом [Там же: 79].

Й. Линдстедт подчеркивает, что когда форму перфекта можно употреблять в качестве временной формы нарратива, то она перестает быть перфектом. Такое изменение произошло в большинстве славянских языков, также в южнонемецких и североитальянских диалектах [Lindstedt 2000: 371].

Типологические исследования в области перфекта в северославянских языках позволяют сделать следующие выводы:

- 1) Форма прошедшего СВ употребляется для обозначения предельных, результативных ситуаций и завершенных действий.
- 2) Форма прошедшего НСВ употребляется для обозначения непредельных ситуаций, включая контексты нарратива, описания.
- 3) Форма настоящего-будущего СВ употребляется для обозначения будущих событий.
- 4) Форма настоящего НСВ употребляется для обозначения действий и событий в момент речи.

Кроме вышеперечисленных средств, в этих языках для передачи различных значений перфекта используют также некоторые конструкции с причастиями и т. д. [Tommola 2000: 454].

³⁴ муж., жен., ср. р – мужской, женский, средний род.

³⁵ Можно полагать, что к XIV в. форма бывшего перфекта заменила формы имперфекта, аориста (позже также плюсквамперфекта) и стала единственной формой прошедшего времени глагола. В ходе преобразования бывшая форма перфекта утратила свое результативное значение и приобрела общее значение выражения действия до момента речи. В памятниках XI в. уже наблюдается употребление формы перфекта при обозначении действия, завершившегося в прошлом. [ИГРЯ 1982: 94, 107–110].

В 40-х годах XX века В. В. Виноградов писал о четырех формах прошедшего времени в современном русском языке, он также подчеркивал, что они неравноправны в грамматическом и стилистическом отношениях.

1) Давнопрошедшее время (т. е. плюсквамперфект) – употребляется, когда говорят о повторяющемся действии, которое имело место давно и при этом точное время неизвестно.

(167) *А дело в том,
Что идол был пустой и саживались в нем
Жрецы вещать мирянам.* (И. Крылов)

Уже к середине XIX в. к форме давнопрошедшего времени в кругах столичного общества относятся пренебрежительно и ее употребляют в литературе все реже и реже.

2) Прошедшее время мгновенно-произвольного действия – эта форма характеризуется экспрессивностью и по внешнему облику не отличается от формы повелительного наклонения глаголов СВ. Имеется оттенок неожиданности.

(168) *Случись же, что она взглянула на меня, — вся кровь бросилась ей в голову.* (Ф. Достоевский)

3) Форма прошедшего времени СВ на -л и

4) форма прошедшего времени НСВ на -л.

(169) *...вдруг пришел воротившийся из города обломовский мужик, и уж он доставал, доставал из-за пазухи, наконец насилу достал скомканное письмо на имя Ильи Ивановича Обломова.* (И. Гончаров)

Традиционная грамматика русского языка не выделяет форм давнопрошедшего времени и прошедшего мгновенно-произвольного действия. Рассматриваются лишь формы прошедшего времени СВ и НСВ [Виноградов 1972: : 431–448].

В нашем исследовании будут подробно рассмотрены также только формы прошедшего времени НСВ и СВ, однако в разделе о переводе будут представлены также примеры с давнопрошедшим временем и прошедшим временем мгновенно-произвольного действия.

4.1.1. Прямое употребление формы прошедшего времени НСВ в русском языке

Формы прошедшего времени НСВ имеют прямое употребление, когда прошлое представляется как реальный процесс действительности [Поспелов 1955: 213–214].

А. В. Бондарко выделяет три значения прошедшего НСВ:

1) прошедшее НСВ конкретного единичного действия и 2) прошедшее НСВ повторяющегося и обычного действия входят в значение имперфекта; 3) прошедшее НСВ обобщенного факта является аористическим значением [Бондарко 1971а: 79–80].

Ни у имперфектного (170), ни у аористического (171) действия нет связи с настоящим временем, т. е. они не выражают результат прошедшего действия. Эти значения указывают на действие, которое целиком имело место до момента речи. Разница между этими значениями в том, что имперфектное значение выражается в частных значениях НСВ. Аористическое значение может проявляться в форме СВ (обозначается действие как факт прошлого) или в форме НСВ (в общефактическом значении) [Шелякин 2001: 105].

(170) *Брат **ходил** вчера на рыбалку.*

(171) *Чуть ли не каждый день по радио **передавали** концерты симфонического оркестра под управлением такого-то...* (А. Рыбаков)

Е. Н. Прокопович [1982: 101–102] проводит в одной из своих работ мысль о том, что формы с аористическим значением и с перфектным значением, вносят свой вклад в формирование характеристики героя художественного произведения.

Рассмотрим частные значения прошедшего НСВ [Бондарко 1971а: 80–89]:

1) Прошедшее НСВ конкретного единичного действия – можно выделить два значения НСВ: *конкретно-процессное* и *постоянно-непрерывное*. М. А. Шелякин рассматривает данное значение отдельно в двух типах: во-первых, он говорит о значении «единичного действия в его конкретно-процессном проявлении» – действие происходит в одном моменте прошлого (172). Во-вторых, выделяется «неограниченно-продолжительное (неограниченно-постоянное и неограниченно-кратное) прошедшее» (173) и (174) [Шелякин 2001: 105–106].

(172) *Штрум уже надел пальто, когда Людмила Николаевна сказала: — Марья Ивановна вчера **звонила**.* (В. Гроссман)

(173) *Раньше мы **жили** в двухэтажном доме.*

(174) *Его отец **работал** на мебельной фабрике.*

Значение процессности может поддерживаться лексическими средствами, в частности союзами: *пока, когда, в то время как* и т. п. См. пример (175).

(175) *В то время как Малиныч **возился** с завскладом, Барсуков и Евгения в сопровождении «чертей» **двигались** к двухэтажному зданию офиса.* (Е. и В. Гордеевы)

2) Прошедшее НСВ повторяющегося и обычного действия – с одной стороны, действие относится к прошлому, но с другой – присутствует также признак (ограниченной) нелокализованности во времени. Значение повторяемости поддерживается лексическими средствами, например, обстоятельствами типа *иногда, каждый день* и т. п.

(176) *Медики опасались за его жизнь; государь **навещал** каждый день, а то и дважды на день; набережную Фонтанки выстлали соломой, утишивая гром экипажей.* (Ю. Давыдов)

Это частное значение прошедшего имеет одну общую черту с абстрактным настоящим, а именно – в обоих случаях действие не локализовано во времени. Расхождение между этими значениями состоит в том, что абстрактное настоящее выражает действие, которое не просто повторяется, но является при этом обобщенным, его нелокализованность во времени ничем не разграничивается. Прошедшее НСВ повторяющегося и обычного действия не может выражать столь обобщенное действие, так как ограничивается временными рамками (т. е. действие может повторяться неопределенное количество раз, однако только в прошлом). Именно из-за этого данное значение анализируется в главе о семантическом плане прошлого, а не в главе, посвященной формам, не локализованным во времени, к которым относится настоящее абстрактное.

3) Прошедшее НСВ обобщенного факта (прошедшее аористическое) – выражает действие в прошлом, без какой-либо характеристики (кратность, локализованность во времени, длительность и т. п.), могут лишь проявляться различные эмоционально-экспрессивные и модальные оттенки.

(177) – *До свиданья. Положила трубку. Даже от руки кровь отхлынула, ослабли и промялись подушечки пальцев, как после большой стирки.
Кто **звонил**? – Марек. Надо было встать и уйти, но сил не было.
– Кто? (Л. Улицкая)*

М. А. Шелякин выделяет две разновидности этого значения [Шелякин 2001: 106]:

а) Обобщенно-потенциальное прошедшее:

(178) *Помню также, она **любила** хорошо **одеваться** и **прыскаться** духами.* (А. Чехов)

б) Модальное обобщенно-узуальное прошедшее.

(179) *И хотя эти люди и были чужды ему, с ними он всегда **находил** (мог находить) **общий** язык, **добивался** (мог добиваться) **взаимопонимания**.* (В. Кожевников)

Кроме названных значений, выделяется еще прошедшее НСВ в перфектном значении. И А. В. Бондарко, и М. А. Шелякин подчеркивают, что лишь в очень редких случаях прошедшее НСВ выражает значение перфекта, так как оно нехарактерно для данной временной формы. Перфектную функцию могут приобретать определенные глаголы, которые имеют специфическую лексическую семантику. Одним таким исключением является глагол *видеть* в значении 'пережить, испытать много в жизни' и *слышать* – 'обладать какой-то информацией'. Думается, что в семантике этих глаголов уже имеется определенная результативность. Однако необходимо помнить, что эта перфектность особенная, и она отличается от перфектного значения форм прошедшего СВ [Бондарко 1971а: 86–88; Шелякин 2001: 107].

(180) *Он много **видел**, знал, много любил и ненавидел, много трудился, не раз ошибался, но всю жизнь величайшей, нежнейшей, неизменной его любовью была родная страна, Россия.* (К. Паустовский)

(181) *Я **слышал**, что в доме неподалёку освобождается квартира.*
(В. Голяховский)

Перфектное значение прошедшего НСВ часто наблюдается в контекстах, в которых в момент речи видны «следы» прошедшего действия [Шелякин 2001: 107].

(182) *Но что с тобой? Глаза красные; ты **плакала**? Что случилось?*
(Д. Григорович)

В относительном употреблении³⁶ форма прошедшего НСВ обозначает действие, которое имело место до другого действия, локализованного во времени и выраженного любой временной формой [Шелякин 2001: 106].

(183) *Она часто вспоминает, как О. М. слушал музыку и как она ему играла.* (Н. Мандельштам)

С точки зрения таксисных отношений, принято считать, что глаголы НСВ выражают одновременные действия, на фоне которых имеют место другие события [Петрухина 2009: 140]. Однако М. А. Шелякин выделяет и более сложные случаи соотносительного употребления³⁷. Формы прошедшего НСВ употребляются таким образом для того, чтобы более изобразительно представлять действия прошлого. Можно выделить следующие отношения между действиями [Шелякин 2001: 106]:

а) Конкретно-процессные или неограниченно-продолжительные действия происходят одновременно.

(184) *Долго бродил он по двору, смотрел на окна келий, звал Нину самыми трогательными именами и был подобен в самом деле сумасшедшему.* (П. Шаликов)

б) Процессное действие и результативное состояние происходят одновременно.

(185) *Она опустила глаза и продолжала молиться.*

в) Процессное действие прерывается другим целостным действием или достигнутым результатом.

(186) *После твоего отъезда он перестал писать мой портрет, долго молчал, потом вдруг вспыхнул – последовала сцена, отвергнутая по своей бессмысленности и повторяющаяся, как во сне.* (В. Каверин)

г) Готовность приступить к осуществлению действия, которое прервано другим действием.

³⁶ Относительное употребление временных форм выражает время действия по отношению ко времени другого действия или события [Шелякин 2001: 95].

³⁷ Соотносительное употребление одинаковых временных форм выражает разные таксисные отношения между действиями (одновременность и последовательность) [Там же].

(187) *Трубка была уже в его руках, и он **собирался уходить**, когда я очнулся от столбняка и задержал его движением руки.*
(А. Чаянов)

д) Последовательность действий.

(188) *Мы **приехали** к ученому, который **уезжал** на конференцию.*

е) Конативность действия (попытка совершить действие).

(189) *Она долго **вспоминала** его имя, но так и не вспомнила.*

ж) Процессная длительность действия, прерванная другим действием как пределом длительности (с союзом *пока не*).

(190) *Пренебрегая опасностью, они **ломились** в дверь, пока та не рухнула внутрь на каменный булыжник двора.* (В. Быков)

з) Частичная одновременность, в которой имеется фон длительного действия для проявления наступившего целостного действия.

(191) *Я **рассказывал** ему новости, когда вдруг луч зимнего солнца сбоку высветил его заросшую шею, уголок глаза, прикрытый морщинистым веком, седые космы его шевелюры.* (Д. Гранин)

и) Кратность соотносительных действий.

(192) *Если что-то **раздражало** деда, он **хмурил** брови и низким голосом **восклицал**...* (С. Довлатов)

В художественном тексте функции видовременных форм могут меняться и становиться более сложными, потому что точкой отсчета является не реальное время, а определенный момент текстового времени [Петрухина 2009: 142]. Как уже обсуждалось раньше, художественное время является особым и «в рамках этого времени выявляются внутренние, иногда очень сложные отношения последовательности и одновременности, предшествования и следования; обнаруживаются убыстрения и замедления темпа, вплоть до полной остановки, встречаются возвращения вспять и забегания вперед и т. д.» [Маслов 2004: 217].

4.1.2. Прямое употребление формы прошедшего времени СВ в русском языке

Формы прошедшего времени СВ встречаются в прямом употреблении в значении ближайшего прошлого и в обобщенно-перфектном значении состояния, которое возникло в результате завершенного действия [Поспелов 1955: 214]. В. В. Виноградов высказывал мысль о том, что форма прошедшего времени СВ – «потенциальный сюжет с эпилогом, законченный драматический акт с еще неопущенным занавесом» [Виноградов 1980: 229].

А. В. Бондарко выделяет два частных значения прошедшего СВ:

- 1) аористическое;
- 2) перфектное [Бондарко 1971а: 95].

По трактовке М. А. Шелякина, первому соответствует значение «разового целостного действия с временной локализацией» [Шелякин 2008: 188]. Аористическое значение встречается в самостоятельном употреблении редко, чаще оно наблюдается в соотносительном. Нередко имеется в виду осуществление действия, которое интересует говорящего, см. пример (193).

(193) *Ты **объяснил** ему ситуацию?*

В соотносительном употреблении аористическое значение проявляется в следующих друг за другом действиях и встречается в повествованиях [Шелякин 2001: 108].

(194) *Азazelло видел, как мрачная, ожидающая возвращения мужа женщина **вышла** из своей спальни, внезапно **побледнела, схватилась** за сердце и, крикнув беспомощно: – Наташа! Кто-ни-будь... ко мне! – **упала** на пол в гостиной, не дойдя до кабинета.*

(М. Булгаков)

При аористическом значении прошедшего СВ (как и при форме прошедшего НСВ в том же значении), как правило, не проявляются последствия, актуальные для более позднего времени [Бондарко 1971а: 95]. А. В. Бондарко также выделяет основные типы сочетаемости форм прошедшего СВ в аористическом значении:

- а) несколько форм прошедшего СВ выражают ряд следующих друг за другом действий, пример (194);
- б) сочетания форм прошедшего СВ и прошедшего НСВ:

(195) *Гость долго **грустил** и **дергался**, но наконец **заговорил**...*

(М. Булгаков)

в) единичная, довольно самостоятельная форма прошедшего СВ выражает действие прошлого, может присутствовать указание на точное время его совершения. Примеры (196) и (197).

(196) *Прокурор давеча **сказал** – дело плохо, кто-то должен сесть в тюрьму.* (В. Тендряков)

(197) – *Я **встретила** человека, который оказался родным братом друга Игоря Васильевича.* (Л. Дворецкий)

Аористическое значение может возникнуть благодаря лексическому показателю времени, которое относит действие к прошлому. Если этот показатель отсутствует, то выражается перфектное значение. Поэтому, даже те глаголы, которые исходя из своей лексической семантики больше тяготеют к перфектному значению, в определенном контексте могут выражать аористическое значение [Бондарко 1971а: 100–101]. См. пример (198).

(198) *Жерди, упертые концами в берег речки, в самом узком месте ее, медленно начали клониться и **повисли** в тумане над водой.*
(А. Толстой)

Перфектное значение выражают в первую очередь результативные глаголы и оно может сопровождаться лексическими показателями (наречиями типа: *уже, сейчас, теперь* и др., а также вводными словами) [Шелякин 2001: 108].

(199) *Маргарита покорно **выпила**, думая, что тут же ей будет конец от спирта.* (М. Булгаков)

Перфектное значение можно характеризовать следующим образом: действие осуществлено до момента речи, имеется результат или другие последствия. Хотя в русском языке отсутствует морфологическая форма перфекта (в отличие от эстонского языка), в русистике выделяется несколько возможностей для выражения перфекта. Например, А. А. Шахматов различает в русском языке четыре времени: настоящее, прошедшее, будущее и перфект. Перфект может проявляться в страдательных причастиях прошедшего времени на *-н, -т* (это образование восходит к когда-то существовавшему перфекту русского языка, в форме которого сочетались страдательное причастие и глагол *быть* в настоящем времени) [Шахматов 2001: 489–492].

По определению Ю. С. Маслова, можно выделить перфект состояния и перфект действия. О перфекте состояния можно говорить, когда подчеркивается некоторое состояние, которое представляет собой результат предшествующего действия. Этот тип встречается в русских говорах:

(200) *Сын женивши. Старики одни оставши.*

Перфект действия имеется в виду, когда на первый план выходит действие, которое является причиной определенных результатов, актуальных для последующего временного плана [ТРК 1983: 42–43].

Г. Ф. Лебедева пишет о том, что в народных говорах и в просторечии встречаются специальные формы (в литературном языке подобных форм нет) выражения перфектного значения:

а) Деепричастия прошедшего времени (образованы как от переходных глаголов, так и от непереходных), которые выступают в роли сказуемого: *он уехавши.*

б) Предлог *у* сочетается с родительным падежом местоимения или существительного и кратким страдательным причастием прошедшего времени: *У них в город уехано* [Лебедева 1959: 209].

И. П. Кюльмоя, анализируя говор жителя острова Пийриссаар в Эстонии, выделяет среди специфических синтаксических черт употребление северо-западного перфекта. По ее наблюдениям, чаще всего встречается результативный перфект (предикативное деепричастие СВ – *старики и старухи вси скопивши* или конструкция посессивного или пассивного перфекта – *уже в родителях чай согрет и ужин приготовлен*). Инклюзивный перфект выражается предикативным деепричастием СВ: *Я, конечно, такой старый, один оставши тут* [Кюльмоя 2012: 243–244].

Возвращаясь к литературному русскому языку, надо отметить, что Г. Ф. Лебедева различает три типа перфекта: результативный, качественный и посессивный [Лебедева 1959: 212]. Важно также отметить, что, по ее мнению, перфектное значение выявляется, в первую очередь, в диалогической речи, поэтому ее примеры взяты в основном из драматических произведений. Хотя можно согласиться, что некоторые трактовки Г. Ф. Лебедевой кажутся довольно субъективными, однако так как ее классификация значений перфекта является одной из первых в изучении русского перфекта, то мы сочли целесообразным включить этот материал в нашу диссертацию. Кроме того, небезынтересным представляется сравнить ее типы перфекта с классификацией, принятой в эстонской лингвистике и выявить соответствия и различия (см. 4.4. *Перевод русских форм, выражающих семантический план прошлого, на эстонский язык*).

Результативный перфект преимущественно связан с переходными глаголами и непереходными глаголами движения, например:

(201) *Теперь вот она, эта любовь, **пришла** наконец, манит...*

(А. Чехов)

(202) *(Ирина) (одна). Все **ушли**. Никого нет. На улице гармоника, нянька поет песню.* (А. Чехов)

Г. Ф. Лебедева считает, что при проявлении перфектного значения (именно в случае форм прошедшего СВ переходных глаголов) наблюдаются некоторые особенности. Перфектное значение проявляется ярче тогда, когда в предложении нет подлежащего и прямого дополнения и подчеркивается только действие и его результат. Случаи, когда в предложении имеется дополнение, следует рассматривать отдельно, потому что объект непосредственно связан с действием, и поэтому перфектное значение выражается совместно всей конструкцией.

(203) *Оставьте! Стоит ли? Ревунов. **Наняли... заплатили...** Что такое? Апломбов. Позвольте, однако...* (А. Чехов)

Можно выделить несколько дополнительных средства, которые подчеркивают результат прошедшего действия в настоящем времени (перфектное значение проявляется более ярко). К числу таких факторов относятся: некоторые наречия (*уже, теперь, сейчас*), частицы, вводные слова, а также сочетание форм прошедшего СВ с формами настоящего и будущего времени, повелительного (204) или сослагательного (205) наклонений. В примере (206) значение результативного перфекта, выраженное формой прошедшего СВ *забыл*, усиливается частицей *уже* и вторым сказуемым (*не могу + представить*) главного предложения. Герой не может себе что-то ясно представить (в настоящем), потому что он забыл что-то (в прошлом), так результат прошедшего действия проявляется в момент речи.

(204) *...Но уходи, Саша! Мы **забылись**...* (А. Чехов)

(205) *...Пеструшка **ушла** с цыплятами...Вороны бы не потаскали...*
(А. Чехов)

(206) *...Я уже **забыл** и не могу себе ясно представить, как чувствуют себя в 18–19 лет.* (А. Чехов)

В некоторых случаях более ярко проявляется определенное отношение говорящего (предположение, неуверенность, сомнение и т. п.), этому способствуют вводные модальные слова [Лебедева 1959: 214–216].

(207) *Ну, пошла отчитывать! Войницкий. Кажется, кто-то **подъехал**... Слышите? Желтухин.* (А. Чехов)

Далее рассмотрим **качественный перфект**, который, по определению Г. Ф. Лебедевой, отличается от результативного перфекта тем, что кроме выражения состояния, наблюдается также качественная характеристика субъекта. Качественный перфект, прежде всего, связан с отыменными непереходными глаголами, а также глаголами, употребляемыми в переносном значении.

Особенно четко проявляется перфект в формах прошедшего СВ, выражающих длительное состояние субъекта или какое-нибудь его свойство. Наблюдаются и переходные случаи между результативным и качественным типами перфекта (212) [Лебедева 1959: 219-222].

(208) *Я **постарел**, стал молчалив, суров, строг, редко смеюсь, и говорят, что я стал похож на Редьку и, как он, нагоняю на ребят скуку своими бесполезными наставлениями.* (А. Чехов)

Примеру (208) можно противопоставить пример (209).

(209) *Анна Петровна. Ведь вы околесную понесете, Платонов, когда начнете! Скажите, пожалуйста! Он **skonфyзился**! Поверю – держи карман!* (А. Чехов)

Между примерами (208) и (209) наблюдается следующее существенное различие: в примере (208) представлено постоянное состояние, которое видно в настоящем непрерывно, в то время как глагол в примере (209) выражает результат, который имеет место только в момент речи (т. е. он не является постоянным, так как конфуз героя рано или поздно проходит).

Перейдем к анализу примеров с глаголами, употребляемыми переносно, метафорически³⁸.

(210) *...За что я его обидел? Нет, я решительно **развинтился**. Надо будет с собою что-нибудь сделать. Надо...* (А. Чехов)

(211) *Милый, я знаю, что удерживает тебя здесь. Но имей над собою власть. Ты немного **опьянел**, отрезвись.* (А. Чехов)

(212) *Какой еще там комнаты захотела? Пущай здесь греется, коли **озябла**... Найдем место.* (А. Чехов)

Третья разновидность значения перфекта – **посессивный перфект**. Говоря о посессивном перфекте, необходимо иметь в виду, что в научной литературе под этим названием понимаются разные явления. **Во-первых**, форма перфекта, образованная с помощью вспомогательного глагола *иметь* (в научной литературе используется термин *HAVE-verb*). В таком виде посессивный перфект встречается в основном в германо-романском ареале. За пределами Европы он, по наблюдениям Э. Даля, не засвидетельствован [Dahl 2000a: 21].

³⁸ Здесь имеется в виду не переносное употребление временной формы, а лексического значения глагола.

При этом в некоторых европейских языках имеются одновременно обе конструкции: одни глаголы требуют связи со вспомогательным ‘быть’, другие – с ‘иметь’. Так обстоят дела в немецком, голландском, датском, норвежском, французском и итальянском языках. Перфект чисто посессивного типа представлен в английском, шведском, испанском, португальском, румынском и албанском языках [Маслов 1984: 225]. **Во-вторых**, то значение посессивного перфекта, которое выражается, например, в русском языке формами прошедшего СВ переходных глаголов. В интерпретации Г. Ф. Лебедевой, значение посессивного перфекта проявляется в том, что больше чем результат прошедшего действия в настоящем, подчеркивается прикрепленность действия к субъекту. Так, в примере (213) глагол прошедшего времени СВ *отправили* в сочетании с частицей *уже* выражает значение результативного перфекта, а второй глагол прошедшего времени СВ *отправил* выражает именно значение посессивного перфекта, так как логическое ударение падает не на результат прошедшего действия в настоящем, а на субъект. Однако далеко не всегда при посессивном перфекте смысловой акцент падает на субъект, в примере (214) подчеркивается именно глагол, но, как считает Г. Ф. Лебедева, это не означает, что значение посессивного перфекта исчезает, так как и в этих случаях проявляется заинтересованность субъекта в действии и в его результате [Лебедева 1959: 223–225].

(213) *Мама, Фирса уже **отправили** в больницу. Яша **отправил** утром.*
(А. Чехов)

(214) *Ах, мамочка, дома людям есть нечего, а вы ему **отдали** золотой.*
(А. Чехов)

В относительном употреблении форма прошедшего времени СВ выражает предшествование одного действия (*принесли*) по отношению к другому, выражающему аористическое значение СВ (*выглянула*):

(215) *Хозяйка **выглянула** из двери с предложением посмотреть полотно: **принесли** продавать...* (И. Гончаров)

В соотносительном употреблении перфектное значение СВ может выражать следующие отношения между действиями [Шелякин 2001: 108–109]:
а) Одновременность состояния и действия (формы настоящего времени сочетаются с формами прошедшего времени):

(216) *Что, дремучий лес,
Призадумался? –
Грустью темною затуманился?
Что Бова-силач*

*Заколдованный,
С непокрытой головой в бою –
Ты **стоишь** – поник
И не **ратуешь**... (М. Кольцов)*

б) Одновременность состояний или результатов:

(217) *Голос у него стал крепким, лицо **побледнело**, и в глазах **загорелась** обычная, сдержанная и ровная сила.* (М. Горький)

в) Кратность соотносительных действий:

(218) ***Было** тихо, не жарко и скучно, как бывает в сырые пасмурные дни, когда над полем давно уже **нависли** тучи, ждешь дождя, а его нет.* (А. Чехов)

А. В. Бондарко отмечает, что при сочетании нескольких форм в перфектном значении образуется как бы «группа» одновременных состояний, в то время как при сочетании форм в аористическом значении возникает ряд следующих друг за другом действий (т. е. появляется как бы «цепь»). Из-за этого различия при перфектном значении можно иногда (если это не противоречит смыслу контекста) изменить порядок глаголов в высказывании, и при этом сохраняются временные отношения действий [Бондарко 1971а: 98]. Докажем это утверждение с помощью следующих примеров:

(219) *Узнав пришельца, она приветливо **заулыбалась** ему, **закивала** головой, **махнула** рукой.* (М. Булгаков)

(220) *И без того худой финдиректор как будто еще более **похудел** и даже **постарел**, а глаза его в роговой оправе **утратили** свою обычную колючесть...* (М. Булгаков)

Если глаголы *заулыбалась*, *закивала*, *махнула* или *похудел*, *постарел*, *утратили* поменять в предложениях местами, то от этого временное соотношение действий не изменится.

Далее рассмотрим формы прошедшего времени в эстонском языке.

4.2. Формы прошедшего времени (minevik) в эстонском языке

В изъявительном наклонении в эстонском языке существует три формы прошедшего времени: претерит, перфект и плюсквамперфект. Из них претерит является синтетической формой, а перфект и плюсквамперфект – аналитическими временными формами. Однако в современном эстонском

языке все чаще встречаются случаи, когда форма претерита заменяет формы перфекта или плюсквамперфекта. Например, еще в 2000 году Т. Лееметс писала, что в современном эстонском языке наблюдается тенденция к злоупотреблению претеритом вместо перфекта и плюсквамперфекта. Она считает, что в этом случае мы имеем дело именно с влиянием русского языка, которое проникло в эстонский язык через плохие переводы, и потом уже распространилось [Leemets 2000: 87].

За два года до этого похожую точку зрения высказали М. Эрелт и Х. Метсланг: велись дискуссии о том, что мы не используем все богатство системы временных форм своего родного языка и употребляем только формы претерита и презенса, сходные с русским языком [Erelt, Metslang 1998: 665].

Вполне возможно, что влияние русского языка, которое появилось в эстонском языке во время активной переводческой деятельности с русского еще никуда не исчезло. В этом влиянии нет ничего удивительного, потому что в период 1940–1972 гг. переводы с русского языка составляли около 88% всего количества переводов и 37% всех издаваемых на эстонском языке книг. У. Лийваку и Х. Меристе считают слишком большое влияние русского языка на эстонский возможным, потому что в 40-е и 50-е годы прошлого века в первую очередь искали переводчиков, которые превосходно знали русский язык, владение эстонским языком находилось на заднем плане [Liivaku, Meriste 1975: 23].

Однако следует все же отметить, что причиной недостаточного употребления форм перфекта и плюсквамперфекта является не только возможное влияние русского языка, но и общее тяготение к упрощению в речи, которое может привести к изменению в языке. На основе общих типологических закономерностей к выводу о большей частотности морфологически немаркированной временной формы (например, в эстонском языке более частотной является форма претерита, нежели форма перфекта) приходят М. Эхала³⁹ и Р. Аргус [Argus 2007: 13], однако это утверждение требует еще более точного исследования.

Кроме того, на язык влияет общественно-политическая обстановка. Эта идея принадлежит М. Эрелту и Х. Метсланг, которые обратили внимание на то, что, например, в конце XIX века под влиянием немецкого языка аналитические временные формы были очень частотны в эстонском языке [Erelt, Metslang 1998: 666].

³⁹ М. Эхала основываясь на структурном критерии маркированности, утверждает, что в эстонском языке форма презенса является немаркированной, претерит имеет агглютинативные средства в изъявительном наклонении и аналитические – в других наклонениях; и перфект и плюсквамперфект имеют только аналитические средства выражения. С точки зрения инфлексивного потенциала, форма настоящего времени характеризуется наименьшей маркированностью, за ней следует форма претерита, и наиболее маркированными можно считать аналитические формы прошедшего времени [Ehala 2009: 45].

В этот период наблюдается активное употребление всех типов перфекта. Ситуация меняется в 30-е годы XX века, когда употребление аналитических временных форм в эстонском языке резко уменьшилось, потому что старались избегать всего немецкого. Х. Метсланг указывает на то, что, очевидно, в этот период никого не беспокоил тот факт, что преувеличенное употребление формы претерита может свидетельствовать о влиянии русского языка.

И только в 80-е годы XX века начали употреблять аналитические формы даже чаще, чем в довоенное время, потому что носители эстонского языка стремились отказаться от всего русского. В это время в текстах встречаются, прежде всего, два типа перфекта: экспериенциальный и результативный. Однако это касалось в основном только языка публицистики, в других типах текстов (например в художественной литературе) продолжало иметь место влияние русского языка, в частности, вместо инклюзивного перфекта употреблялась форма настоящего времени. В отличие от перфекта, плюсквамперфект встречается чаще в художественной литературе.

90-е годы XX века самой популярной формой прошедшего времени является претерит, даже в тех контекстах, где более оправданным было бы употребление иммедиатного перфекта или плюсквамперфекта [Metslang 1997b: 142–144].

Исходя из сказанного, можно прийти к выводу, что политическая ситуация может двояко влиять на употребление временных форм. С одной стороны, доминирование чужого языка в обществе может заставлять людей и в своем родном языке употреблять больше некоторые формы (конец XIX века). С другой стороны, влияние другого языка может оказаться противоположным – носители языка могут еще острее подчеркивать отличия грамматики своего родного языка (80-е годы XX века). Следовательно, можно предполагать, что современный период благоприятен для эстонских аналитических форм глагола, так как существует стремление отдалиться от русского языка, с другой стороны, очевидно влияние английского языка и его грамматики, где аналитические временные формы употребляются намного регулярнее.

Что касается современного состояния языка, то логично было бы думать, что под влиянием английского языка эстонские аналитические формы стали снова популярными. Ведь английский является главным языком, с которого больше всего переводят художественную и научную литературу, и в английском языке имеется определенное количество синтаксических конструкций, требующих перфекта и плюсквамперфекта, например конструкции со словом *if* или некоторые наречия [Murphy 2005: 80].

Понятно, что различия в системах временных форм русского и эстонского языков создают немало трудностей при преподавании языка, сравнении языков в контрастивных исследованиях, и конечно, переводе. Однако

подобная проблема различий в системах временных форм касается не только эстонского и русского языков. Похожие трудности наблюдаются также при сравнении русского языка с немецким [Кульбакин 1983], английским [Бреус 2000], французским [Уланская 1988], итальянским [Тетерукова 2009] и т. д. Например, по словам И. М. Тетеруковой при переводе с русского языка на итальянский, а также в обратном направлении, важно обращать внимание на согласование времен. Порой бывает сложно решить, как правильно переводить их на русский язык и всегда ли нужно это делать, иногда дословная передача значения времени является ошибочной [Там же: 87–88].

В следующих разделах рассмотрим все эстонские временные формы в отдельности и выявим самые сложные моменты с точки зрения перевода.

4.2.1. Претерит или простое прошедшее время (*lihtminevik*) в эстонском языке.

4.2.1.1. Общая характеристика формы претерита.

«Имперфект (от лат. *imperfectus* – незавершенный) (прошедшее несовершенное) – видовременная форма глагола в ряде индоевропейских и других языков, выражающая действие как продолжавшееся в прошлом, обычное в прошлом, безотносительно к его завершенности или незавершенности» [БЭСЯ 1998:174].

Отдельного внимания заслуживает еще вопрос о термине «имперфект». «Название *имперфект* в грамматиках прибалтийско-финских языков возникло в результате механического отождествления *и*-ового претерита⁴⁰ с латинским имперфектом. Название *imperfectum*, буквально означает 'не-совершенный'» [Серебренников 1963: 452].

Большинство лингвистов употребляет термин *имперфект* для обозначения простого прошедшего времени в эстонской грамматике. Однако существует мнение, что термин *имперфект* нельзя использовать в этом значении. Эту точку зрения поддерживает, например Олев Нагел, в чьей магистерской работе «*Grammatikaliste terminite perfekt ja imperfekt seosest eesti keele liht- ja täisminevikuga.*» (Связь грамматических терминов *перфект* и *имперфект* с эстонскими временными формами *lihtminevik* и *täisminevik*) это мнение высказывается. Автор утверждает, что определение имперфекта как простого прошедшего времени (*lihtminevik*) в словарях и справочниках не является верным, ни с точки зрения общего языкознания,

⁴⁰ «*и*-овый претерит в финно-угорских языках не имеет определенного видового значения. Он может в равной мере употребляться как для обозначения действия, достигшего предела, так и для обозначения действия, не достигшего предела, /.../ в целом ряде случаев *и*-овый претерит употребляется в роли перфекта, что совершенно не свойственно латинскому перфекту» [Серебренников 1963: 453].

ни в контексте эстонского языка [Nagel 2001: 9]. В качестве аргумента он приводит факт, что простое прошедшее в эстонском языке соответствует двум разным временным формам в латинском языке: имперфекту и аористическому перфекту. В своем рассуждении автор ссылается на работу Б. Серебренникова «Категории времени в прибалтийско-финских языках» [Серебренников 1963: 426–515]. По мнению О. Нагела, точнее было бы эстонское простое прошедшее время называть претеритом (*preteeritum*) [Nagel 2001: 39]. Например, в немецкой грамматике претерит соответствует по своим значениям и по своему употреблению именно эстонской форме простого прошедшего времени. Претерит немецкого языка не имеет видовой характеристики [Кульбакин 1983: 17].

Однако, как уже было сказано ранее, использование этого же термина по отношению к эстонскому прошедшему времени может вызвать недоумение, так как это название уже употребляется в эстонской грамматике, в значении *общего прошедшего времени* (*üldminevik*).

Общее прошедшее – это форма прошедшего времени в сослагательном (*tingiv*), косвенном (*kaudne*) наклонениях (*kõneviis*) и в юссиве⁴¹ (*möönev kõneviis*). Общее прошедшее выражает действие, которое предшествовало времени наблюдения или моменту речи, (т. е. выражает то же значение, которое в изъявительном наклонении выражается формой простого прошедшего времени) [ЕКК 2007: 279–280].

В нашей диссертации термин *претерит* употребляется в значении простого прошедшего. В эстонском языке претерит является самой частотной формой прошедшего времени, особенно в повествовании (в художественной литературе и исторических произведениях). Претерит – это синтетическая временная форма, при которой время действия предшествует моменту речи, он является одноплановой временной формой, и не связан ни с настоящим временем, ни с другим моментом в прошлом.

Претерит в эстонском языке имеет свои показатели: в утвердительной речи – *s* (*ela/s/0*), *i* (*sa/i/me*), которые присоединяются к основе прошедшего времени (*tuli/me*). В отрицательной форме речи прошедшее время выражается причастием прошедшего времени с показателем *nud* и отрицательной частицей *ei* (*ei ela/nud*) [Там же: 277].

Далее рассмотрим прямое употребление формы претерита в эстонском языке.

⁴¹ Под юссивом имеется в виду глагольная форма с модальным значением допущения типа: *пусть он уйдет* [Кюльмоя и др. 2003а: 81].

4.2.1.2. Прямое употребление формы претерита.

В простом предложении претерит является самостоятельной временной формой, которая обозначает действие, произошедшее до момента речи. При этом действие может быть однократным, повторяющимся или продолжительным. В сложном предложении возникает возможность сравнить действие, выраженное претеритом, с другими действиями, которые могут быть представлены другими временными формами [Mihkla, Valmis 1979: 36]. Независимо от того, в каком порядке формы представлены в предложении, в сочетаниях с имперфектом плюсквамперфект всегда передает значение предшествующего действия.

В. Таули утверждает, что претерит выражает то, что действие происходило в определенное время в прошлом (при этом действие может продолжаться и в момент речи) [Tauli 1980: 33]. Дополнение в скобках кажется ошибочным, потому что в современной эстонской лингвистике считается, что это значение передается с помощью формы перфекта, конкретнее – инклюзивным перфектом (см. подробнее с. 121).

Б. А. Серебренников отмечает также, что особенность формы претерита (в отличие от формы перфекта) состоит в том, что она допускает уточнение времени различными лексическими показателями [Серебренников 1963: 457].

(221) *Paar kuud pärast isa surma sündis Väljaotsa Kaiele veel üks tütreke.* (E. Vilde)

Через несколько месяцев после смерти отца у Кай родилась еще одна дочь. (Перевод О. Наэль, Т. Маркович)

В русском языке эстонскому претериту соответствует в зависимости от контекста форма прошедшего времени НСВ либо СВ. При этом употребляются глаголы НСВ, если выражается значение [Пялль и др. 1962: 159]: 1) Длительности (222) и (223), (в современной терминологии – конкретно-процессное значение):

(222) *Tootsi hea käitumine kestis juba teist päeva ja oleks võib-olla tema surmani kestnud, kui saatus ennast vahele ei oleks seganud* (O. Luts)

Поведение Тootса оставалось безупречным уже второй день, и, может быть, так продолжалось бы и до самой его смерти, не вмешайся тут сама судьба. (Перевод Б. Лийвак)

(223) *See vahetund kestis kauemini kui harilikult.* (O. Luts)

Перемена на этот раз длилась дольше, чем обычно.

(Перевод Б. Лийвак)

Значение длительности подчеркивается различными лексическими показателями (*уже второй день, дольше*), это особенно важно для эстонского языка, так как в русском языке уже вид (НСВ) глагола указывает на длительность действия.

2) Повторяемости (224) и (225), (в современной терминологии – значение повторяющегося и обычного действия):

(224) *Arno ja Teele tulid igal hommikul ühes kooli ja läksid samuti peale tundide lõppu koju.* (O. Luts)

*Каждое утро Арно и Тээле вместе **шли** в школу, после уроков тоже **возвращались** домой вместе.* (Перевод Б. Лийвак)

(225) *Kes aga iga päev, mõni päev isegi kaks korda Arnot vaatamas käis, oli Raja Teele.* (O. Luts)

*Зато ежедневно, а иногда и по два раза в день **навещала** Арно раяская Тээле.* (Перевод Б. Лийвак)

Значение повторяемости передается также различными наречиями и т. п.

3) Факта (226) и (227) (в современной терминологии – общефактическое значение):

(226) *Sellesama punapõselise ja valkjajuukselise Teele vanemad ja Arno vanemad olid peaaegu üleaedsed, seepärast tundis Arno teda hästi.* (O. Luts)

*Родители этой краснощекой, белокурой девочки и родители Арно **были** почти соседи, потому-то Арно и **знал** ее.* (Перевод Б. Лийвак)

(227) *Paunvere kiriku kellamees oli imelik mees.* (O. Luts)
*Звонарь паунвереский церкви **был** довольно странный человек.* (Перевод Б. Лийвак)

Глаголы СВ употребляются, если выражается значение [Пялль и др. 1962: 159]:

1) Однократности (228) и (229) (в современной терминологии – аористическое значение):

(228) *Kooliõpetaja kutsus mõlemad oma tupp, kõneles nendega natuke aega, käskis Arnol olla hoolas ja korralik ja seadis ta siis pinki ühe pikkade juustega poisi kõrvale istuma.* (O. Luts)

Учитель **позвал** их обоих к себе в комнату, **поговорил** с ними, **велел** Арно быть прилежным и аккуратным, затем **усадил** его в классе за парту, рядом с длинноволосым мальчуганом.

(Перевод Б. Лийвак)

(229) Arno **ehmus**, **kahmas** krihvli ja **hakkas** ruttu kirjutama. (O. Luts)

Арно **испугался**, **схватил** грифель и **стал** быстро писать.

(Перевод Б. Лийвак)

2) Законченности (230) и (231) (в современной терминологии – перфектное значение):

(230) „Kas tead, Tali,“ **hakkas** ta poolkogeldes kõnelema, „see parv...selle **lasin** ikka mina **põhja** küll.“ (O. Luts)

– Знаешь. Тали, чуть заикаясь, начал он, – плот... все-таки **помогил** я. (Перевод Б. Лийвак)

(231) Et ta rehkendust mõistis, näitas see, et ta klassitahvli juures oma ülesande ruttu **valmis tegi**. (O. Luts)

Но он действительно знал арифметику – это видно было из того, что у классной доски он быстро **решил** задачу.

(Перевод Б. Лийвак)

Следует обратить внимание на функционирование формы претерита в сложном предложении, где имеется несколько сказуемых, и временной план может быть более сложным [Mihkla jt 1974: 93–95]. В современной лингвистике часть исследователей относит некоторые из следующих примеров к конструкциям независимого таксиса [Бондарко 1987], а другие [Храковский 2008] их таксисом не считают или относят к особым типам таксиса, например, валентному. Мы рассмотрим их лишь с точки зрения выражаемых ими временных отношений, следуя за А. В. Бондарко. По-видимому, в эстонском языке такие конструкции можно считать таксисными и в соответствии с определением В. С. Храковского, так как они выражаются морфолого-синтаксически. Тем не менее, эта проблема требует дальнейшего отдельного рассмотрения, однако объем нашего исследования не позволяет этого сделать.

При сочетании форм претерита и настоящего времени⁴² наблюдается косвенная связь между этими формами: претерит выражает действие в

⁴² Сочетаемость претерита с другими временными формами в сложноподчиненных предложениях с придаточными причины в эстонском языке мы рассматривали в статье [Купп 2007а: 243–249].

прошлом, при котором проявляется действие, имеющее место в момент речи и выражаемое презенсом. Если форма претерита стоит в придаточном предложении, а в главной части предложения представлена форма презенса, то сказуемое простого прошедшего времени выражает предшествующее действие.

(232) *Mina tean, kes parve põhja laskis.* (O. Luts)

Я знаю, кто потопил плот. (Перевод Б. Лийвак)

В случае сложного предложения, где имеется несколько глаголов в претерите, временные формы могут выражать одновременные (233) или последующие (234) действия.

(233) *Tüdrukute pool oli hoopis vaiksem. Need ajasid pead kokku, sosistasid ja kõhistasid naerda.* (O. Luts)

Девочки вели себя гораздо тише. Сбившись в кружок, они о чем-то шептались и хихикали. (Перевод Б. Лийвак)

(234) *Sulane tuli välja ja pani tubakapakid saani Arno ja Teele jalgade juurde, kohendas range, tõmbas laka rangide alt välja, et hobusel vedades valus ei oleks, ja siis algas sõit kodu poole.* (O. Luts)

В это время из лавки вышел батрак, уложил в сани, в ноги Арно и Тээле, несколько пачек табаку, поправил на лошади хомут, вытащил из-под него гриву, чтобы лошади больно не было, когда поедут, и сани тронулись. (Перевод Б. Лийвак)

Переходными случаями между прямыми и переносными употреблениями являются такие, в которых претерит выступает в функции другой формы прошедшего времени, т. е. временной план не меняется, однако форма простого прошедшего выражает значения, присущие перфекту или плюсквамперфекту. Например, А. Пихлак полагает, что претерит способен выступать в роли перфекта, если говорящего интересует не результат, а сам факт совершения действия, в таком случае он переводится на русский язык формой СВ.

(235) *Ta astus magaja juurde, hakkas käerlandmest kinni ja ütles: „Ta suri“.* (А. Пихлак)

Он подошел к спящему, пощупал его запястье и сказал: «Он умер».

Однако думается, что форма претерита предпочтительнее только в таких случаях, когда в высказывании указывается также время события, например:

(236) *Ta astus magaja juurde, hakkas käerandmest kinni ja ütles: „Ta suri täna öösel“.*

Он подошел к спящему, пощупал его запястье и сказал: «Он умер сегодня ночью».

Если локализации во времени нет, то с точки зрения современной лингвистики, правильным было бы употребление формы перфекта: *Ta astus magaja juurde, hakkas käerandmest kinni ja ütles: „Ta on surnud“.*

Претерит может также выступать в роли плюсквамперфекта, если:

а) Говорящий представляет неочевидное действие как очевидное, в таком случае претериту в русском языке соответствует форма СВ.

(237) *Telegraafiagentuur teatab, et neegrid organiseerisid eile Angoolas demonstratsiooni.* (А. Пихлак)

Телеграфное агентство сообщает, что негры организовали вчера в Анголе демонстрацию. (А. Пихлак)

б) Говорящий отвлекается от завершения одного действия ранее другого и представляет их как два последующие друг за другом действия, перевод на русский язык осуществляется формой СВ.

(238) *Kui tuli aeg, võttis Anna asja jälle käsile.*

Когда настало время, Анна опять взялась за дело.

[Пихлак 1982: 89–90]

Особого внимания заслуживают также два спорных случая употребления форм прошедшего времени, один из них связан с претеритом, другой – с плюсквамперфектом. Оба представлены в *Эстонской академической грамматике*, вышедшей в 90-е годы, однако исключены из препринта 2013 года. Эти два употребления называются *mineviku tulevik* («будущее прошедшего» или будущее в прошедшем – форма претерита (239) и *mineviku mineviku tulevik* (240) («будущее прошедшего прошедшего» – форма плюсквамперфекта) [EKG II 1993: 33].

(239) *Pomm oli plahvatamas* т. е. *Pomm hakkas plahvatama.* (EKG II)

Бомба была готова (вот-вот) взорваться.

(240) *Kana oli olnud just valmis saamas, kui Mari koju tuli.* (EKG II)

Курица была почти готова, когда Мари вернулась домой.

В примере (239) речь идет не о «чистой» форме простого прошедшего, а о сочетании глагола *быть* в претерите и инессива супина (*mas*-формы) другого глагола. В предложении (240) сема будущего времени заложена в лексическом значении глагола *saata* (*стать*), т. е. для передачи этого значения могут быть употреблены только глаголы, которые лексически указывают на будущее, например: *algata* (*начать*), *mineta* (*идти*), *tulema* (*прийти*) и т. д.

Пример (240) хорошо иллюстрирует ситуацию, когда в русском языке употребляются соответствия других уровней языка, чтобы передать информацию, которая в эстонском языке выражается морфологической временной формой. Это связано как с тем, что в эстонском более подробная система временных форм (трем эстонским формам прошедшего времени в русском соответствует одна форма, и разные значения достигаются только с помощью НСВ и СВ), так и с взаимодействием этих форм со средствами других уровней (лексическими, синтаксическими).

Почему эти случаи являются спорными? Первая причина в том, что оба предложения (но особенно это касается примера с формой плюсквамперфекта) сконструированы искусственно, т. е. очень сложно проверить, насколько естественным является на самом деле такое употребление временной формы в языке. Во-вторых, хотя названия этих конструкций и совмещают в себе прошедшее и будущее время, и тем самым как бы указывают на то, что происходит сдвиг в первичном значении конкретной временной формы, такие употребления нельзя понять однозначно, как, например, форму настоящего времени в функции настоящего исторического. Поэтому вопрос, являются ли эти примеры действительно переносным употреблением форм претерита и плюсквамперфекта, остается пока открытым. Если в ходе дальнейших исследований удастся в каких-либо текстах найти похожие употребления, можно сделать какие-то выводы.

Для эстонского претерита, кроме русских форм НСВ, могут быть соответствиями также формы прошедшего СВ (235). Такие примеры закономерны при употреблении:

а) глаголов предельных способов действия (например, *ehmita* – *испугаться*), и

б) аналитических глаголов, имеющих семантику результативности [Эслон, Пихлак 1993: 91–92].

4.2.2. Перфект (täisminevik) в эстонском языке

4.2.2.1. Общая характеристика формы перфекта.

«Перфект от лат. perfectus – совершенный, видовременная форма глагола, обозначающая состояние в настоящем как результат предшествующего действия, изменения и/или действие, событие, состояние прошлого, чем-либо важное для настоящего, рассматриваемое с точки зрения настоящего, вне связи с другими фактами прошлого» [БЭСЯ 1998: 372].

По словам Ю. С. Маслова, к перфекту относятся только такие глагольные формы, в значении которых объединяются одновременно два временных плана (предшествующий и последующий), и между этими ситуациями существует определенная связь [Маслов 1984: 32].

В эстонском языке перфект является аналитической временной формой, которая состоит из личной формы глагола *olema* (быть) в настоящем времени и причастия прошедшего времени: *olen elanud*, *oled elanud* и т. д. При этом следует отметить, что перфект может быть представлен только в индикативе (это касается также плюсквамперфекта) [EKG I 1995: 241]. Перфект выражает сложную комбинацию временных значений, чаще всего тот факт, что результат или следствие ситуации, имевшей место в прошлом, сохраняется к моменту речи.

Перфект достаточно широко распространен во многих языках мира, например, в современных скандинавских, в английском, испанском, персидском, хинди, в большинстве тюркских языков и т. п. Формы перфекта нет в классическом латинском, в современном русском (кроме некоторых говоров) и в большинстве других славянских языков и т. д. [БЭСЯ 1998: 372].

Как было уже сказано, к моменту речи действие, выраженное формой перфекта, является обычно завершенным, но существуют и исключения, например, если употребляются следующие показатели длительности: *juba mitmeid aastaid/уже несколько лет*, *mõnda aega/некоторое время*; при повторяемости действия: *päevade kaupa/целыми днями* и т. д.

Г. де Сварт утверждает по отношению к английскому перфекту настоящего времени (*Present Perfect*), что перфект не подходит для нарративных контекстов, потому что в повествовании события должны следовать друг за другом. С другой стороны, она приходит к выводу, что во французском и немецком языках форма перфекта может без трудностей употребляться в рассказе [de Swart 2007: 2274]. В эстонском языке повествование также ведется, как правило, в претерите.

Говоря о форме перфекта, необходимо упомянуть о т. н. «загадке перфекта настоящего времени» (*The Present Perfect Puzzle*). Эта идея принадлежит В. Кляйну, и она состоит в том, что у (английской) формы перфекта настоящего времени должна быть особенная функция, которая не позволяет ей сочетаться с наречиями, указывающими на прошедшее время

(*past time adverbials*) [Klein 1992: 529]. Анализируя обстоятельства времени, В. Кляйн выделяет две группы: 1) позиционно-определенные (*position-definite time expressions*), которые выражают конкретный момент ситуации, и 2) определяющие границы (*boundary-definite time expressions*), которые выражают пределы ситуации [Там же: 534].

С точки зрения «загадки перфекта настоящего времени», языки разделяют на две группы:

- 1) в которых форма перфекта **не сочетается** с обстоятельствами прошедшего времени (английский и др.);
- 2) в которых форма перфекта **сочетается** с обстоятельствами прошедшего времени (итальянский, немецкий и др.) [Афанасьева 2009: 43].

Эстонский язык входит в первую группу, так как мы можем сконструировать предложение: *Eile kell 10 kirjutasid presidendid rahulepingule alla* (вчера в 10 часов + форма претерита), но некорректным является высказывание: **Eile kell 10 on presidendid rahulepingule alla kirjutanud* (вчера в 10 часов + форма перфекта). Исключением из общего правила является фраза, указывающая на дату рождения: *Ma olen sündinud 1. jaanuaril 1988. aastal. (Я родился 1-го января 1988-го года)*. Любопытным является факт, что, хотя эстонский и финский являются родственными языками, по наблюдениям Х. Томмола, финский перфект иногда сочетается с обстоятельством времени, указывающим на время совершения действия [Томмола 1986: 46].

Что касается русского языка, то мы, конечно, не можем говорить об употреблении/неупотреблении формы перфекта, однако по мнению Ю. А. Ландера, наличие или отсутствие обстоятельств времени, а также их место в предложении (если временное обстоятельство находится в теме, то перфектного значения нет) может определить выбор одного или другого значения СВ (т. е. то, как мы интерпретируем конкретное употребление формы СВ) [Ландер 2002: 300–302].

4.2.2.2. Прямое употребление формы перфекта в эстонском языке

Б. Комри выделил 4 типа перфекта [Comrie 1995: 56–61] на основе английского языка, однако такие же типы наблюдаются и в эстонском языке: результативный, экспериенциальный, инклюзивный и имедиатный.

а) **Результативный перфект** (*tulemusperfekt*) – выражает событие в прошлом через его результат, который проявляется в настоящем. Скорее всего, говорящий не был свидетелем самой этой ситуации и «реконструирует» ее по наблюдаемому им результату. По словам Б. Комри, в языках, где отсутствует форма перфекта, в таких случаях употребляют претерит. Х. Томмола утверждает, что все северославянские языки имеют форму прошедшего СВ для выражения значения результативности совершенного действия для момента речи [Tommola 2000: 445].

Эстонскому результативному перфекту соответствуют в русском языке прежде всего глаголы СВ в прошедшем времени (подробнее см. подраздел 4.4. *Перевод русских форм, выражающих семантический план прошедшего на эстонский язык*). Результативный перфект представлен в примере (241).

(241) *Keegi on akna avanud* – *toas on jahe*.

Кто-то открыл окно – в комнате прохладно.

б) **Экспериенциальный перфект** (*kogemusperfekt*) – подытоживает события, которые происходили в какой-то длительный период. Промежуток времени может быть, например, жизнь человека или просто два последних часа, ситуация могла иметь место один раз или больше, точное время события не предполагается [Metslang jt 2003: 98]. Следует обратить внимание на то, что этому типу перфекта в русском языке соответствуют формы НСВ (подробнее см. подраздел 4.4. *Перевод русских форм, выражающих семантический план прошедшего на эстонский язык*). Экспериенциальный перфект в предложении легко сочетается как с формой настоящего времени, так и претерита [Metslang 1997б:103]. Экспериенциальный перфект представлен в примере (243).

(242) *Ta on tark inimene, kes on käinud mitmes ülikoolis, pärast keskkooli õppis ta Tehnikaülikoolis, hiljem aga lõpetas Tartu Ülikooli.*

Он – умный человек, учившийся в нескольких университетах, после окончания средней школы – в Техническом университете, затем окончил Тартуский университет.

в) **Инклюзивный перфект** (*kestva olukorra perfekt*) – выражает состояние в прошлом, которое продолжается в плане настоящего времени, т. е. обозначает не сохранение результата к моменту речи, а тот факт, что сама ситуация в момент речи по-прежнему имеет место и не завершилась. В русском языке значение этого типа перфекта чаще всего передают с помощью формы настоящего времени НСВ, однако в некоторых контекстах допускается также употребление прошедшего времени НСВ (подробно о переводе см. подраздел 4.4. *Перевод русских форм, выражающих семантический план прошедшего на эстонский язык*). Инклюзивный перфект представлен в примере (244).

(243) *Ma olen siin majas juba kümme aastat elanud.*

Я живу в этом доме уже десять лет.

г) **Иммедиатный перфект** (*kuuma uudise perfekt*), выражает событие, которое произошло только что, какую-либо новость. Иммедиатные формы, в отличие от других перфектных форм, ничего не сообщают о том, что про-

исходит в момент речи. При выражении такого значения употребление формы перфекта является необязательным, можно использовать форму претерита, и ошибки не будет. Перфект выступает здесь как стилистический прием и подчеркивает важность события [Metslang jt 2003: 98]. В русском языке этому типу перфекта соответствует форма прошедшего времени СВ (подробно о переводе см. подраздел 4.4. *Перевод русских форм, выражающих семантический план прошедшего на эстонский язык*). Имmediатный перфект представлен в примере (245).

(244) *Saksamaa on tulnud maailmameistriks!*
Германия стала чемпионом мира!

При анализе примеров было выявлено, что чрезвычайно важную роль в образовании конкретного типа перфекта играют наречия. Поэтому считаем необходимым дать краткую характеристику таких наречий. Наречия времени в эстонской грамматике делятся на четыре типа:

- 1) наречия, которые указывают на время протекания действия, например: *Homme tagate lõunani. Завтра будем спать до обеда;*
- 2) наречия, которые указывают на временной предел действия, например: *Homme tagate lõunani. Завтра будем спать до обеда;*
- 3) наречия, которые указывают на длительность действия, например: *Kui sa nii kaua olid? Где ты был так долго?;*
- 4) наречия, которые указывают на итеративность действия, например: *Ma ärkan öösiti mitu korda üles. Я по ночам (букв. ночами) несколько раз просыпаюсь* [EKG II 1993: 77–78].

Чтобы доказать необходимость наречий при образовании конкретного типа перфекта, приведем следующий пример: *Ta on küpsetanud pirukaid*. Без наречий невозможно определить, с какой разновидностью значения перфекта имеется дело, тем более неясно, как нужно перевести это предложение на русский язык. Если добавить наречие, то трудностей интерпретации и перевода не возникает. Например:

- а) *Ta on sageli küpsetanud pirukaid*. Она часто пекла пироги. – экспериенциальный перфект, в русском языке, как правило, ему соответствует форма НСВ прошедшего.
- б) *Ta on terve päeva küpsetanud pirukaid*. Она целый день печет пироги. – инклюзивный перфект, на русский язык, как правило, передается формой НСВ настоящего.
- в) *Ta on täna küpsetanud pirukaid*. Она сегодня пекла пироги. – результативный перфект, русским эквивалентом является НСВ прошедшего.

На основе сказанного, конечно, нельзя делать вывод, что только наречие может указать на тип перфекта в эстонском языке, этому способствуют также семантика глагола, сочетаемость с другими временными формами и еще некоторые факторы.

Анализируя разные оригинальные и переводные тексты, можно увидеть, что не все типы перфекта употребляются в равной мере, об этом писали уже М. Эрелт и Х. Метсланг: кажется, что постоянное напоминание о возможностях эстонского языка научило нас употреблять два типа перфекта: экспериенциальный и результативный, как в оригинальных, так и в переводных текстах [Erelt, Metslang 1998: 666].

На данный момент сложилась такая ситуация, что изучающим эстонский язык трудно усваивать аналитические временные формы см. [Maisla 2014]. Если даже носители языка употребляют эти формы редко, то изучающие его почти не встречают ни перфект, ни плюсквамперфект, а научиться использовать их только на основе учебников и уроков языка очень сложно.

Следует отметить, что хотя в более ранних трудах конкретные типы перфекта еще не рассматривались, тем не менее, например К. Михкла [Mihkla jt 1974: 96–97], различает разные возможности употребления форм перфекта в простом и сложном предложениях. С его точки зрения, в простом предложении форма перфекта может иметь три значения:

а) Действия, завершенного до момента речи:

(245) *Õnneks on isa ja Mart juba lõpetanud söömise ja sõit kodu poole võib alata.* (O. Luts)

К счастью, отец и Март уже поели, можно ехать домой.

(Перевод Б. Лийвак)

(246) *Nüüd aga on toonekurg Kiirtel uuesti võõrsil käinud ja veel ühe ilusa pois'i juurde toonud, mille üle vanemate ja vendade rõõm muidugi on otsatu.* (O. Luts)

Но недавно семью Кийров снова навестил аист и принес с собой еще одного славного мальчонку; радость родителей и детей, разумеется, безгранична. (Перевод Б. Лийвак)

б) Действия, которое длится до момента речи (а также в момент речи и вполне может длиться и после него – наше дополнение С. К.-С.):

(247) *Ehk talitused küll endise palavikulise rutuga on edasi kestnud, ei näi neile siiski lõppu tulevat; ja on kindel, kui ristimist tund-tunnilt edasi võiks lükata, siis laps viimsepäeva laupäevani ristimata jääks, sest naised ei jõua oma töödega ja ettevalmistustega iialgi lõpule.* (O. Luts)

Хотя приготовления к крестинам продолжают в прежнем лихорадочном темпе, им все еще не видать ни конца, ни края; ясно одно – если бы крещение можно было откладывать с одного часа

на другой, то ребенок так и остался бы некрещеным до самого светопреставления, ведь женщины могут до бесконечности возиться со своей стряпней и всякими другими делами.

(Перевод Б. Лийвак)

(248) *See **on** alati nii **olnud** ja jääb kah.* (O. Luts)

*Так всегда **было**, и так будет.* (Перевод Б. Лийвак)

в) Действия, которое не связано с моментом речи, т. е. имеется какая-то временная дистанция между действием и моментом речи, см. (249). Перфектом может выражаться однократное или многократное, повторяющееся действие (в последнем случае русским соответствием является НСВ), (250).

(249) *Ammu **on leiutatud** kell, kompass, püssirohi, paber ja trüükikunst, ader ja kirves, piksevarras, aurumasin.* (J. Smuul)

*Уже давно **изобрели/изобретены** часы, компас, порох, бумагу/а и печать, плуг и топор, громоотвод, паровик.* (Л. Тоом)

(250) *Три раза **приезжал** я за Катериной. И три раза она **отказывалась** ехать со мной.* (А. Кульбакин)

*Kolm korda **olen** ma Katariinale **järele sõitnud**. Ja kolm korda **on** ta **keeldunud** minuga sõitmast.*

Если в предложении имеется больше, чем одна форма перфекта, то сказуемые выражают, скорее всего, одновременные действия, т. е. выражают таксисные отношения одновременности, если опираться на современные исследования и использовать соответствующую терминологию.

(251) *Härra Toots **on** ilmas juba palju **käinud** ja mõndagi **näinud**, ta võiks Aadnielile suureks abiks olla.* (O. Luts)

*Господин Тоотс уже немало **побродил** по свету, немало **повидал**, мог бы быть Аадниэлю отличным советчиком.*

(Перевод Б. Лийвак)

(252) *Köster nokutab heakskiitvalt peaga ja vaatab korra soovalistujate poole, nagu tahaks ta seega tähendada, et tema lootus Tootsi kohta ometi **on täide läinud** ja tema kristlik õpetus **vilja on kandnud**.*

(O. Luts)

*Кистер одобрительно кивает головой и поглядывает на женщин, сидящих на диване, как бы подчеркивая, что его надежды относительно Тоотса все же **оправдались** и христианское учение **принесло** свои плоды.* (Перевод Б. Лийвак)

Однако возможна и последовательность действий:

- (253) *Kui ta lubatud summa kaks korda tähelepanelikult **on üle lugenud** ja ülejäänud osa endisesse kohta **tagasi pannud**, kergitab ta oma ihukatted jälle tarvilikku kõrgusse ja paneb nööbid aegapidi kinni.*
(O. Luts)

*Дважды внимательно **пересчитав** обещанную сумму и **засунув** оставшиеся деньги на прежнее место, он снова подтягивает свои одеяния до нужной высоты и медленно застегивает пуговицы.*
(Перевод Б. Лийвак)

По словам К. Михкла, форма перфекта может сочетаться с любой другой временной формой [Mihkla jt 1974: 97]⁴³. Если она сочетается с презенсом, то перфект выражает предшествующее действие, результат которого связан с настоящим временем.

- (254) *Nüüd **on** Teele juba kindel, et koolisõprade vahel midagi tõsist **on juhtunud**.* (O. Luts)

*Теперь Тээле окончательно **убеждена**, что между одноклассниками **произошло** что-то серьезное.* (Перевод Б. Лийвак)

Если вместе с формой перфекта, находящейся в придаточной части предложения, в главной части предложения имеется форма претерита, то перфект обозначает предшествующее действие, результат которого связан не с прошедшим временем, а с настоящим.

- (255) *Minna **oli** täis oma seisuseuhkust ega jätnud tülitsemise silmapilkudel kunagi kahetsemata, et **on** mustatöölisele **mehele läinud**.* (J. Semper)

*Минна **чванилась** своим происхождением и при ссорах не упускала случая пожаловаться на то, что **вышла** за чернорабочего.*
(Перевод Л. Тоом)

⁴³ Сочетаемость перфекта и плюсквамперфекта с другими временными формами в сложноподчиненных предложениях с придаточными причины в эстонском языке мы рассматривали в статье [Купп 2008: 207–214].

Если же форма перфекта стоит в главной части предложения, то она выражает последующее действие по отношению к форме претерита.

(256) *Ehkki hommikupoolikul lubati vihma, on ikkagi palju rahvast tulnud kokku.*

Хотя утром обещали дождь, все равно пришло много народа.

Употребление перфекта зависит не только от выражения временных отношений, но и от синтаксической структуры предложения и от семантики глагола. В эстонском языке существуют глаголы, которые могут выступать только в определенном синтаксическом окружении [Ustal 1980: 5–6]. Например, можно сказать: *Pidu lõpeb. Pidul on lõppenud*. Однако нельзя сконструировать пример: **Pidul on kestnud*. В то же время никаких проблем не возникает, если добавить показатель временной локализации, например: *Pidul on kestnud kaks tundi*.

Ю. Устал отмечает в своей дипломной работе об употреблении перфекта, что глаголы, которые не выражают действие, могут выступать в форме перфекта только в том случае, если они *необщие*⁴⁴ [Там же: 12]. Под *общими* глаголами понимаются глаголы, которые выражают «наличие временной тенденции, охватывающей неопределенное количество событий» [Чейф 1975: 194]. Например: *Tee on lai. *Tee on olnud lai*. Второе предложение грамматически неправильно, потому что глагол *olema* является общим. Однако существенно то, что наречие может превратить такой общий глагол в необщий, и тем самым можно сконструировать пример с формой перфекта: *Tee on olnud lai juba ammu*.

Кроме собственно прямого и переносного употреблений формы перфекта, существуют еще и промежуточные случаи, при которых семантический план времени не меняется, но прибавляются дополнительные оттенки значения. Так, например, перфект в эстонском языке может выражать значение действия, лично не наблюдавшегося говорящим, которое в свою очередь может иметь два вида:

а) Говорящий сообщает о наличии действия в прошлом со слов других:

(257) *Ta kõneleb pisut inglise keelt ja on kuuldavasti Ameerikas elanud.*

Она говорит немного по-английски и, (как) говорят, (она) жила в Америке.

⁴⁴ Необщее значение означает «указание или конкретную констатацию происходящего в данный момент события. В этом случае событие предстает как единичное, проходящее явление» [Чейф 1975: 194].

Однако следует отметить, что в подобных примерах очень важную роль играют также лексические показатели, в частности в эстонском языке наречие *kuuldavasti*, а в русском языке вводная конструкция (*как*) *говoryт*.

Приведем еще один пример:

(258) *Говорят, что она (любопытность), в сочетании с вашей не менее развитой разговорчивостью, **стала привлекать** всеобщее внимание.* (М. Булгаков)

*Räägitakse, et ühenduses teie samavõrra arenenud jutukusega on see (teadmisjanu) **hakanud äratama** üldist tähelepanu.*

(Перевод М. Varik и J. Ojamaa)

б) Говорящий сообщает о совершении действия, ориентируясь на косвенные признаки, которые указывают на то, что действие имело место. Это значение перфекта несвойственно для эстонского языка, хотя в финском языке оно существует [Серебренников 1963: 462].

Семантика эстонского перфекта шире перфектного значения прошедшего СВ в русском языке [Эслон, Пихлак 1993: 95]. Это утверждение можно доказать в том числе и тем, что значению эстонского инклюзивного перфекта в русском языке соответствует форма настоящего времени.

Перфектное значение русского СВ, благодаря связи результата с моментом речи, допускает чередование форм прошедшего времени СВ и настоящего времени НСВ [Кульбакин 1983: 26]. Н. А. Козинцева подчеркивает связь перфекта с видовыми значениями, которая проявляется в том, что перфектные формы предельных глаголов выражают совершенность действия, которое имеет актуальный результат. С помощью перфектных форм неопределенных глаголов представляются действия или состояния, которые продолжаются до момента речи или определенного момента в прошлом [Козинцева 1978: 89]. В русском языке перфектное значение СВ выражает результативное действие [Бондарко 1971а: 95]. Ключевым словом здесь является именно *результаты*, т. е. предполагается, что действие уже завершилось. В эстонском языке перфект хотя и подытоживает действие в прошлом, это не всегда означает, что действия обязательно уже завершились к моменту речи, они могут и продолжаться.

В русском языке перфектное значение наблюдается чаще при таких глаголах, лексическая семантика которых имеет указание на устойчивый результат. Они могут выражать переход в новое состояние (*высохнуть, окрепнуть*) или указывать на наблюдаемое состояние (*измучиться, засидеться*) [Шведова 1983: 36].

Кроме глаголов, в русском языке в выражении перфектного значения могут участвовать разные наречия: *уже, сейчас, как раз, теперь*, а также частицы: *ну вот, как, вот* и др.

(259) *Мари кашляет уже целую неделю, потому что простудилась.*

Все эти различия еще раз доказывают, что целесообразно более подробно анализировать соответствия эстонского перфекта в русском языке и затруднения при русско-эстонском переводе (см. подраздел 4.4. *Перевод русских форм, выражающих семантический план прошедшего на эстонский язык*).

4.2.3. Плюсквамперфект (enne minevik) в эстонском языке.

4.2.3.1. Общая характеристика формы плюсквамперфекта.

«Плюсквамперфект (лат. *plusquamperfectum* (tempus), буквально означает более чем законченное (время), давнопрошедшее время, это сложная грамматическая форма прошедшего времени» [ЭРЯ 1997: 344].

Плюсквамперфект является аналитической временной формой, которая состоит из личной формы глагола *olema* (*быть*) прошедшего времени (в претерите) и причастия прошедшего времени: *olin elanud*, *olid elanud* и т. д. Основным значением этой временной формы является указание на то, что некоторая ситуация имела место раньше другой ситуации в прошлом. Итак, можно сказать, что плюсквамперфект, обозначающий предшествование событий в прошлом, играет в сфере прошедшего ту же роль, которую в сфере настоящего играет перфект.

Б. А. Серебренников утверждает, что плюсквамперфект можно считать релятивным временем, потому что он употребляется в том случае, если одно действие завершилось в прошлом раньше другого действия [Серебренников 1963: 477]. Для уточнения временной локализации действия, выраженного формой плюсквамперфекта, часто употребляются разные лексические показатели.

В отличие от формы перфекта плюсквамперфект не сочетается с формой настоящего времени (не выражаются временные отношения), но может быть в предложении представлен вместе с любой другой формой прошедшего времени. В частности, в сочетаниях с другими временными формами плюсквамперфект выражает предшествующее действие.

4.2.3.2. Прямое употребление формы плюсквамперфекта в эстонском языке

Обычно в грамматиках отмечается, что эстонский плюсквамперфект обозначает действие, законченное до начала другого действия в прошлом или до какой-либо другой точки отсчета.

(260) *Nagu saunaeit suvel oli kuulutanud, nõnda see ka oli: Krõõdal sündis tütar.* (A. H. Tammsaare)

*Как **предсказала** летом бобылка, так и вышло: у Крыят **родилась** девочка.* (Перевод О. Наэль)

В. Таули выделяет еще одно значение формы плюсквамперфекта: плюсквамперфект заменяет нарратив⁴⁵ [Tauli 1980: 34].

(261) *Selle koha peal oli vanasti linn **olnud**.* (V. Tauli)
(Говорят) на этом месте был когда-то город.

Говорящий сообщает о совершившемся действии со слов других людей, т. е. плюсквамперфект выполняет функцию квататива.

(262) *Kõrtsis oli ta viimastel aastatel **käinud** üksnes harva ega jäänud sinna kauaks.* (V. Tauli)

*В трактир он в последние годы **ходил** редко и не засиживался там.*

Интересен факт, что, по мнению Б. А. Серебренникова, в финском языке для обозначения неочевидности действия может употребляться как форма перфекта, так и плюсквамперфекта, однако выбор формы довольно строго предписан. Перфект употребляется, если имеются в виду события, о существовании которых говорящий узнает из письменных источников, а плюсквамперфект выражает действия, о которых говорящий получает сведения от других людей [Серебренников 1963: 482]. По всей вероятности, в эстонском языке такое четкое разграничение несущественно, хотя К. Кару отмечает в связи с уступительными конструкциями, что «предложения с плюсквамперфектом характеризуются дополнительными оттенками незнания, неточного знания или скрытого автором знания того, как обстоят дела в момент произношения уступительной конструкции», и приводит следующий пример (263) [Кару 2006: 312].

(263) *Kuigi parvlaev oli **väljunud** Helsingist õigeaegselt, ei jõudnud ta tugeva tuule tõttu õhtuks Tallinna sadamasse.*

*Хотя катамаран вовремя **вышел** из Хельсинки, из-за сильного ветра он к вечеру не прибыл в Таллиннский порт.*

⁴⁵ По определению В. Таули, нарратив выражает то, что о действии узнали от третьего лица [Tauli 1980: 37].

Когда говорящий сообщает о событиях, которые он лично не видел, в высказывании может опускаться вспомогательный глагол и действие выражается только причастием [Серебренников 1963: 483].

(264) *Mees läinud metsa puid raiuma. Tahtnud kaske raiuda...*(ÜÕÕ)

Отправился мужик в лес дрова рубить. *Хотел* срубить березу...

(Б. Серебренников)

Точнее было бы: *Отправился, говорят, мужик в лес дрова рубить. Хотел, говорят, срубить березу...* в этом случае в русском языке синтаксическими и лексическими средствами выражена неочевидность действия.

С точки зрения таксисных отношений, две или более формы плюсквам-перфекта могут выражать:

1) Одновременные действия:

(265) *Kui Arno oma suurepärast mänguriista kõigile oli näidanud ja kõik seda küllalt olid vaadanud, hakkas ta hilja õhtul, kui teised juba magasid, seda õige ise vaatama.* (O. Luts)

После того, как Арно всем показал свой чудесный музыкальный инструмент и все на него вдоволь нагляделись, мальчик начал сам его по-настоящему рассматривать, когда другие уже спали.

(Перевод Б. Лийвак)

2) Действия, следующие друг за другом:

(266) *Tõnisson oli endale musta siidrätiku kaela pannud, juuksed õlitanud, uued riided selga tõmmanud, ja paistis nüüd ka hoopis teine olevat kui muidu: kui ta naeratas, siis oli selles midagi lootusrikast.*

(O. Luts)

Тыниссон, с черным шелковым платком на шее и напомаженными волосами (букв.: надел черный шелковый платок и напoмадил волосы), одетый во все новое, сегодня тоже казался совсем не таким, как обычно; в его улыбке сквозила жизнерадостность. (Перевод Б. Лийвак)

(267) *Toots oli lõunaajal, kui kedagi magamistoas ei olnud, oma palitust, saabastest ja mütsist ühe mehe teinud ja lakke riputanud.* (O. Luts)

Во время обеденного перерыва, когда в спальне никого не было, Тоотс смастерил из своего пальто, шапки и сапог чучело и подвесил его к потолку. (Перевод Б. Лийвак)

3) Совершаемое в отдаленном прошлом действие описывается в его длительности и постоянной повторяемости:

(268) *Nõnda oli Villu tänini arvanud.* (A. H. Tammsaare)
Так думал до сих пор Виллу. (Перевод О. Наэль)

Форма плюсквамперфекта может сочетаться с другими временными формами, реже всего с формой настоящего времени, и в таком случае форма настоящего времени выступает обычно в значении настоящего исторического (*praesens historicum*).

(269) *Vaja oli muretseda noorele Tootsile lubatud võru. Ja vaata imet! Poisike tõuseb hommikul vara-vara üles, kolab mööda porist õue ümber ja otsib vana toobrivitsa taga, mida ta oli näinud paari päeva eest aida kõrval vedelemas.* (O. Luts)

*Поэтому надо раздобыть молодому Тоотсу обещанный обруч. И – подумать только! – паренек **встает** ни свет ни заря, **бродит** по грязному двору и **ищет** тот старый обруч от кадушки, который несколько дней назад валялся около амбара.* (Перевод Б. Лийвак)

К. Михкла и др. утверждают, что в сложном предложении форма плюсквамперфекта может сочетаться с любыми временными формами, однако, в простом предложении – только с формами прошедшего времени [Mihkla jt 1974: 98]. При этом, если в главной части предложения употреблена форма плюсквамперфекта, а в придаточной части – форма презенса, то не выражаются временные отношения (т. е. таксисные).

(270) *Mõnepäevase koosviibimise järel Bundbergi talus olime üksteist saanud mõistma nagu inimesed, kellel on elust ja asjadest ühised arusaamised.* (J. Vahtra)

*После нескольких дней совместного пребывания на хуторе Бундберг, мы **начали/стали** друг друга **понимать**, как люди, которые **смотрят** на вещи и жизнь одинаково.*

Чаще всего форма плюсквамперфекта сочетается с формой претерита:

(271) *Ta leiutas uue laskmisviisi, samuti nagu ta oli leiutanud uue palumisviisi.* (O. Luts)

*И точно так же, как в свое время он **придумал** новый способ молитвы, он теперь **изобрел** новый способ стрельбы.*

(Перевод Б. Лийвак)

- (272) *Kui Arno isaga koolimajja jõudis, olid tunnid juba alanud.* (O. Luts)
Когда Арно с отцом вошли в школу, оказалось, что уроки уже
начались. (Перевод Б. Лийвак)

Что касается примера (272), то необходимо подчеркнуть, что в русском переводе потребовалось специальное лексическое средство для выражения подчеркнутого предшествования (*оказалось*).

Можно также найти примеры, в которых сочетаются формы перфекта и плюсквамперфекта.

- (273) *Viiel korral oli tahetud midagi ütelda ja on paiguti öeldudki.* (J. Oks)
В пяти случаях хотели что-то сказать, и когда-то что-то было
и (вы)сказано.

Глаголы СВ в русском языке могут передавать отнесенность действия к предшествующему временному плану прошлого. В этом случае говорят о плюсквамперфектом употреблении прошедшего времени СВ. В современном русском языке в изъявительном наклонении нет специальных форм относительных времен. Относительное употребление поддерживается лексической семантикой глагола. СВ свойственно значение законченности. Значение предшествования одного действия другому может выражаться в относительном употреблении формы СВ с другими формами глагола [Кульбакин 1983: 33]. В эстонском языке, наоборот, относительность действия и его последствий и результатов к более позднему времени выражается глагольными формами перфекта и плюсквамперфекта (т. е. грамматически), а значение преодоления внутреннего предела выражается временными формами только при наличии определенного контекста.

В зависимости от конкретного значения плюсквамперфекта, он может передаваться на русский язык СВ [Пялль и др. 1962: 160]:

1) Если выражается результативность действия, происходившего до другого действия:

- (274) *Õuest läbi minnes nägid nad, kuidas Toots seda võru, mis Arno hommikul kooli oli toonud, vägisi Visakule ära tahtis müüa.* (O. Luts)

Проходя через двор, они увидели, как Тоотс пытается насильно навязать Визаку тот самый обруч, который Арно утром принес в школу. (Перевод Б. Лийвак)

2) Если выражается однократность действия:

- (275) *Talle oli korraga nagu raske kivi südamele veerenud.* (O. Luts)

На сердце ему словно навалили тяжелый камень.

(Перевод Б. Лийвак)

Эстонскому плюсквамперфекту соответствует НСВ, если временная форма выражает значение повторяемости или длительности действия:

(276) *Ta oli oma naisele alati tõtt rääkinud.*

Он всегда говорил правду своей жене.

Так как в русском языке отсутствуют морфологические возможности передачи значения эстонского плюсквамперфекта, то это делается с помощью наречий: *уже, еще* [Mölder 1967: 90] или иных лексико-синтаксических средств.

4.3. Переносное употребление временных форм в семантическом плане прошлого

4.3.1. Форма настоящего времени при обозначении прошедших действий

Для начала рассмотрим переносное употребление формы настоящего времени НСВ в русском языке. Можно выделить следующие возможности переносного употребления:

- а) настоящее историческое;
- б) настоящее эмоциональной актуализации.

4.3.1.1. Настоящее историческое (*praesens historicum*)

Настоящее историческое в грамматике русского языка

Настоящее историческое является одним из возможных случаев переносного употребления формы настоящего времени. Формы настоящего и будущего времени без трудностей выражают действия в прошлом, они часто встречаются в рассказах. С другой стороны, формы прошедшего времени употребляются намного реже в временном плане настоящего и будущего [Прокопович 1982: 32–33]. В случае настоящего исторического временная форма презенса употребляется для передачи прошедших событий и при этом создается впечатление, что они происходят в момент речи перед глазами слушателя или читателя. Для такого употребления нужен широкий контекст, четко указывающий на план прошлого [Виноградов 1972: 451].

Иногда используется термин «настоящее повествовательное» [Бондарко 1971а: 142], а также «настоящее нарративное» [Падучева 1996].

Е. В. Петрухина задает вопрос, является ли настоящее историческое нейтрализацией или транспозицией вида. Она пишет о том, что вопрос о транспозиции вида является сложным – так как для описания одной и той

же ситуации, выбор между формой НСВ или СВ является в значительной степени субъективным. Настоящее историческое означает переносное употребление формы презенса НСВ, которая тесно связана со значением процесса. Поэтому Е. В. Петрухина считает, что вопрос о транспозиции видового значения остается нерешенным [Петрухина 2009: 72–74].

М. А. Шелякин подразделяет повествовательное переносное употребление формы настоящего времени на три типа:

1) В контексте прошедшего НСВ или СВ имеются формы настоящего времени (277).

(277) *Тожже на Апраксином рынке было, с некоторых пор начал его преследовать странный проситель: то на службу к нему **заявится** (заявляется), то возле дома **подстережет** (подстерегает) и прямо посреди улицы на коленки падает, за сапоги обнимает.*
(Л. Юзефович)

2) В контексте будущего НСВ или СВ имеются формы настоящего времени (278).

(278) *Вообрази, что среди этой свистопляски **появляется** негодующее, но спокойное явление двух ведущих поэтов. **Формулируется** концепция патриотизма, верность идеям социализма и в то же время отрицание силовых методов решения проблем и тревога за судьбу братского народа.* (В. Аксенов)

В примере (278) можно заменить выделенные глаголы на *появится, сформулируется*.

3) В контексте нет указаний на прошедшее время и формы настоящего времени проявляются в функции эпического настоящего. Примером служит рассказ А. П. Чехова «Аптекарь».

(279) *А она быстро **бежит** в спальню и **садится** у того же окна. Ей видно, как доктор и поручик, выйдя из аптеки, лениво **отходят** шагов на двадцать, потом **останавливаются** и **начинают** о чем-то шептаться. О чем? Сердце у нее **стучит**, в висках тоже **стучит**, отчего – она и сама **не знает**... **Бьется** сердце сильно, точно те двое, шепчась там, **решают** его участь.* (А. Чехов)

Во всех перечисленных случаях говорящий переносится в особенный мир, в котором есть свое настоящее, прошлое и будущее и которые не связаны с реальным моментом речи [Шелякин 2001: 102].

Настоящее историческое НСВ может проявляться в следующих функциях:

1) Разовых, целостных действий, следующих друг за другом. Настоящее историческое можно заменить формами прошедшего времени НСВ или СВ.

(280) *Поехала эта Юлия Петровна в горы... Была отличная погода! Впереди **едет** она со своим проводником, немножко позади – я. Отъехали мы версты три-четыре, вдруг, понимаешь ты, Васичка, Юлия **вскрикивает** и **хватает** себя за грудь. Ее татарин **хватает** ее за талию, иначе бы она с седла свалилась... Я со своим проводником **подъезжаю** к ней...* (А. Чехов)

2) Одновременных разовых (процессных или обобщенных) действий. Настоящее историческое можно заменить формами прошедшего времени НСВ [Шелякин 2001: 102].

(281) *Потом вышла на улицу, **стою** возле остановки и **плачу**.*
(А. Геласимов)

Необходимо подчеркнуть, что в случае метафорического употребления грамматическое значение формы настоящего времени не исчезает и не меняется: действие просто изображается так, как будто оно происходит в момент речи [Бондарко 1971а: 143–144].

Л. Андрейчин пытается раскрыть грамматическую сущность настоящего исторического следующим образом: известно, что реальное настоящее время не может распространяться на целое действие (охватить его начало и завершение), однако при переносном употреблении настоящего времени это препятствие отсутствует, так как момент речи не является точкой отчета. Поэтому целое действие находится «в однородном хронологическом плане», и может быть представлено во всем своем протекании [Андрейчин 1949: 153–154].

Н. С. Пospelов не соглашается с такой трактовкой и возражает, что «именно «реальное настоящее время» в прямом своем употреблении охватывает действие в целом, распространяясь и на прошлое, и на будущее в абстрагированном значении постоянного действия, тогда как «относительное настоящее время», не отражая непосредственно реальной действительности, ограничено планом прошлого и передает это прошлое по отношению к тому или другому его моменту» [Пospelов 1955: 225].

Необходимо отметить, что в русской литературной традиции форма настоящего исторического является довольно распространенным приемом, так как употребление форм времени в переносном значении выполняет в основном стилистические функции. В случае настоящего исторического имеются в виду следующие функции: большая живость и образительность рассказа. С другой стороны, А. В. Бондарко утверждает также, что нередко, особенно в авторской речи художественных произведений,

настоящее историческое может и не иметь того эмоционально-экспрессивного оттенка, и является просто одним возможным способом повествования [Бондарко 1971а: 144]. Так, например, в случаях, когда весь рассказ или роман написан в форме настоящего времени (т. е. презенс является основным планом повествования), то «живость», которая в контрасте с формами прошедшего времени проявляется, в таком контексте наоборот уменьшается [Авдеев 1978: 12]. Е. В. Падучева пишет, что форма настоящего времени в повествовании представляется как атемпоральная [Падучева 1996: 178].

При этом необходимо отметить, что «между настоящим историческим в непосредственном живом рассказе о прошлом («разговорное») и настоящим историческим в авторском литературном повествовании («литературное») имеются существенные различия, связанные с различием «плана речи» и «плана истории»⁴⁶. А. В. Бондарко отмечает, что «разговорное» отличается от «литературного» настоящего исторического по отношению «я» к говорящему лицу. В случае «разговорного» имеется связь между говорящим и событием, а также между временем действия и временем высказывания. В то же время, «литературное» настоящее историческое характеризует отсутствие или скрытность «я», представляются лишь действия и субъекты [Бондарко 1998: 170].

Может возникнуть вопрос: чем же различаются настоящее историческое и прошедшее время? Обе эти временные формы могут быть употреблены в повествовании в одинаковых контекстах. Первое различие, о котором уже говорилось выше, – это большая выразительность формы настоящего исторического, кажется, что действие происходит как бы на глазах у говорящего и также слушающего или читающего. Однако, например, Е. В. Падучева утверждает, что это не может быть главным различием между этими временными формами, так как во многих случаях форма прошедшего времени может иметь такой же эффект, т. е. читателю или слушателю кажется, что действие произошло перед его глазами, просто в прошлом [Падучева 1996: 288]. Ср. следующие примеры:

⁴⁶ Понятия «план речи» и «план истории» ввел Э. Бенвенист. По его определению, план истории характеризует письменное повествование о прошлых событиях. Исторический план охватывает три времени (на материале французского языка): аорист, имперфект и плюсквамперфект. План речи же объединяет различные устные сообщения (от бытового разговора до торжественной ораторской речи), но и многочисленные письменные тексты, например: письма, мемуары, драматическая и учебная литература, т. е. все те формы, где есть адресант и адресат. Набор глагольных времен гораздо шире, в плане речи возможны все времена (настоящее, будущее, перфект, плюсквамперфект), единственным исключением является аориста. Имперфект встречается в обоих планах [Бенвенист 2002: 271–277].

(282) *По направлению от думы к торговым рядам медленно **подвигается** санитарная комиссия, **состоящая** из городского врача, полицейского надзирателя, двух уполномоченных от думы и одного торгового депутата.* (А. Чехов)

(283) *По направлению от думы к торговым рядам медленно **подвигалась** санитарная комиссия, **состоявшая** из городского врача, полицейского надзирателя, двух уполномоченных от думы и одного торгового депутата.*

Исходя из этого, Е. В. Падучева предлагает рассматривать в качестве основного различия то, что в прошедшем времени наблюдается сопоставление НСВ и СВ, а в настоящем это различие формально не выражается. Вдобавок, в настоящем историческом и прошедшем времени прочвляются разные отношения между рассказчиком и его читателем/слушателем: форма настоящего времени приближает читателя как к повествователю, так и к самой описываемой ситуации. Форма прошедшего времени имеет противоположный эффект – расстояние между повествователем и читателем/слушателем увеличивается [Падучева 1996: 288–289].

Разные авторы выделяют следующие причины, почему настоящее историческое часто чередуется с формами прошедшего времени, например:

а) таким образом текст расчленяется на хронологические сегменты [Wolfson 1979: 174];

б) это можно считать экспрессивным средством для подчеркивания важности различных событий повествования [Silva-Corvalán 1983: 774];

в) это выступает в качестве дискурсивного механизма, который помогает выявить кульминации нарратива [Fludernik 1991: 374].

Необходимо заметить, что и в русском языке⁴⁷ при употреблении формы настоящего исторического существуют некоторые разграничения, касающиеся временных показателей. Е. В. Падучева различает два типа временных показателей: 1) объемлющие⁴⁸ и 2) включенные. Настоящее историческое не сочетается с включенным показателем времени: **В прошлое воскресенье я уже два часа гуляю по улицам, и вдруг...* [Падучева 1996: 178].

⁴⁷ О разграничениях в эстонском языке см. с. 138–139.

⁴⁸ Объемлющие временные показатели характеризуются внешней позицией наблюдателя/говорящего, а для показателя включенного времени существенным является совпадение времени наблюдателя со временем события [Падучева 1996: 169].

Настоящее историческое в грамматике эстонского языка

Praesens historicum – настоящее историческое (*ajalooline olevik*) – как и в русском языке, употребляется при описании прошедших событий, когда говорящий (в целях оживления повествования) пытается создать у слушателя представление, что они происходят в момент речи у него перед глазами.

Отсутствие информации о переносном употреблении формы настоящего времени в эстонской академической грамматике может объясняться тем, что в эстонском языке настоящее историческое употребляется намного реже, чем в русском. При изучении корпуса эстонского языка возникает впечатление, что в оригинальных текстах эстонской художественной литературы настоящее историческое употребляется еще реже, чем в переводных текстах (о переводе см. подраздел 4.4. *Перевод русских форм, выражающих семантический план прошедшего на эстонский язык*).

При этом в эстонском языке при употреблении настоящего исторического необходимо иметь в виду определенные ограничения. В 1980 году Валтер Таули в своей грамматике эстонского языка писал о том, что одна возможная функция формы настоящего времени – это заменять претерит в повествовании. Однако при этом он подчеркнул, что вместо претерита нельзя употреблять формы настоящего времени, если в предложении имеются лексические показатели отнесенности ситуации к прошлому, такие как: *вчера, в прошлом году* и т. д. [Tauli 1980: 32–33]. По-видимому, он прав, так как можно найти примеры, которые подтверждают это, см. предложения из перевода пьесы Чехова «Три сестры».

(284) *Вчера после совета он мне говорит*: «Устал, Федор Ильич! Устал!» (А. Чехов)

Eile pärast õppenõukogu koosolekut ütles ta mulle: „Ma olen väsinud, Fjodor Iljitš, väsinud.“

(Перевод Н. Luik, V. Rajassar, E. Raudsepp, J. Tamm)

**Eile pärast õppenõukogu koosolekut ütleb ta mulle: „Ma olen väsinud, Fjodor Iljitš, väsinud.“*

(285) *Вчера в полночь прохожу* через столовую, а там свеча горит.

(А. Чехов)

Eile läksin südaöösel läbi söögitoa, seal põles küünlal.

(Перевод Н. Luik, V. Rajassar, E. Raudsepp, J. Tamm)

**Eile lähen südaöösel läbi söögitoa, seal põleb küünlal.*

Эстонский язык не позволяет употребить здесь форму настоящего времени, скорее всего, из-за слова *eile* (вчера) в том же предложении. При этом важно, что формы прошедшего времени в предыдущем предложении не являются препятствием (при этом предложения между собой семантически связаны, т. е. описывают одну ситуацию).

С другой стороны, по словам некоторых эстонских лингвистов, это все же возможно в устной речи при изменении порядка слов (*Lähen eile süda-ööl...*)⁴⁹. Подобные сконструированные примеры можно найти также в отдельных справочниках [Эслон, Пихлак 1993: 79; Кюльмоя и др. 2003а: 85]. Л. Линдстрем в своей магистерской диссертации отмечает, что настоящее историческое часто встречается в предложениях, где субъект стоит после предиката [Lindström 1999: 95]. Однако и среди анализируемых ею примеров нет ни одного с точным временным показателем прошедшего времени. Поэтому вопрос о возможности таких конструкций в эстонском языке остается открытым.

Заметим, что проведенный анализ поддерживает впечатление, что употребления настоящего исторического в эстонском языке не допускают только те наречия, в которых выражена точная локализация в прошлом, к иным наречиям это ограничение не относится. См. перевод рассказа Чехова «Женское счастье».

(286) *Иду я однажды по коридору, и вдруг слышу визг. Сначала думал, что свинью режут, потом же прислушался и слышу, что это Вера Никитишина с кем-то бранится...* (А. Чехов)

Lähen kord koridori mööda ja kuulen äkki vingumist. Esiti mõtlesin, et siga tapetakse, siis aga kuulatasin ja kuulen, et Veera Nikitišina kellelgi riidleb... (Перевод Н. Luik, V. Rajassar, E. Raudsepp, J. Tamm)

Б. А. Серебренников выделяет еще отдельный тип настоящего времени, а именно анналистический презенс (*praesens tabulare/annalisticum*). Этот тип настоящего времени встречается, прежде всего, в научной литературе, когда излагаются факты исторического прошлого, и читающий становится при этом как бы очевидцем этих событий [Серебренников 1963: 445]. Однако думается, что в принципе этот тип не отличается от настоящего исторического.

⁴⁹ Ренате Паюсалу высказала это мнение в ответ на наш совместный доклад с И. П. Кюльмоя на конференции по прикладной лингвистике 18–19 апреля 2013 г. в Таллинне.

4.3.1.2. Настоящее эмоциональной актуализации

А. В. Бондарко предложил этот термин в своей книге «Вид и время русского глагола»: «так можно назвать до сих пор не отмеченный в научной литературе тип употребления форм настоящего несовершенного для эмоционально-экспрессивной актуализации факта прошлого, вызывающего удивление или возмущение говорящего.» Настоящее эмоциональной актуализации довольно сильно поддерживается контекстом, формой настоящего времени в этом употреблении выражается удивление или возмущение говорящего. Эффект усиливается с помощью союза *а* или сочетания *и вдруг, и вот* и т. п. [Бондарко 1971а: 150–153].

Итак, в случае настоящего исторического актуализируется прошлое, в случае настоящего эмоционального – эмоциональность. Создается впечатление, что именно наличие разных эмоций отличает этот тип переносного употребления настоящего времени от настоящего исторического. Если оставить в стороне аспект подчеркнутой эмоциональности и экспрессивности, можно выделить еще одну отличительную черту настоящего эмоциональной актуализации, а именно, представляя прошлое событие в настоящем, говорящий меняет свое отношение к нему, оценивает его по-другому. Как нам кажется, по всем остальным признакам настоящее историческое и настоящее эмоциональной актуализации сходятся.

(287) *Даже не по себе как-то стало: привыкли мы к ее плачу за три ночи.
А тут вдруг — молчит. Что с нею, с бедной, случилось?*
(С. Мстиславский)

Необходимо отметить, что в эстонской грамматике такой тип употребления формы настоящего времени отдельно не выделяют. Однако при переводе следует эмоциональный и экспрессивный характер подобного употребления формы настоящего времени все же учитывать.

Е. В. Бреус описывает цель «перевода» экспрессивности следующим образом: при передаче экспрессии в переводе нужно искать экспрессивное соответствие при котором читатель перевода испытывает такую же эмоциональную реакцию, как читатель оригинального текста [Бреус 2000: 79–80]. Для достижения этой цели, по словам А. Д. Швейцера переводчик должен выбирать между стилистическими единицами, при этом имея в виду, что эти единицы могут отличаться в языках подлинника и перевода [Швейцер 1973: 194].

Далее следует коротко остановиться на средствах выражения экспрессивности в русском языке. Экспрессивность проявляется на всех уровнях языка. В фонетике экспрессивность может выражаться в несвойственных для конкретного языка изменениях звуков. На словообразовательном уровне в число средств выражения экспрессивности входят словосложение и множество ласкательных и уничижительных аффиксов. Лексические

экспрессивные средства включают оценочные слова, а также междометия и усилительные частицы. На синтаксическом уровне экспрессивность может передаваться изменением обычного порядка слов, использованием повторов и др. Имеются также экстралингвистические средства для выражения экспрессивности (но они относятся, прежде всего, к устной речи – наше дополнение С. К.-С.), например, громкость голоса, мимика, жесты и т. п. [БЭСЯ 1998: 591].

Кроме того, экспрессивность может еще выражаться на визуальном уровне, например, буквы могут передавать экспрессивность формой, размером, цветом и т. д. Экспрессивность наблюдается в стихотворениях в форме круга, треугольника и др. М. Г. Гашкова выделяет *грамматическую экспрессивность*, см. подробнее [Гашкова 2008].

По словам Б. Тошовича, экспрессивный потенциал грамматики проявляется в морфологии и в синтаксисе [Тошович 2006: 410].

Следует обратить внимание на тот факт, что некоторые авторы считают термин «эмоционально-экспрессивный» не совсем точным. Так Е. М. Галкина-Федорук считает неправильным употреблять объединенные термины: «эмоционально-экспрессивный» или «экспрессивно-эмоциональный», так как иногда они встречаются в работах, в которых на самом деле рассматривается лишь одно из этих явлений (либо экспрессивность, либо эмоциональность). Эмоциональность является более узким понятием в языке. Эмоциональные элементы передают, прежде всего, чувства человека, а экспрессивные выражают кроме собственно эмоций, также воли и мысли [Галкина-Федорук 1958: 107–108].

Необходимо различать два типа форм. Первый тип требует для выражения модально-экспрессивных значений и оттенков определенных условий контекста. Второй тип имеет модально-экспрессивную насыщенность и не нуждается для передачи экспрессивности в конкретной речевой ситуации. К второй группе относятся, например, формы прошедшего времени, которые могут всегда передавать также некоторые модальные значения и оттенки (т. е. наблюдается экспрессивность), см. формы на *-ану-* (*маханул*, *толканул*) [Прокопович 1982: 29].

Однако думается, что в разновидности употребления формы настоящего времени, т. е. в настоящем эмоциональной актуализации, присутствуют одновременно элементы экспрессивности и эмоциональности, поэтому считаем возможным вслед за А. В. Бондарко говорить об эмоционально-экспрессивной актуализации. Ф. Ф. Авдеев обращает внимание на один любопытный факт: с одной стороны, кажется, что любое употребление формы во вторичной функции должно выражать экспрессивность. С другой стороны, если форма выступает во вторичной функции потому, что в языке отсутствует форма, для которой та функция была бы первичной (т. е. в языке нет альтернативы), то никакой экспрессивности не возникает [Авдеев 1978: 11]. Это наблюдение подтверждается, если согласиться с тем, что выражение действия в будущем в эстонском языке

является именно вторичной функцией формы настоящего времени, потому что такое употребление формы презенса не вызывает никакой экспрессии.

Если судить по материалу анализа, то следует отметить, что во многих случаях настоящее историческое и настоящее эмоциональной актуализации встречаются в несобственно-прямой речи⁵⁰. С помощью смены временного плана можно выделить несобственно-прямую речь [Васильева 1983: 107–108].

По словам А. В. Бондарко, можно отметить следующие разновидности контекста для настоящего эмоциональной актуализации [Бондарко 1971а: 151–153]:

1) Конкретный факт противоречит важным и значимым действиям:

(288) *Когда Николай Бабушкин ворвался в этот кабинет и увидел, сколько здесь сидит народу... он очень смутился... Вот уж стыдобушка... Столько людей сидит здесь, в кабинете, и не просто сидят, а у них, оказывается, заседание исполкома... а он тут **врывается** как полоумный, дверьми **стучит**, **отвлекает** внимание...* (А. Рекемчук)

2) Конкретный факт противопоставляется постоянной и закономерной ситуации:

(289) *Так часто бывает в жизни: люди сомневаются в серьезных, очевидных фактах и вдруг **верят** мелочам, которые сами по себе не могут даже подтвердить уже известные факты.* (В. Мелентьев)

3) Конкретный факт противопоставляется характеристике субъекта:

(290) – *Кто это такой?* – сказала генеральша.
– *Смотритель, мамаша!* – отвечала Полина.
– *Какая дерзость: вдруг **является, знакомится...** Очень мне нужно!* (А. Писемский)

4) Конкретный факт противопоставляется ситуации:

(291) *Они представляли себе поездку на оленях спокойным удовольствием, а тут **мерзнут** ноги, **леденеет** лицо, а рядом с нартой не побежишь – снег и кочки.* (С. Обручев)

⁵⁰ «Несобственно-прямая речь есть способ изложения, заключающийся в совмещении субъектных планов автора и героя» [Соколова 1968: 22].

Так как не все авторы выделяют значение настоящего эмоциональной актуализации, иногда сложно определить, имеем ли мы дело именно с этим типом переносного употребления формы настоящего времени, или перед нами обычное настоящее историческое. Ибо думается, что доля эмоциональности и экспрессивности присутствует и в одном и в другом случае. Однако, с точки зрения перевода, анализ примеров показывает, что эстонские переводчики, скорее всего, не различают эти разновидности, потому что в некоторых контекстах значение настоящего эмоциональной актуализации передается на эстонский язык с помощью формы настоящего времени, а в некоторых – претерита. Такая же ситуация наблюдается при переводе значения настоящего исторического.

4.3.2. Форма настоящего-будущего СВ при обозначении прошедших действий

Как справедливо отмечает А. В. Бондарко: прежде всего, имеется в виду употребление формы настоящего-будущего СВ в значении настоящего исторического повторяющегося и обычного действия [Бондарко 1971а: 163]. А. А. Потебня утверждает, что, представляя прошлое действие с помощью форм будущего времени, человек как бы ожидает подобное событие в будущем [Потебня 1941: 106]. М. А. Шелякин выделяет *настоящее историческое СВ*, Б. Тошович употребляет название *историческое будущее* [Тошович 2006: 225], которое может передавать три типа значений: 1) Динамическое и неожиданное действие (в прямом употреблении это значение выражают формы прошедшего СВ), см. пример (292).

(292) *Тут и он обернулся, увидал меня, – как **вскочит** на ноги.*
(В. Короленко)

2) Модальное настоящее (в прямом употреблении это значение выражают формы прошедшего НСВ модальных глаголов *мочь, хотеть* в сочетании с инфинитивом СВ), см. пример (293).

(293) *Они обошли ее кругом – баня была сдвинута не на метр, а на восемьдесят сантиметров, все вымерли, заходят внутрь... Дашка ни жива ни мертва рядом стоит, руки дрожат, вот-вот **завоет***
(В. Белов)

Предыдущий пример можно переделать следующим образом:

(294) *Они обошли ее кругом – баня была сдвинута не на метр, а на восемьдесят сантиметров, все вымерли, заходят внутрь... Дашка*

ни жива ни мертва рядом стоит, руки дрожат, вот-вот могла завывать.

3) Повторяющиеся действия в кратнo-соотносительных конструкциях (в прямом употреблении это значение выражают формы прошедшего НСВ) [Шелякин 2001: 103].

(295) *Бывало, кто ни **проедет**, всякий **похвалит**, никто не осудит.*
(А. Пушкин)

4.4. Перевод русских форм, выражающих семантический план прошлого, на эстонский язык

На основе асимметричности системы форм прошедшего времени в русском и эстонском языках понятно, что переводчики сталкиваются с трудностями при переводе. Кроме того, как уже было доказано ранее, немало сложностей вызывает также переносное употребление временных форм. Для начала обратимся к переводу собственно форм прошедшего времени.

Хотя в эстонском языке имеется форма плюсквамперфекта, оказывается, что это вовсе не означает, что она непременно является соответствием русской форме давнопрошедшего времени по классификации В. В. Виноградова.

(296) *А дело в том,
Что идол был пустой и **саживались** в нем
Жрецы вещать мирянам.* (И. Крылов)

*Kuid eks me tea,
et puuslik oli tühi seest
ja temas **peeti** võitud meest.* (Перевод Е. Hiir и др.)

(297) (Шамраев) *Жив ли? Здоров ли? Вместе **пивали** когда-то...*
(А. Чехов)

(Šamrajev) *Kas on veel elus? Terve? Sai korra koos **pummeldatud**...*
(Перевод Н. Luik, V. Rajassar, E. Raudsepp, J. Tamm)

В переводе примера (296) имеется форма претерита. В переводе примера (297) наблюдается противоречие, так как хотя конструкция *sai pummeldatud* указывает на прошлое и неопределенное время, то слово *korra* (один раз) исключает значение многократности действия.

Прошедшее время мгновенно-произвольного действия также имеет не одно конкретное соответствие в эстонском языке, докажем это двумя

примерами (в одном случае в эстонском языке употребляется инфинитив, в другом – форма 3-го лица единственного числа настоящего времени).

- (298) *Случись же, что я в это время уронила чашку и разбила ее.*
(Ф. Достоевский)

Siis juhtuski, et ma lasksin tassi maha kukkuda ja see läks katki.
(Перевод J. Šumakov, A. Hanko ja L. Kenn)

- (299) ... что вчера в театре фокусник такие фокусы показывал, что все ахнули, всем раздавал по два флакона заграничных духов и чулки бесплатно, а потом, как сеанс кончился, публика вышла на улицу, и – **хватъ** – все оказались голые! (М. Булгаков)

...et eile olevat mustkunstnik teatris sihukesi kunsttükke teinud, et kõik olid ammuli sui vahtinud, olevat igaihele andnud ilma rahata kaks pudelit välismaa lõhnaõli ja sukad, ja kui siis etendus läbi olnud, läinud rahvas välja tänavale ja – niuhti! – kõik olnud paljad!
(Перевод M. Varik и J. Ojamaa)

- (300) *Вдруг что-то шумно упало в воду: я хватъ за пояс – пистоleta нет.* (М. Лермонтов)

Äkki kukkus midagi sulpsatades vette: ma haarasin vöö järele – pistolit ei ole. (Перевод V. Linask)

Примеры (299) и (300) иллюстрируют тот факт, что эстонским соответствием русской форме *хватъ* может быть как наречие образа действия *niuhti*, так и глагол в личной форме *haarasin*.

Непростой ситуацией для эстонского переводчика будет и текст, в котором в оригинале чередуются формы прошедшего времени НСВ и СВ. См. пример (301).

- (301) ...вдруг пришел воротившийся из города обломовский мужик, и уж он **доставал, доставал** из-за пазухи, наконец насилу **достал** скомканное письмо на имя Ильи Ивановича Обломова.
(И. Гончаров)

...astus sisse üks Oblomovka talupoeg, kes oli parajasti linnast koju jõudnud, koplask hea tükk aega põues ja võttis sealt viimaks suure vaevaga välja mäkerdatud kirja, mis oli adresseeritud Ilja Ivanoviš Oblomovele. (Перевод A. H. Tammsaare)

В переводе примера (301) переводчик не пытается передавать значение длительности действия путем повторения глагольной формы, как это

делается в русском языке: *доставал, доставал*. Вместо этого он употребляет диалектное слово *korplata* (т. е. *нацупывать*) и выражает значение длительности лексически: *hea tükk aega* (довольно долго).

- (302) Он **сдавал** экзамен, но не сдал его.
Ta tegi eksamit, kuid ei teinud seda ära.

В данном примере НСВ (*сдавал*) передается на эстонский язык с помощью существительного (*eksam*) – в партитиве.

Значение длительности/процессности действия иногда непросто передать в эстонском языке. В примере (303) единственным указанием на длительность действия является наречие *aeglaselt* (*медленно*), тем более, что эстонский глагол *ütles* соответствует русскому *сказал*, что скорее выражает недлительное действие. В примере (304) процессность проявляется в выражении *sel ajal, kui* (*в то время как*). Однако в примере (305) значение процесса вовсе теряется, потому что русский глагол НСВ *ел* переводится на эстонский язык с помощью перфективирующей частицы *sõi ära*, т. е. *съел*.

- (303) – Совершенно верно, благодарю, – медленно **говорил** маг тяжелым басом, – сколько гораздо более важный вопрос: изменились ли эти горожане внутренне? (М. Булгаков)

„Täiesti õige, tänan,“ *ütles* maag aeglaselt raske bassihäälega, „kui võrd hoopis tähtsam küsimus: kas linlased on sisemiselt muutunud?“
(Перевод М. Varik и J. Ojamaa)

- (304) В то время как Степан Аркадьич **заходил** за трельяж и говоривший мужской голос замолк, Левин **смотрел** на портрет, в блестящем освещении выступавший из рамы, и не мог оторваться от него. (Л. Толстой)

Sel ajal, kui Stepan Arkaditš väänkasvudega läbipõimitud võrestiku taha jõudis ja kõnelev meeshääl vait jäi, vaatas Levin ikka veel portreed, mis heleda valgustuse tõttu eriti mõjule pääses, ega suutnud oma pilku lahti kiskuda. (Перевод S. Holberg)

- (305) Приходя домой, он **садился** тот же час за стол, **хлебал** наскоро свои щи и **ел** кусок говядины с луком, вовсе не замечая их вкуса, **ел** все это с мухами и со всем тем, что ни посылал бог на ту пору.
(Н. Гоголь)

Koju saabunud, istus ta sedamaid lauda, *lürpis* kiiruga oma hapukapsasuppi ja *sõi ära* tükikese loomaliha sibulaga, ega tundnud üldse, mis

*maitse neil on, **sõi** koos kärbestega ja kõige sellega, millega jumal teda sedapuhku iganes oli õnnistanud.* (Перевод J. Tamm и P. Viiding)

Кроме значения длительности, значение повторяемости для четкого проявления также требует в эстонском языке обычно дополнительных лексических средств. Они могут, конечно, присутствовать уже в оригинале, однако, в переводе они необходимы, иначе значение повторяемости просто теряется.

(306) Она **приходила** ко мне каждый день, а **ждать** ее я начинал с утра. (М. Булгаков)

*Ta **käis** minu pool iga päev, ja ma **hakkasin** teda ootama juba hommikul.* (Перевод M. Varik и J. Ojamaa)

(307) Иногда она **шалила** и, задержавшись у второго окна, **постукивала** носком в стекло. (М. Булгаков)

*Mõnikord **oli** ta **vallatu**, jäi akna taha seisma ja **kõpsutas** kinganinaga vastu klaasi.* (Перевод M. Varik и J. Ojamaa)

Прошедшее НСВ, выражающее значение обобщенного факта, допускает в эстонском языке перевод с помощью разных временных форм (претерита и перфекта):

(308) Когда раздался выстрел и вскрикнул легко раненный Заднепрук, полковник громко спросил: — Кто **стрелял**, в чём дело? Несколько голосов ему ответили... (В. Гроссман)

*Kui kostis pauk ja kergelt haavata saanud Zadnepruk karjatas, küsis polkovnik Filimonov valjusti: „Kes **tulistas**, milles asi?“ Mitu häält vastas talle kooris... (Перевод A. Blumenfeld)*

(309) Наконец... Кирилл нарушил немоту: — Ты **встречалась** с Цветухиным? И Лиза опять заспешила: — Знаешь, совершенно нечаянно... Один раз. (К. Федин)

*Lõpuks... Katkestas Kirill talumatu vaikimise: „Sa **oled kohtunud** Tsvetuhhiniga?“ Ja Liisa hakkas jälle kiirustama: „Tead, täiesti kogemata... Üks kord. (Перевод V. Linask)*

(310) Никаких я ему денег **не давала**, никаких! (Ф. Достоевский)
*Ma **ei ole** talle mingit raha **andnud**, mitte mingit!*
(Перевод A. Kurfeldt)

«В относительном употреблении аористическое несовершенного вида выступает в функции «предпрошедшего» действия» [Шелякин 2001: 107]. Эту же функцию в эстонском языке выполняет плюсквамперфект. См. пример (311).

(311) *Я посмотрел внимательно на его лицо и вспомнил, что уже где-то **встречал** этого человека.*

*Ma vaatasin talle tähelepanelikult näkku ja mulle meenus, et ma **olin** seda inimest juba kuskil **kohanud**.*

Ранее мы доказали, что даже если русская глагольная форма имеет значение давнопрошедшего времени, которому по логике вещей должен соответствовать эстонский плюсквамперфект, это вовсе не означает, что переводчик непременно употребляет во всех таких случаях именно эту форму. Похожую ситуацию мы наблюдаем когда русский глагол НСВ выражает перфектное значение, см. пример (312).

(312) *Он много **видел**, много **знал**, и от него я многому научился.*
(И. Тургенев)

*Ta **oli** palju **näinud**, **teadis** palju ja mina õppisin talt mõndagi.*
(Перевод Е. Krusten)

В примере (312) глагол *видел* переводится на эстонский язык формой плюсквамперфекта, это вызвано тем, что остальные глаголы в этом предложении, стоящие в форме претерита (*teadis*, *õppisin*), чаще сочетаются с формой плюсквамперфекта, нежели перфекта. Кроме того, в данном случае наблюдается явное предшествование действия *видеть* по отношению другим действиям, а плюсквамперфект как раз обозначает действие, которое предшествует другим действиям в прошлом.

С точки зрения предшествования действий, особого внимания заслуживает пример (313).

(313) *В тот же вечер умер капитан Никитенко, он мучительно **умирал**...* (И. Эренбург)

*Tol õhtul suri kapten Nikitenko; ta **suri** piinarikkalt...*
(Перевод J. Kurfeldt)

Как уже было отмечено раньше, для передачи значения повторяемости действия в эстонском языке существенными являются обстоятельства и контекст целом. Похожую ситуацию мы наблюдаем и при выражении значения процесса. В эстонском примере обоим глаголам (как НСВ, так и СВ: *умирал/умер*) русского языка соответствует одна форма *suri*. Однако не-

смотря на это, значение процессности сохраняется и в переводе и этому способствует обстоятельство *piinarikkalt* (мучительно), так как в нем уже содержится значение продолжительности, употребление *он умер мучительно* по-русски сомнительно⁵¹ и допустимо, вероятно, в определенных контекстах и ситуациях, обычно: *он умирал мучительно*, но возможно: *он умер мучительной смертью*.

Иногда значение процессности передается благодаря лексическому значению глагола. Так в примере (314) глаголы *istus* (сидел), *jõi* (пил), *seisid* (стояли), несомненно, поддерживают значение длительности действий.

(314) Иван Федорович *находился* тут же за столом и тоже *кушал* кофе. Слуги Григорий и Смердяков *стояли* у стола.

(Ф. Достоевский)

Ivan Fjodorovitš istus siinsamas laua ääres ja jõi samuti kohvi. Teenrid Grigori ja Smerdjakov seisid laua juures. (Перевод А. Kurfeldt)

В предыдущем примере все действия являются одновременными, и поэтому в эстонском предложении употребляется претерит. С точки зрения иных таксисных отношений важно отметить, что для выражения отношений последовательности и предшествования действий в эстонском языке нередко употребляются сочетания претерита с плюсквамперфектом.

(315) Мы *пришли* к друзьям, которые *уехали* в экспедицию.

Tulime sõprade juurde, kes olid sõitnud ekspeditsioonile.

Итак, форме прошедшего времени НСВ в эстонском языке, скорее всего, соответствует форма претерита (316):

(316) В одном из кресел, накрывшись до самого подбородка шотландским пледом, *дремал* старик с властным и мужественным лицом.

(Б. Акунин)

Ühes tugitoolis, šoti pleed lõuani tõmmatud, tukkus mehise võimuka näoga vanamees. (Перевод V. Matsov)

Если в предложении несколько форм прошедшего времени НСВ и они выражают одновременность действий, то соответствием также является форма претерита:

(317) Гош долго *лежал* в кровати и *смотрел* в потолок. (Б. Акунин)

Gauche lamas kaua asemel ja vahtis lakke. (Перевод J. Ojamaa)

⁵¹ Умереть к а к: ~ сразу же, мгновенно, внезапно, не приходя в сознание... , умирать (только несов.) к а к: ~ тяжело, мучительно, долго, медленно... [СССРЯ 2002: 736].

(318) *А Эраст Петрович все **вчитывался** в скупые строки донесений и нервно **ерошил** волосы.* (Б. Акунин)

*Erast Petrovitš muudkui **uuris** ettekannete kasinaid ridu ja **sasis** närviliselt juukseid.* (Перевод J. Ojamaa)

Однако иногда в переводах можно найти такие места, где переводчику следовало бы предпочесть другую временную форму, а не претерит.

В примере (319) сомнительным является употребление глагола *tellis* («выписывала») в форме претерита, так как в оригинале глагол *выписывает* (настоящее время НСВ) указывает на то, что действие длительное, оно началось в прошлом, однако является актуальным в момент, когда говорящий об этом сообщает. В эстонском переводе создается впечатление, что действие является завершенным в прошлом, хотя падеж объекта указывает на повторяющееся действие. Непонятно, является ли это действие актуальным в момент речи или нет. Поэтому более точным было бы употребление инклюзивного перфекта *on tellinud*.

(319) *Я сидела в гостиной, читала «Домашний лекарь», Лялечка мне **выписывает**.* (Б. Акунин)

*Ma istusin võõrastetoas ja lugesin Domašni Lekarit, mida Ljalja mulle **tellis**.* (Перевод V. Matsov)

*Ma istusin võõrastetoas ja lugesin Domašni Lekarit, mida Ljalja **on** mulle **tellinud**.*

Далее переходим к вопросам перевода форм прошедшего времени СВ, которые, как уже было отмечено, имеют два частных значения: аористическое и перфектное. Аористическое значение передается на эстонский язык с помощью претерита или перфекта:

(320) *Вы позвонили своей сестре?*
*Kas te **helistasite** oma õele?/Kas te **olete** oma õele **helistanud**?*

(321) *Азазелло видел, как мрачная, ожидающая возвращения мужа женщина **вышла** из своей спальни, внезапно **побледнела**, **схватила** за сердце и, крикнув беспомощно: – Наташа! Кто-нибудь... ко мне! – **упала** на пол в гостиной, не дойдя до кабинета.*

(М. Булгаков)

*Azazello nägi, kuidas meest koju ootav tusane naine oma magamistoast **välja astus**, äkki näost **valgeks läks**, käe südamele **surus** ja abitult kar-*

jatas: „Nataša! Kas kedagi pole...tulge appi!“ ning **vajus** kabinetti jõudmata võõrastetoa põrandale. (Перевод М. Varik и J. Ojamaa)

Перфектное значение выражается в следующем примере:

(322) *Мargarita* **быстро сунула** руку в сумочку, куда *перед* этим криком **спрятала** коробочку, и **убедилась**, что она там.

(М. Булгаков)

Margarita sobras kähku käekotis, kuhu ta **oli** karbi enne seda möiret **pistnud**, ja **veendus**, et karp oli alles. (Перевод М. Varik и J. Ojamaa)

В примере (322) следует обратить внимание на эстонский глагол *sobrama*, так как он означает 'шарить, рыться', что не совсем соответствует оригиналу, где употреблено слово *сунуть*, которое явно имеет значение однократного и кратковременного действия, в то время как эстонский глагол выражает более длительное действие героини.

Если в предложении имеется несколько действий, которые следуют друг за другом и выражены формами прошедшего времени СВ, то на эстонский язык они передаются формами претерита, примеры (323) и (324).

(323) *Одернул* рубаху, рукавом по сапогам **провел**, чтоб блестели. *Картуз снял, снова надел*. (Б. Акунин)

Tõmbas särki sirgeks, **äigas** varrukaga üle saabaste, et läigiks. **Võttis** nokatsi peast, **pani** pähe tagasi. (Перевод V. Einberg)

(324) *Он подошел, поклонился, сел* рядом. (Б. Акунин)

Mees tuli lähemale, **kummardus** ja **istus** kõrvaltoolile.

(Перевод J. Ojamaa)

Так как в эстонской грамматике выделяются разные типы перфекта, а некоторые русские лингвисты, в частности Г. Ф. Лебедева, делают то же самое по отношению к русскому языку (они различают несколько вариантов перфектного значения СВ), то целесообразно сравнить их и с точки зрения перевода и выяснить, совпадают ли русские варианты перфектного значения с типами перфекта в эстонском языке.

1. Результативный перфект:

(325) *Саша (входя с Ивановым из правой двери). Все ушли* в сад...

(А. Чехов)

Saša (tuleb Ivanoviga parempoolsest uksest): Kõik on aeda läinud.

(Перевод Н. Luik, V. Rajassar, E. Raudsepp, J. Tamm)

(326) *Никого нет...А где же все?*

Ушли домой (А. Чехов)

Pole kedagi...Aga kus siis teised on?

Läksid koju. (Перевод Н. Luik, V. Rajassar, E. Raudsepp, J. Tamm)

(327) *Не могу! Вы меня замучили!* (А. Чехов)

Ei jaksa! Ära olete *mu vaevanud!*

(Перевод Н. Luik, V. Rajassar, E. Raudsepp, J. Tamm)

(328) *Заперто. Уехали... (Садится на диван.) Про меня забыли...*

Ничего... я тут посижу... (А. Чехов)

Lukus. Ära sõitsid...(Istub diivanile). Minu unustasid ära...Mis sest...ma istun raasike...

(Перевод Н. Luik, V. Rajassar, E. Raudsepp, J. Tamm)

Анализируя вышеприведенные примеры, можно заметить, что значению перфекта в эстонском языке может соответствовать как форма претерита (326) и (328), так и перфекта (325) и (327). Хотя необходимо отметить, что в примере (325) можно было бы также употребить форму перфекта: *On koju läinud*. Итак, на основе этих примеров можно сказать, что значению результативного перфекта соответствует результативный перфект в эстонском языке.

Далее рассмотрим случаи, когда значение перфекта выражается дополнительно еще с помощью наречия. Пример (329).

(329) *Я сейчас задремал, и мне снилось, будто у меня левая нога чужая.* (А. Чехов)

Ma jäin tukkuma ja nägin unes, et mu vasak jalg ei ole enda oma.

(Перевод Е. Raudsepp, O. Samma)

(330) *Ты сейчас взглянула на меня, как покойная твоя мать.*

(А. Чехов)

Sa vaatasid mulle praegu otsa nagu su kadunud ema.

(Перевод Е. Raudsepp, O. Samma)

Думается, что форма перфекта в эстонском языке не сочетается со словом *praegu*, так как оно имеет слишком конкретную временную локализацию, вопрос о сочетании перфекта с наречиями и другими лексическими показателями времени рассмотрен в разделе об эстонском перфекте. Похожая ситуация наблюдается в переводе примера (331).

(331) *Вот **пришел**...Он заплатил за квартиру?* (А. Чехов)

*Näe, **tuli**...On ta korteriüüri ära maksnud?*

(Перевод Н. Luik, V. Rajassar, E. Raudsepp, J. Tamm)

В случае употребления вводных модальных слов, выражающих то или иное отношение говорящего, переводчики также предпочитают форму претерита:

(332) *Кажется, наши **приехали** со станции.* (А. Чехов)

*Vist meie omad **tulid** jaamast...*

(Перевод Н. Luik, V. Rajassar, E. Raudsepp, J. Tamm)

(333) *Кажется, лошадей **подали**. Пойду одеваться.* (А. Чехов)

*Vist **anti** hobused ette. Lähen riietuma.*

(Перевод Н. Luik, V. Rajassar, E. Raudsepp, J. Tamm)

Как уже было выше сказано, в некоторых случаях показателем перфектного значения является временной план, выраженный формами настоящего или будущего времени, повелительного или сослагательного наклонений и сопровождающий форму прошедшего СВ. В примерах (331), (332) и (333) в переводе употреблены глаголы в форме претерита, однако вместо них вполне могли бы быть и формы перфекта: *Vist **on** meie omad jaamast **tulnud*** и *Vist **on** hobused ette **antud***. Употребление формы перфекта является естественным, если говорящий, например, делает вывод о том, что определенное действие было завершено, на основе увиденного или услышанного. Например, если за дверью стоит обувь, то говорящий может прийти к выводу, что его родственники приехали со станции.

Однако в следующих предложениях форма перфекта в эстонском языке не допускается по разным причинам. В примере (334) препятствием является, во-первых, то, что форма претерита довольно часто не сочетается с формой перфекта, и, во-вторых, в высказывании имеется в виду ограниченный отрезок времени (*kui ma inspektoriks sain* – *когда я стал инспектором*), который тоже не допускает употребления формы перфекта.

(334) *...Директор у нас с выбритыми щеками, и я тоже, как стал инспектором, **побрился**.* (А. Чехов)

*...Direktor on meil ilma vurrudeta, ja kui ma inspektoriks sain, **ajasin ka maha**.* (Перевод Н. Luik, V. Rajassar, E. Raudsepp, J. Tamm)

В эстонском предложении результативность проявляется в слитном глаголе *maha ajama* (в данном контексте 'сбрить').

В следующем примере вполне могла бы быть форма перфекта: *talle **on***

juba saadetud pronksmedal, однако даже в случае формы претерита, результативность ясно выражена падежом (номинатив – *pronksmedal, diplom*) объекта.

(335) ...Михаил Львович каждый год сажает новые леса, и ему уже **прислали** бронзовую медаль и диплом. (А. Чехов)

...Mihhail Lvovitš istutab iga aasta uut metsa juurde, ja talle **saadeti** juba pronksmedal ja diplom.

(Перевод Н. Luik, V. Rajassar, E. Raudsepp, J. Tamm)

В следующих примерах имеются неиндикативные формы: (336) с повелительным наклонением и (337) с сослагательным наклонением.

(336) ...Но уходи, Саша! Мы **забылись**... (А. Чехов)

...Kuid mine ära, Saša! Me **unustasime** end...

(Перевод Н. Luik, V. Rajassar, E. Raudsepp, J. Tamm)

(337) ...Пеструшка **ушла** с цыплятами...Вороны бы не потаскали...

(А. Чехов)

...Kirju kana **on** poegadega **minema läinud**...Vaata, et varesed poegi ära ei vii...(Перевод Н. Luik, V. Rajassar, E. Raudsepp, J. Tamm)

В эстонском предложении (337) нет сослагательного наклонения, а добавление повелительного наклонения *vaata* – *смотри* меняет смысл высказывания так, словно говорящий приказывает собеседнику следить за тем, чтобы вороны не потаскали цыплят. В оригинале второе предложение служит объяснением первого: *пеструшка ушла с цыплятами, чтобы вороны не потаскали*. Почему переводчик изменил структуру и смысл высказывания, остается непонятным.

В большинстве случаев значение результативного перфекта может передаваться на эстонский язык с помощью формы перфекта с результативным значением, исключением являются предложения с определенными наречиями и с некоторыми другими временными формами.

2. Качественный перфект:

(338) Любовь Андреевна. Как ты **постарел**, Фирс! (А. Чехов)

Ljubov Andrejevna: Kui **vanaks** sa **oled jäänud**, Firss!

(Перевод Н. Luik, V. Rajassar, E. Raudsepp, J. Tamm)

(339) Это смешно и глупо, но в этом все-таки надо сознаться, после его смерти я стал полнеть и вот **располнел** в один год, точно мое тело освободилось от гнета. (А. Чехов)

See on küll naljakas ja rumal, aga ma pean siiski tunnistama, et ma pärast tema surma hakkasin paksemaks minema ja olen nüüd ühe aastaga tüsedaks läinud, nagu oleks mu ihu survest vabanenud.

(Перевод Н. Luik, V. Rajassar, E. Raudsepp, J. Tamm)

На основе этих примеров и их переводов представляется, что качественному перфекту может в эстонском языке также соответствовать результативный перфект. Однако в русском языке качественный перфект может выражаться и тогда, когда нет указания на длительное состояние субъекта, примеры (340) и (341).

(340) (Аркадина) *Не конфузьтесь, милая. Он знаменитость, но у него простая душа. Видите, он сам сконфузился.* (А. Чехов)

(Arkadina) *Ärge kohmetuge, kallis. Ta on kuulsus, kuid tal on lihtne hing. Näete, ta kohmetus ka ise.*

(Перевод Н. Luik, V. Rajassar, E. Raudsepp, J. Tamm)

(341) (Ольга) *Ты посиди, нянечка... Устала ты, бедная... (Усаживает ее.) Отдохни, моя хорошая. Побледнела как!* (А. Чехов)

(Olga) *Sa istu, njanake... Oled ära väsinud, vaeseke... (Paneb ta istuma). Puhka, kallike. Kui kahvatuks sa oled jäänud!*

(Перевод Н. Luik, V. Rajassar, E. Raudsepp, J. Tamm)

С переводом второй группы примеров дела обстоят сложнее, так как в предложении (340) употребление формы перфекта недопустимо, потому что в нем содержится указание на конкретный момент времени, т. е. он сконфузился сейчас, только что, и поэтому здесь требуется форма претерита. Перевод примера (341) позволяет отнести его к первой группе, так как конструкция *kui kahvatuks sa oled jäänud*, подразумевает, что бледность является уже постоянным состоянием, как в предыдущих примерах ху́доба или старость. Если переводчик хотел бы передать значение изменяющегося во времени состояния, то он мог бы перевести, например, так: *kui kahvatu sa oled!*

Перейдем к анализу примеров с глаголами, употребляемыми переносно, метафорически⁵².

(342) *...За что я его обидел? Нет, я решительно развинтился. Надо будет с собою что-нибудь сделать. Надо...* (А. Чехов)

⁵² Здесь имеется в виду переносное употребление не временной формы, а лексического значения.

...*Miks ma teda solvasin? Ei, ma olen tõesti liimist lahti. Tarvis endaga midagi ette võtta. Tarvis, jah...*

(Перевод Н. Luik, V. Rajassar, E. Raudsepp, J. Tamm)

(343) *Ныть, петь Лазаря, нагонять тоску на людей, сознавать, что энергия жизни утрачена навсегда, что я заржавел, отжил свое...*

(А. Чехов)

Viriseda, haliseda, inimestel tuju rikkuda; tunda, et elujõud on sus igaveseks otsas, et oled roostetanud, oma aja ära elanud...

(Перевод Н. Luik, V. Rajassar, E. Raudsepp, J. Tamm)

В примере (343) русскому глаголу в эстонском языке соответствует форма настоящего времени. Слово *заржаветь* также переведено верно, однако в таких контекстах чаще говорят *oled rooste läinud*, где еще больше подчеркивается завершение действия.

С точки зрения перевода, примеры (342) и (343) можно считать вполне удачными, переводчику удалось передать метафоричность, например, *liimist lahti olema* означает *расклеиваться* (т. е. *быть не в своей тарелке, кому-либо не по себе*).

Далее рассмотрим переходные случаи между результативным значением и качественным оттенком перфекта.

(344) (Аня) *Я не спала в дороге четыре ночи... теперь озябла* очень.

(А. Чехов)

(Anja) *Ma pole neli ööd magada saanud...nüüd olen väga külmetanud.*

(Перевод Н. Luik, V. Rajassar, E. Raudsepp, J. Tamm)

(345) (Аня) *Натерпелась я.*

(Varja) *Воображаю!* (А. Чехов)

(Anja) *Sain alles päevi näha.*

(Varja) *Kujutlen.*

(Перевод Н. Luik, V. Rajassar, E. Raudsepp, J. Tamm)

(346) (Медведенко) *Пожалуй, попрошу. Значит, ты завтра приедешь?*

(Маша (нюхает табак)) *Ну, завтра. Пристал...* (А. Чехов)

(Medvedenko) *Võikski ehk küsida. Tähendab, sa sõidad homme?*

(Maša (nuuskab tubakat)) *Noh, homme. Tüütu...*

(Перевод Н. Luik, V. Rajassar, E. Raudsepp, J. Tamm)

В последнем примере (346) переводчик избегает употреблять глагол и вместо этого выбирает прилагательное *tüütu* – *надоедливый, навязчивый*. Если бы переводчик предпочел все же глагол, то по-видимому, он должен

был бы стоять в форме настоящего времени, например: *küll tüütab* (как надоедает), форма прошедшего времени оказалась бы в данном контексте нелогичной.

3. Посессивный перфект:

(347) *Мама, Фирса уже **отправили** в больницу. Яша **отправил** утром.*
(А. Чехов)

Mamma, Firss saadeti juba haiglasse. Jaša saatis hommikul.
(Перевод Н. Luik, V. Rajassar, E. Raudsepp, J. Tamm)

Первая глагольная форма *отправили* имеет значение собственно перфектное, результативное; выражение перфекта усиливается частицей *уже*. Вторая форма *отправил* выражает значение посессивного перфекта. В эстонском переводе на месте первого глагола вполне могла бы быть форма перфекта: *Mamma, Firss on juba saadetud haiglasse*, так как она имеет значение результативности.

По словам М. А. Шелякина, перфектное значение СВ может приобрести функцию предшествования (*принесли*) по отношению к действию СВ с аористическим значением (*взглянула*), например:

(348) *Хозяйка **выглянула** из двери с предложением посмотреть полотно: **принесли** продавать...* (И. Гончаров)

*Perenaise pea **ilmus** ukse vahele ja **kutsus** lõuendit vaatama: **pakutakse** müüa...* (Перевод А. Н. Tammsaare)

В переводе предшествование действий не выражается, скорее, создается впечатление об одновременности. Если переводчик хотел бы сохранить значение последовательности, то ему следовало бы перевести русский глагол более точно, например: *toodi müügiks*, в этом случае очевидно, что полотно принесли перед тем, как хозяйка выглянула из двери и пригласила посмотреть на товар.

На основе анализа предыдущих предложений с перфектным значением в русском языке создается впечатление, что эстонским соответствием может быть только результативный перфект или же форма претерита. На самом деле, встречаются, конечно, и другие типы перфекта, однако, можно прийти к выводу, что результативный перфект является самым частотным типом перфекта, см. примеры (349) и (350).

(349) *У вашего покорного слуги уже не остается сомнений в том, что в Москве, по примеру некоторых европейских городов, **образовалось** тайное общество смертепоклонников-безумцев, влюбленных в смерть.* (Б. Акунин)

*Teie alandlikul teenril ei ole kahtlust, et mõne Euroopa linna eeskujul on Moskvasse **tekkinud** salajane surmakummaridajate ühing: surma armunud meele tute hingede klubi.* (Перевод V. Matsov)

- (350) Уже пять молоденьких дурочек **отравились** вслед за Лорелейей Рубинштейн, которой теперь земля вряд ли будет пухом – только не под аккомпанемент проклятий, которыми осыпают несчастную родственники погибших девочек. (Б. Акунин)

*Juba on viis noort tobukest enda ära **mürgitanud** nagu Loreleia Rubinstein, kellele muld nüüd vaevalt kerge on, arvestades needusi, millega surnud tüdrukute õnnetud sugulased teda üle külvavad.*

(Перевод V. Matsov)

В обоих примерах имеется некий результат действия: в первом случае создано тайное общество смертепоклонников, во втором – следствием являются пять самоубийств молодых людей. Форма претерита может быть употреблена только в том случае, если в предложении стоит наречие, например:

- (351) У вашего покорного слуги уже не остается сомнений в том, что в Москве, по примеру некоторых европейских городов, в прошлом году **образовалось** тайное общество смертепоклонников-безумцев, влюбленных в смерть.

*Teie alandlikul teenril ei ole kahtlust, et mõne Euroopa linna eeskujul **tekkis** eelmisel aastal Moskvasse salajane surmakummaridajate ühing: surma armunud meele tute hingede klubi.*

Далее рассмотрим, в каких случаях в эстонских переводах употреблены отстальные три типа перфекта. Значение **экспериментального перфекта** представлено в примерах (352) и (353).

- (352) Я знаю, тихо молвил Просперо. И всегда это **знал**. Один из вас предаст меня. (Б. Акунин)

*„Ma tean,“ ütles Prospero vaikselt. „**Olen** alati **teadnud**. Üks teist reedab mu.“* (Перевод V. Matsov)

- (353) В самом деле, мы столько **ждали** полнолуния! (Б. Акунин)
*Tõepoolest, me **oleme** nii kaua täiskuud **oodanud**!*

(Перевод V. Matsov)

Значение **инклюзивного перфекта** наблюдается в примерах (354) и (355).

- (354) Там вчерашняя монашка внезапно разбогатела и с тех пор **жила** исключительно на широкую ногу. (Б. Акунин)

*Seal sai äsjasest nunnast äkitselt rikas naine ja sellest ajast alates on ta **elanud** jõukalt.* (Перевод J. Ojamaa)

- (355) На протяжении пятисот лет мужчины рода Аоно **были** только воинами, все прочие профессии почитались недостойными членов *т-такой* родовой фамилии. (Б. Акунин)

*Viissada aastat on Aono suguvõsa mehed **olnud** ainult sõjamehed, kõiki teisi elukutseid peeti nii väärika s-suguvõsa liikmetele alandavaks.* (Перевод J. Ojamaa)

Значение **иммедиатного перфекта** выражается в примере (356).

- (356) **Выяснены** обстоятельства потрясшего всю Москву самоубийства новоявленных Ромео и Джульетты – 22-летнего студента Сергея ШUTOва и 19-летней курсистки Евдокии ЛАММ (см., в частности, нашу статью "Нет повести печальнее на свете" от 16 августа). (Б. Акунин)

On selgunud kogu Moskvat jahmatanud Romeo ja Julia – 22aastase üliõpilase Sergei Šutovi ja 19aastase kursuslase Jevdokia Lammi – enesetapuasjaolud (vt ka 16. augusti artiklit „Ei ole loost küll kuulnud kurvemast“). (Перевод V. Matsov)

Анализируя разные переводные тексты с русского языка на эстонский, можно прийти к выводу, что преобладают два типа переводческих ошибок. Во-первых, вместо перфекта употребляется форма настоящего времени, и, во-вторых – претерит заменяет форму перфекта, требующуюся в данном контексте.

Переводчики чаще всего употребляют форму настоящего времени вместо перфекта в контекстах, где выражается значение инклюзивного перфекта и в русском предложении имеется глагол настоящего времени (319). Форма претерита заменяет перфект чаще, чем форма настоящего времени. Злоупотребление претеритом наблюдается, прежде всего, при результативном и эксперинциальном перфекте.

- (357) Давно уже **отмечено** умными людьми, что счастье – как здоровье: когда оно налицо, его не замечаешь. (М. Булгаков)

*Targad inimesed **täheldasid** juba ammuilma, et õnn on nagu tervis: kui see on olemas, ei pane seda tähelegi.* (Перевод A. Erenvert)

В примере (357) имеется результативный перфект, и поэтому более точным был бы перевод: *Targad inimesed on juba ammuilma täheldanud, et õnn on nagu tervis: kui see on olemas, ei pane seda tähelegi*. Если перевести русское предложение дословно, то это выглядело бы так: *Juba ammu on tarkade inimeste poolt täheldatud*, т. е. умные люди пришли к определенному решению, можно сказать, что существует результат, который актуален и в настоящее время.

(358) *Ваш собеседник был и у Пилата, и на завтраке у Канта, а теперь навестил Москву.* (М. Булгаков)

Teie vestluskaaslane nägi Pilatust, sõi koos Kantiga hommikust ja saabus nüüd külaskäigule Moskvasse. (Перевод М. Varik и J. Ojamaa)

В примере (358) был бы более оправданным перевод первых двух русских глаголов на эстонский язык формами перфекта (с экспериенциальным значением): *Teie vestluskaaslane on näinud Pilatust, söönud koos Kantiga hommikust ja saabus nüüd külaskäigule Moskvasse*. Уже из контекста понятно, что эти события происходили в длительный период времени, вполне возможно, что даже неоднократно. Вдобавок форма перфекта подчеркивает яснее, что эти события происходили перед тем, как герой приехал в Москву.

Не исключен перевод глагола *навестил* и формой перфекта: *Teie vestluskaaslane on näinud Pilatust, söönud koos Kantiga hommikust ja saabunud nüüd külaskäigule Moskvasse*. Однако в таком случае лицо, о котором говорят, еще не покинуло Москву. Дело в том, что глагол *навестил* может быть интерпретирован двояко:

- 1) действие может быть завершено к моменту речи, т. е. лицо уехало из Москвы;
- 2) лицо до сих пор находится в Москве.

Эстонский глагол *saabuma* не содержит никакой информации о том, является ли действие завершенным или нет. Скорее создается впечатление, что лицо, о котором говорят, находится до сих пор в Москве. Если переводчик хочет подчеркнуть факт, что действие завершено, то в эстонском предложении надо заменить глагол *saabus* глаголом *külastas, viibis* и т. п.: *Teie vestluskaaslane nägi Pilatust, sõi koos Kantiga hommikust ja külastas (nüüd) Moskvat*.

(359) – *Итак, – говорил он, – отвечай, знаешь ли ты некоего Иуду из Кириафа, и что именно ты говорил ему, если говорил, о кесаре?*
(М. Булгаков)

„Niisiis,“ ütles ta, „vasta, kas sa tunnend kedagi Juudast Kariotist ja mida nimelt sa rääkisid talle keisrist – kui sa rääkisid?“

(Перевод М. Varik и J. Ojamaa)

В примере (359) русскому глаголу *говорил* в эстонском языке должна соответствовать форма перфекта в экперииенциальном значении: „*Niisiis, „üitles ta, „vasta, kas sa tunnend kedagi Juudast Kariotist ja mida nimelt sa oled talle keisrist **rääkinud** – kui sa oled **rääkinud**?*“, потому что мы знаем из контекста, что говорящий хочет знать, о чем собеседник говорил Иуде о кесаре во время их знакомства – т. е. подводятся итоги.

Итак, можно сказать, что эстонскому перфекту в русском языке могут соответствовать формы прошедшего СВ в перфектном значении, прошедшего НСВ в аористическом, перфектном, и реже – претеритном значениях, и, наконец, форма настоящего времени, если в эстонском языке выражается значение инклюзивного перфекта. Этот перечень возможных соответствий подчеркивает еще раз то, насколько важно при выборе конкретной временной формы понимание частного значения (или переносного употребления) формы в языке оригинала.

Теперь обратимся к примерам, где в эстонском языке употребляется форма плюсквамперфекта. В примерах (360) и (361) в оригинале употреблены глаголы СВ. В примере (360) в русском языке последовательность глаголов противоположна последовательности действий в реальности. Понятно, что «Кружок смерти» прекратил существование после того, как не осталось уже ни одного члена этого клуба. Из этой логики, очевидно, исходил и эстонский переводчик, потому что в эстонском переводе действия происходят именно в этом порядке: сначала все желающие застрелились, а потом прекратил существование их кружок.

(360) *В конце концов «Кружок смерти» прекратил существование, потому что все желающие **перестрелялись**.* (Б. Акунин)

*Kui kõik soovijad **olid** ennast maha **lasknud**, lõpetas Surmaring oma tegevuse.* (Перевод V. Matsov)

(361) *Возле пакгауза вроде бы возникло какое-то шевеление, но рассмотреть толком не хватило времени – грянул ужасно громкий, громче самого громкого грома выстрел, и Эраст Петрович, качнувшись назад, с истошным воплем рухнул в реку, из которой несколько минут назад с таким трудом **выбрался**.* (Б. Акунин)

*Laohoone juures oli nagu mingit liikumist märgata, kuid täpsemalt vaadata ei jõudnud – raksatas kohutavalt vali, valjemast valjem lask, Erast Petrovitš vankus tahapoole ja kukkus röögatades jõkke, kust ta **oli** alles mõni minut tagasi nii ränga vaevaga välja **roninud**.*

(Перевод J. Ojamaa)

В примере (362) русские глаголы НСВ переводятся на эстонский язык формами плюсквамперфекта.

(362) *Да, сразу же после вступления в права наследства помчалась в Париж, о котором столько слышала, столько читала.*

(Б. Акунин)

Jah, nüpea kui ta oma pärijaõigustesse astus, kihutas ta Pariisi, linna, millest ta oli nii palju kuulnud ja mille kohta nii palju lugenud.

(Перевод J. Ojamaa)

Самой распространенной ошибкой является замена формы плюсквамперфекта формой претерита.

(363) *В одно прекрасное утро хоронили коллежского асессора Кирилла Ивановича Вавилонова, умершего от двух болезней, столь распространенных в нашем отечестве: от злой жены и алкоголизма.*

(А. Чехов)

Ühel ilusal hommikul maeti kolleegiumiassessor Kirill Ivanovitš Vavilonovit, kes suri kahe meie isamaal nõnda levinud haiguse – kurja naise ja alkoholi kätte. (Перевод V. Linask и др.)

В примере (363) в оригинале употреблена форма прошедшего времени причастия *умершего*, которая обозначает предшествующее действие по отношению к другому действию (*хоронили*). Так как функция плюсквамперфекта такая же: выражать действие, которое предшествует другому действию в прошлом, более точным был бы перевод: *Ühel ilusal hommikul maeti kolleegiumiassessor Kirill Ivanovitš Vavilonovit, kes oli surnud kahe meie isamaal nõnda levinud haiguse – kurja naise ja alkoholi kätte*. Такой перевод поддерживается также простой логикой: мужчина ведь сначала умер и только после этого его хоронили.

(364) *Чеченцы, кабардинцы, ингуши, – после того, как в третьем акте геройские наездники ворвались и схватили пристава и стражников, – кричали:...* (А. Чехов)

Tšetseenid, kabardiinid, ingušid – pärast seda, kui kolmandas vaatuses kappasid kohale uljad ratsanikud ning võtsid kinni pristavi ja strasniki – karjusid:... (Перевод V. Linask и др.)

В примере (364) для выбора правильной временной формы существенны таксисные отношения, важно обратить внимание на временное соотношение действий. Тем более, что в данном случае отношения таксиса подчеркиваются отдельно еще и на лексическом уровне, с помощью выражения *после того, как* (*pärast seda, kui*). Корректный перевод был бы таким: *Tšetseenid, kabardiinid, ingušid – pärast seda, kui kolmandas vaatuses*

*olid uljad ratsanikud kohale **kapanud** ning pristavi ja strasnikud **kinni võtnud** – karjusid:...*

(365) *Когда генерал **кончил** беседу с последним просителем и направился во внутренние апартаменты, Червяков шагнул за ним и забормотал:...* (А. Чехов)

*Kui kindral viimase palujaga vestluse **lõpetas** ja oli siseruumidesse minemas, astus Tšervjakov talle järele ja pomises:...*

(Перевод V. Linask и др.)

В примере (365) имеются четыре действия, из которых два принадлежат одному субъекту, два – другому. При этом три действия (принадлежащие двум субъектам) являются одновременными. Хронологический порядок действий следующий: сначала генерал закончил беседу и направился в сторону внутренних апартаментов. Во время второго действия (т. е. во время ходьбы) Червяков шагнул за ним и одновременно забормотал. Для соблюдения этой цепи действий, предложение следует перевести так: *Kui kindral **oli** viimase palujaga vestluse **lõpetanud** ja oli siseruumidesse minemas, astus Tšervjakov talle järele ja pomises.*

Очевидно, что во всех приведенных примерах одно действие произошло перед другим(и). Для более убедительного доказательства необходимости употребления в эстонском языке плюсквамперфекта, а не претерита приведем для сравнения иной пример:

(366) *Сестра **лежала** в постели и **дочитывала** последнюю страничку романа.* (А. Чехов)

*Õde **lebas** voodis ja **lõpetas** romaani viimase lehekülje **lugemist.***

(Перевод V. Linask и др.)

В примере (366) речь идет о двух одновременных действиях и поэтому вполне оправдано употребление форм претерита. Если в таком предложении заменить одну форму претерита формой плюсквамперфекта, то изменится значение высказывания: *Õde lebas voodis ja **oli lõpetanud** romaani viimase lehekülje lugemise.* Чтение завершено, и сестра продолжает лежать в постели. Для того, чтобы порядок слов был бы более естественным для эстонского языка, можно предложение переделать так: *Õde **oli lõpetanud** viimase lehekülje lugemise ja **lebas** voodis.* На самом деле возможна и замена обеих форм претерита формами плюсквамперфекта, однако в таком случае необходимо добавить в предложение еще одно действие, по отношению к которому остальные действия могут быть предшествующими, например:

(367) *Kui isa eile koju jõudis, oli õde lebanud voodis ja lõpetanud viimase lehekülje lugemise.*

Когда отец вернулся вчера домой, сестра лежала в постели и как раз дочитала последнюю страничку романа.

Чтобы избежать ошибок в употреблении формы плюсквамперфекта, необходимо учитывать следующие факторы:

1) Структура предложения – выражены ли в нем таксисные отношения, сколько субъектов и действий, в каком порядке происходят эти действия (одновременность, последовательность или предшествование). Если в предложении более одного действия и эти действия не происходят одновременно, а одно предшествует другому, то скорее всего его надо выразить формой плюсквамперфекта. К сожалению, в таких случаях часто невозможно исходить из вида русского глагола, так как эстонскому плюсквамперфекту могут соответствовать как НСВ, так и СВ.

2) Наречия времени и другие лексические показатели, указывающие на временную локализацию. Слова и выражения типа *когда, после, потом, до* (*kui...siis, sel ajal kui, pärast seda kui, enne seda kui*) и др. также поддерживают хронологическую последовательность действий в предложении.

Далее остановимся на тех случаях, в которых семантический план прошлого выражается переносным употреблением какой-либо временной формы.

Анализ примеров с настоящим эмоциональной актуализации показывает нам, что перевод такого употребления формы настоящего ничем не отличается от перевода настоящего исторического. Один переводчик предпочитает в эстонском языке тоже форму настоящего времени, другой выбирает в качестве соответствия форму претерита, см. примеры (368) и (369).

(368) *Мы, сидя в Узле, совсем заплесневели, а тут вдруг является совершенно свежий человек, с громадной эрудицией, с оригинальным складом ума, с замечательным даром слова...*

(Д. Н. Мамин-Сибиряк)

Kükitades siin Uzelis olime juba päris hallitanud, aga äkki ilmub meie hulka täiesti värske inimene, tohutu eruditsiooniga, originaalse mõtte-laadiga, haruldase kõneandega... (Перевод N. Toiger)

(369) *Прошло несколько горьких месяцев, может быть, полгода прошло или чуть меньше, и вот получаем мы письмо из села Диканьки Полтавской области...* (А. Рыбаков)

*Möödus mitu kibedat kuud, võib-olla, et pool aastat või pisut vähem, ja siis ühel heal päeval **saine** kirja Poltaava oblasti Dikanka külast...*

(Перевод Р. и Л. Mõtsküla)

Необходимо отметить, что в примере (369) нет ничего, что бы мешало переводчику перевести форму *получаем* на эстонский язык с помощью глагола настоящего времени (*saame*).

Особенно интересен пример (370), так как в этом случае переводчик предлагает более развернутый контекст по сравнению с оригиналом, добавляется своего рода уточнение: *teatab mees* (*сообщает мужчина*). Думается, что переводчик делает это по двум возможным причинам:

1) так как в эстонском языке отсутствует категория рода и русским местоимениям *он* и *она* соответствует одно слово *tema*, то необходимо уточнить, кто именно не едет;

2) слова *ei tulegi* можно в эстонском языке истолковать также как указывающие на будущее время, однако другой глагол *teatab* подтверждает то, что обе формы настоящего времени употребляются переносно.

(370) Дина сказала себе «сейчас или никогда» и как следует подготавливалась, и вот пожалуйста – он **не едет!** (Т. Устинова)

*Dina ütles endale „Kas nüüd või mitte iial!“ ja tegi põhjalikke ettevalmistusi. Ja siis **teatab** mees, olge lahked, et tema **ei tulegi!***

(Перевод Т. Rahu)

(371) Странно теперь вспомнить, назад оглянуться: немцы были уже в Минске, столько людей погибло уже и гибло, гибло ежечасно, а тут радость: селедку **дают**. (Г. Я. Бакланов)

*Praegu oli veider meelde tuletada, tagasi vaadata – sakslased olid juba Minskis, nii palju inimesi oli juba hukkunud ning hukkus aina, iga tund ja siin valitses rõõm, et heeringat **antakse**.*

(Перевод L. Remmelgas, M. Vaga; J. Ojamaa)

Пример (371) заслуживает более подробного анализа, так как в переводе некоторые временные формы представлены иначе, чем в оригинале. В двух случаях переводчик передает формы настоящего времени формой прошедшего: *странно теперь вспомнить* → *praegu oli veider meelde tuletada*; *а тут радость* → *siin valitses rõõm*. Такие трансформации ничем не мотивированы, эстонское предложение вполне могло бы выглядеть таким образом: *Praegu on veider meelde tuletada, tagasi vaadata – sakslased olid juba Minskis, nii palju inimesi oli juba hukkunud ning hukkus aina, iga tund ja siin valitseb rõõm, et heeringat antakse*. Тем более, что слово *praegu* (*сейчас*) лучше сочетается с формой настоящего времени.

В примере (372) очень ярко выражается отрицательная оценка субъекта, к которому относится глагол, выражающий значение настоящего эмоциональной актуализации.

(372) – *Что же это за чудо, – говорю я ему, – поговорить с Бенкендорфом? Я это и сама умею. Да и он-то что уж из ума выжил, сам не знает, что делает, все актриски на уме, кажется, уж и не под лета волочиться; а тут какой-нибудь секретаришка у него **делает** доносы всякие, а он и подает.* (А. И. Герцен)

*„Einoht,“ ütlen talle, „Benckendorffiga rääkida pole mingi kunst, seda võin minagi, kuigi vanamees on juba päris segane: ei tea enam, mis teeb, aina näitlejannad meeles, naistega ringiajamine aga ei taha hästi sobida ta aastatega. Samal ajal **teevad** ta sekretärid oma nuhitööd ja tema kannab keisrile ette.* (Перевод А. Kleinot)

Отношение говорящего проявляется, во-первых, в местоимении *какой-нибудь*, и, во-вторых, в существительном *секретаришка*, которое имеет разговорный и очень пренебрежительный характер. При этом именно это маловажное, с точки зрения говорящего, лицо делает доносы (конечно, это не благородное дело, но имеет существенное влияние на жизнь других людей), поэтому можно сказать, что факт в каком-то смысле противопоставляется характеристике субъекта.

В переводе, на первый взгляд, все выглядит иначе и даже создается впечатление, что выразительность оригинала теряется: *секретаришка* заменяется на вполне нейтральное слово *sekretär* (*секретарь*) – почему-то во множественном числе. Однако это можно объяснить тем, что в эстонском языке отсутствует похожее оценочное слово для секретаря, переводчик пытается эту утрату компенсировать и переводит *делать доносы* на эстонский язык с помощью более разговорного выражения *tegema nuhitööd* (*инспионить*), которое имеет явно отрицательный характер.

Итак, хотя в переводе некоторые слова приобретают более отрицательную оценку, чем в оригинале, можно прийти к выводу, что противопоставление между субъектом и действием все же сохраняется, в эстонском тексте действие просто оценивается как недостойное профессии секретаря.

(373) *По сто километров отдавали без боя, а тут вцепились зубами, метра отдать **не хотим!*** (Г. Я. Бакланов)

*Sadu kilomeetreid oleme ilma lahinguta ära andnud, aga siin **hoiame** hammastega kinni, **ei täi** meetritki loovutada!*

(Перевод L. Remmelgas, M. Vaga; J. Ojamaa)

Что касается примера (373), то любопытен факт, что противопоставление двух ситуаций, одна из которых передается формой прошедшего времени, а другая – настоящего, проявляется в эстонском языке даже более конкретно. В переводе четко видна граница между тем, что было раньше: *sadu kilomeetreid oleme ilma lahinguta ära andnud* – по сто километров **отдавали** без боя, и что есть сейчас (т. е. сейчас в прошлом): *aga siin hoiaime hammastega kinni* – буквально «держим зубами», в оригинале в этом месте представлена глагольная форма прошедшего времени: *вцепились*.

Форма настоящего-будущего СВ может выражать также действия в прошлом:

(374) *Достаёт Прохор Палыч «послание» и кладет на стол. Иван Иванович берётся читать и... как захохочет!* (Г. Троепольский)

Prohhor Palõtš tõi esile „läkituse“ ja pani selle lauale. Ivan Ivanovitš asus seda lugema ja ... kuidas pistis naerma!

(Перевод Н. Joasoon и др.)

В русском языке целое повествование ведется в настоящем историческом, в то время как эстонский переводчик употребляет в своем тексте формы претерита. Поэтому вполне естественно, что форму настоящего-будущего СВ он тоже передает с помощью претерита. Анализ примеров показывает, что в эстонском языке порядок временных форм является более строгим, чем в русском. Это демонстрирует и предыдущий пример. В русском языке мы можем заменить глаголы в настоящем времени формами прошедшего, и они сочетаются с формой настоящего-будущего СВ: *Достал Прохор Палыч «послание» и положил на стол. Иван Иванович взялся читать и... как захохочет!* Однако если мы хотим, чтобы в эстонском предложении была бы также форма настоящего, следует употребить все глаголы данного предложения в настоящем времени: *Prohhor Palõtš toob esile „läkituse“ ja paneb selle lauale. Ivan Ivanovitš asub seda lugema ja ... kuidas pistab naerma!*

А. Пихлак называет конструкцию *pistis naerma* **интенсивным началом** и пишет, что семантику перифрастических глаголов этого типа (*kukkuma, pistma, panema* + инфинитив на *-ma*) более точно передают русские глаголы «разных интенсивных приставочных способов действия» [Пихлак 1985: 62].

Пример (375) несколько отличается от предыдущего, хотя в эстонском тексте также имеется глагол в форме прошедшего времени, но в данном случае это не претерит, а причастие прошедшего времени с опущенным вспомогательным глаголом в сочетании с супином (инфинитивом на

-ma)⁵³. Однако для анализа существен факт, что эстонские переводы не содержат формы настоящего времени. Обратим внимание на то, что все глагольные формы представлены в одном предложении, и может быть, именно поэтому эстонский переводчик предпочел перевести все глаголы формой прошедшего.

(375) *Мужик тогда тихо вышел из кабинета, спустился вниз, взял с пожарного щита топор, вернулся в кабинет, как **рубанет** по переходящему знамени.* (В. Пелевин)

*Mees hiilis vaikselt kabinetist välja, läks trepist alla, võttis tule-
tõrjestendilt kirve, läks kabinetti tagasi ja **virutas** raksti punalipu pihta.*
(Перевод V. Indrikson)

(376) *Адмирал слушал, слушал жалобы земцев, которых мало уважал, да как **закричит** на них: "Что вы языками попусту чешете!"*
(Д. Гранин)
*Admiral kuulunud ja kuulunud semstvote gelaste kaebusi, keda ta eriti ei austanud ja **pistnud** äkki **röökima**: „Mis te ilmaaegu suud kulutate!”*
(Перевод M. Lott)

Пример (377) также заслуживает особого внимания, потому что эстонский переводчик перевел форму настоящего-будущего формой настоящего времени (*tormab*), однако при этом он употребляет и вторую глагольную форму (*tõstab*) в этом предложении в настоящем времени. Думается, что это делалось именно для более правильного и естественного сочетания временных форм в эстонском языке и в то же время для передачи внезапности и неожиданности второго действия.

(377) *Тогда Хромой перехватил свой посох поперек груди, как шлагбаум закрытый, да изо всей прыти как **кинется** на передних!*
(А. Солженицын)
*Nüüd tõstab Lombakas oma sauva põiki üle rinna nagu ettelastud vald-
dapii ja **tormab** suure tuhinaga esimestele peale!*
(Перевод L. Meri и E. Sarv)

В некоторых ранее приведенных примерах можно было увидеть противоположную ситуацию: переводчики игнорировали тот факт, что в оригинале автор употребляет форму настоящего-будущего, и переводили ее на эстонский язык претеритом или другой формой прошедшего времени. В

⁵³ Другой способ интерпретации допускает, что форма *pistnud* является немаркированной формой предиката [Кегазов 2008: 47–52, 191].

данном случае переводчик стремился сохранить глагольную форму, которая употребляется в оригинале переносно, но для обычной сочетаемости был вынужден заменить другую форму тоже на настоящее время.

Существенно еще то, что во время этих грамматических трансформаций переводчик выбирает также другое наречие, которое лучше сочетается с формами настоящего времени, а именно *nüüd* (сейчас). Наречие *тогда* (*siis*) в эстонском языке более свойственно контекстам, где представлены действия в прошлом или в будущем.

Внимания заслуживают также слова, которые соответствуют русскому как: *kuidas* (как), *kus* (где), *raksti* (звукоподражательное слово⁵⁴: *хруст*, *трах* и т. п.), *äkki* (внезапно, вдруг). Можно прийти к выводу, что в большинстве случаев переводчики стараются передать внезапность действия, однако не во всех контекстах для этого подходит слово *kuidas* (как), поэтому приходится искать другие средства.

(378) *Они с радушием заколют отличную индейку или дюжину цыплят к приезду гостя, но лишней изюминки в кушанье не положат и побледнеют, как тот же гость самовольно вздыхает сам налить себе в рюмку вина.* (И. Гончаров)

Külaliste tulekul tapavad nad heal meelel tubli kalkuni või terve tosina kanapoegi, aga ülearu rosinaid nad toidu sisse ei pane ja lähevad näost valgeks, kui külaline omavoliliselt mõtleb endale klaasi veini kallata. (Перевод А. Н. Tammsaare)

(379) *Или Илья Иванович пойдёт к окну, взглянет туда и скажет с некоторым удивлением: «Еще пять часов только, а уж как темно на дворе!»* (И. Гончаров)

Juhtub, et Ilja Ivanovitš astub akna alla, vaatab välja ja ütleb imetades: „Kell on alles viis, aga juba on õues päris pime!“
(Перевод А. Н. Tammsaare)

Для того, чтобы доказать более убедительно, насколько важен выбор временных форм, сделанный переводчиком, проанализируем один небольшой текст. Материалом анализа служит рассказ М. Веллера «Танец с саблями» и его перевод на эстонский язык (переводчик Т. Нимма). В произведении М. Веллера на русском языке наблюдается интересное и многообразное употребление временных форм, чередование которых должно было бы сразу привлечь внимание переводчика, так как оно неслучайно, у автора

⁵⁴ Звукоподражание – это имитация звуков окружающего мира фонетическими средствами конкретного языка [БЭСЯ 1998].

были для этого свои основания. В художественном тексте все значимо, и это касается также грамматических форм.

Первая часть повествования ведется в прошедшем НСВ, которое в данном случае имеет значение неограниченно-повторяющегося прошедшего, при этом глагол имеет неопределенно-личное значение. Например:

(380) *Здесь **не спрашивали**, что надо посетителям – их считали по головам и **наливали** по сто коньяку, если до работы, а если после – то по сто пятьдесят.*

*Siin **ei küsitud**, mida küllastaja soovib – pead loeti üle ja **valati** sada konjakit enne, aga pärast tööd isegi sada viiskümmend grammi.*

В эстонском переводе употреблена форма неопределенно-личного залога, однако с точки зрения нашего анализа, важен факт, что глагол стоит в форме прошедшего времени.

После введения в легенде идет речь уже о конкретном единичном событии в прошлом, которое в русском языке передается формой настоящего НСВ, употребленной переносно в контексте прошедшего, т. е. это настоящее историческое. В русской литературной традиции это довольно распространенный прием.

(381) *Вот в Испании как-то на гастролях, проходивших с огромным успехом – испанцы вообще народ музыкальный, а музыку темпераментную, огневую, ценить умеют в особенности, – его устроители и **спрашивают**: что бы он хотел еще увидеть или получить в Испании...*

*Kord Hispaanias külalisetendustel, mis läksid suure eduga – hispaanlased on üldse musikaalne rahvas, aga temperamentset ja tulist muusikat hindavad nad eriti – **küsisid** võõrustajad, et mida ta veel tahaks näha või saada Hispaanias...*

Эстонский переводчик выбирает другую тактику, все формы настоящего исторического переведены на эстонский язык формами претерита. Из-за этого теряется живость оригинала, и эстонский читатель более отдален от события, чем читатель оригинала⁵⁵.

⁵⁵ В качестве небольшого отступления необходимо отметить, что подобное «несоответствие» временных форм в оригинале (настоящее время) и переводе (прошедшее время) наблюдается не только в русско-эстонском переводе. Например, К. Калдъярв утверждает в своем анализе некоторых текстов Х. Л. Борхеса и их переводов на эстонский язык, что в переводе целые абзацы текста, которые в оригинале рассказывают о событиях с помощью форм настоящего времени, на эстонский язык переведены формами прошедшего времени [Kaldjärv 2007: 214].

Трудно сказать, почему переводчик предпочел заменить формы настоящего времени формами претерита. Возможно, потому что употребление настоящего времени в повествовании о событии в прошлом в эстонском языке не настолько распространено, как в русском. Однако никаких лексических или синтаксических препятствий в данном случае нет. Можно согласиться с тем, что, предпочитая форму претерита вместо настоящего, переводчик как бы отдаляет своего читателя от событий, которые для читателя оригинала происходят так сказать «перед глазами». Н. К. Гарбовский утверждает, что если переводчик игнорирует особенные употребления языковых средств, то перевод не только теряет выразительность оригинала, но «может быть нарушен его функционально-стилистический статус» [Гарбовский 1982: 97].

Далее в оригинале вновь появляются формы прошедшего времени – как НСВ, так и СВ.

(382) *Поэтому он **развел** руками, **поблагодарил** хозяев, **подумал**, и, в порядке ответной любезности на комплименты своему несравненному гению **отвечал**...*

В эстонском языке повествование продолжается в претерите:

*Sellepärast **laiutas** ta käsi, **tänas** pererahvast, ja nagu vastuseks komplimendile oma võrreldamatu geniaalsuse kohta, **vastas**...*

В русском предложении обращает на себя внимание глагол НСВ *отвечал*, потому что остальные глаголы СВ. Думается, что в данном случае употребление глагола НСВ придает действию героя (*отвечать*) значение более длительного процесса и добавляет оттенок неторопливости. С другой стороны, в данном случае можно было бы говорить также о нейтрализации видов. М. А. Шелякин утверждает, что «нейтрализация видовых значений при ситуативной совершенности ведет к употреблению формы НСВ в функции просто качества глагольного действия». При этом он отмечает, что когда форма НСВ выражает факт, то она стилистически рельефна, имеет эмоциональную окраску, может быть модально разнообразной, и это скорее всего связано с тем, что она лишается видовой характеристики и обозначает действие как таковое [Шелякин 1983: 81]. В последних трудах М. А. Шелякин предложил несколько иной термин – *синонимичное употребление видовых форм* [Шелякин 2008: 222]. По теории Е. В. Падучевой, подобное употребление глагола НСВ можно объяснить тем, что глагол *отвечать* входит в число таких глаголов НСВ, которые только результативными и можно воспринимать. Эти глаголы она разделяет на две большие группы. Одна группа состоит из глаголов, которые передают информацию, в СВ они обозначают речевой акт, а в

НСВ – состояние, сопровождающее этот речевой акт: *просить, предупреждать, приглашать, требовать, говорить* и т. п. [Падучева 1996: 35].

В эстонском языке в этих случаях употребление претерита вполне оправданно, единственным упреком переводчику⁵⁶ может быть то, что теряется сопоставление форм настоящего и прошедшего времен, которое имеет место в оригинале. В тексте М. Веллера на фоне настоящего исторического четко выделяются те предложения, где внезапно появляются глаголы прошедшего времени. В эстонском переводе так не происходит. В тексте оригинала до конца будут чередоваться формы настоящего исторического и прошедшего НСВ и СВ. В эстонском языке переводчик в целом не меняет свою стратегию и переводит все эти формы на эстонский язык глаголами в претерите. Однако нужно отметить, что при этом он в некоторых предложениях допускает ошибки.

(383) *Но оказывается, что эта дверь, в которую он **входил**, тоже не хочет открываться.*

*Selgus, et ka see uks, kust ta sisse **tuli**, ei tahtnud avaneda.*

Основным значением плюсквамперфекта является указание на то, что некоторая ситуация имела место раньше другой ситуации в прошлом. Поэтому русский глагол *входил* следовало бы перевести на эстонский язык глаголом в форме плюсквамперфекта, т. е. *oli tulnud*, так как та дверь, которая открывалась в комнату, когда герой пришел, теперь больше не открывается. Вхождение в комнату имело место до того, как герой обнаружил, что дверь заперта.

Похожую ошибку или, по крайней мере, неточность мы можем наблюдать и в примере (384).

(384) *В двадцать минут третьего он начинает слегка раздражаться – какого лешего, в самом деле... сам же **назначил** на два часа! – наливает себе рюмку коньяка и выпивает.*

*Kakskümmend minutit kolmel hakkas ta kergelt erutama – mis pagana pihta, tõepoolest, ise ju **määras** ajaks kell kaks – valas siis endale pitsi konjakit ja jõi.*

С точки зрения эстонской грамматики, более адекватным был бы перевод с помощью формы плюсквамперфекта: *Kakskümmend minutit kolmel hakkas ta kergelt erutama – mis pagana pihta, tõepoolest, ise ju **oli määranud** ajaks kell kaks – valas siis endale pitsi konjakit ja jõi.*

⁵⁶ На самом деле нам приходилось слышать мнение о том, что при таком выборе кроме самого переводчика, часть ответственности лежит и на редакторе, который может внести в текст свои коррективы.

Следует отметить, что переводчик употребляет формы настоящего времени лишь в одном случае – во внутреннем монологе главного героя. Например:

(385) *В половине третьего он наливает еще рюмку коньяка и запивает ее бокалом вина. **Щиплет** виноград!*

*Poole kolme ajal valas ta endale veel pitsi konjakit ja loputas selle alla klaasi veiniga. Viinamarjad **kihisevad!***

(386) *Налицо все-таки нарушение этикета. Хамство-с! Что он, мальчик? Он встает, расстегивает пиджак, растягивает узел галстука, сует руки в карманы, и начинает расхаживать по залу.*

*Etiketi rikkumine **on** siiski silmnähtav. Häbitu lugu! Egas ta poisike **ole!** Ta tõusis püsti, nõõpis pintsaku lahti, laskis lipsusõlme lõdvemaks, torkas käed tasku ja hakkas mööda saali edasi-tagasi käima.*

Анализ этого довольно короткого текста хорошо иллюстрирует то, что переводчик недостаточно учитывает все временные планы текста, так как в оригинале временные формы (и вместе с этим семантические планы времен) чередуются, и это, несомненно, важно с точки зрения текста и намерений автора. Поэтому если эстонский переводчик решил заменить настоящее историческое претеритом, то он должен был бы, по крайней мере, в некоторых случаях переводить русское прошедшее время на эстонский язык иной временной формой: не претеритом, а плюсквамперфектом. Анализ доказывает, что в некоторых случаях при переводе именно наречия времени играют существенную роль. Однако можно найти и такие примеры, в которых наблюдается явное противоречие между лексическими показателями времени и формой глагола, и это проявляется одинаково в обоих языках, см. название романа Б. Л. Васильева:

(387) *Завтра **была** война.*
*Sõda **algas** homme.* (Перевод Т. Himma)

В этих предложениях употребляются разные глаголы, создается впечатление, что в эстонском языке прошедшее время глагола «хуже» сочетается с наречием времени *homme* (завтра), и поэтому используется глагол *algas* (началась), чья лексическая семантика больше ассоциируется с будущим, чем у глагола *olema* (быть).

4.5. Выводы

Проведенный анализ переводов позволяет прийти к следующим выводам:

1) Эстонский язык требует больше лексических средств для выражения продолжительности, повторяемости действия, чем русский. В русском языке употребление глагола НСВ может быть достаточным. В эстонском языке повторяемость действия может быть передана одним только глаголом лишь в том случае, если значение неоднократности действия содержится уже в лексическом значении глагола. См. пример (306) (*Иногда она шалила...*). Если убрать из эстонского примера слово *tõnikord*, то значение повторяемости действия сохраняется только у глагола *kõpsutama*, а *seisma jääma* (*остановиться*) может восприниматься как конкретное и единичное действие. В русском примере глагол *постукивать* может выражать значение повторяемости, даже если оно представлено без слова *иногда*.

2) Русскому глаголу (как НСВ, так и СВ) в перфектном значении не во всех случаях в эстонском языке соответствует форма перфекта. Так, глагол НСВ в перфектном значении может передаваться на эстонский язык формой плюсквамперфекта (311). Причина, почему в некоторых случаях русскому перфектному значению в эстонском языке не соответствует форма перфекта, заключается в том, что эстонский перфект не употребляется вместе с конкретной временной локализацией (330) и (334).

3) Основной ошибкой в выборе временных форм прошедшего времени при русско-эстонском переводе является то, что в контекстах, где требовалось бы употребление форм перфекта или плюсквамперфекта, используются формы претерита. Это обусловлено несколькими причинами, которые подробно были рассмотрены выше.

4) В переносном употреблении иных временных форм для выражения семантического плана прошедшего времени наблюдаются различия в русском и эстонском языках.

Ситуации с формами будущего и прошедшего времени вполне сравнимы. В первом случае эстонский переводчик вынужден искать в эстонском языке возможности для выражения значения будущего времени, которое в русском языке представлено морфологической формой глагола. С другой стороны, эстонский переводчик, переводя формы, выражающие семантический план прошлого, должен выбирать между 3 формами (претеритом, перфектом и плюсквамперфектом). Оказывается, что это довольно сложная задача, так как в переводе наблюдается больше ошибок и неточностей.

Соответствия русских и эстонских форм, выражающих семантический план прошлого приведены в Таблице 5.

Таблица 5. Семантический план прошлого

Семантика и/или употребление	Русский язык	Эстонский язык
Прошедшее конкретного единичного действия (НСВ)	+ (форма прошедшего времени НСВ)	+ (форма претерита)
Прошедшее повторяющегося и обычного действия (НСВ)	+ (форма прошедшего времени НСВ)	+ (форма претерита, обязательно требуются лексические показатели повторяемости)
Прошедшее обобщенного факта (НСВ)	+ (форма прошедшего времени НСВ)	+ (формы претерита или перфекта)
Аористическое значение	+ (форма прошедшего времени НСВ) + (форма прошедшего времени СВ)	+ (формы претерита или перфекта)
а) Результативный перфект	+ (форма прошедшего времени СВ)	+ (формы претерита или перфекта)
б) Экспериментальный перфект	+ (форма прошедшего времени НСВ)	+ (форма перфекта)
в) Инклюзивный перфект	+ (форма настоящего времени НСВ)	+ (форма перфекта)
г) Имmediатный перфект	+ (форма прошедшего времени СВ)	+ (форма перфекта)
д) Качественный перфект	+ (форма прошедшего времени СВ)	+ (чаще форма перфекта, иногда претерита)
е) Посессивный перфект	+ (форма прошедшего времени СВ)	+ (формы претерита или перфекта)
Настоящее историческое	+ (форма настоящего времени НСВ) + (форма настоящего-будущего СВ)	+ (формы настоящего времени или претерита)
Настоящее эмоциональной актуализации	+ (форма настоящего времени НСВ)	+ (формы настоящего времени или претерита)

ГЛАВА 5. СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПЛАН НЕЛОКАЛИЗОВАННОСТИ ВО ВРЕМЕНИ

5.1. О нелокализованности во времени

Временные формы глагола могут выражать и такие действия или состояния, которые не локализованы во времени, подобные случаи следует рассмотреть отдельно. Нелокализованность во времени объединяет действия и состояния, которые повторяются регулярно или нерегулярно, эта повторяемость позволяет делать обобщения и давать оценки [Бондарко 2002: 443–444]. Что касается категории вида, то можно утверждать, что НСВ встречается в обоих типах ситуаций (т. е. локализованных и нелокализованных). СВ в свою очередь чаще тяготеет к выражению действий, локализованных во времени.

Иногда встречаются контексты, в которых одновременно имеются и тем самым противопоставляются конкретные действия, локализованные во времени, и действия, не локализованные во времени (388) [Бондарко 1999: 170].

(388) *В тридцать четвертом году, когда в отставке был, он книгу **написал** "Будущая война". Вот эту. Генералы, когда они в отставке, **любят** книги **писать**.* (К. Симонов)

В этом примере хорошо виден контраст между локализованным действием и действием, не локализованным во времени. Ситуация, локализованная во времени, имеет конкретные субъект (*он*) и объект (*книгу*) и конкретное действие в прошлом (*написал*). В то же время ситуация, не локализованная во времени имеет субъекты и объекты во множественном числе, что в данном случае указывает на их обобщенный характер (*генералы, когда они в отставке и книги*), также представлен обобщенное действие (*любят писать*).

Похожий контраст наблюдается и в следующем примере:

(389) *Она прижалась к нему, обняла и **поцеловала**, как **целуют** близких не на счастье – на долгое прощанье.* (Ф. Кнорре)

Она и *он* являются конкретными субъектами и *поцеловала* – конкретным действием, в то же время глагол *целуют* и объект *близкие* можно трактовать как обобщенные.

При этом важно иметь в виду, что не только однократное действие может быть локализовано во времени, на самом деле, конечно, и повторяющееся событие может также быть локализовано во времени [Бондарко 1971б: 60].

(390) *Ротмистр два раза **крикнул** снизу: «Прошу поторопиться!»*
(К. Федин)

Если в контексте имеются обобщенные субъекты (*человек, жизнь* и т. д.), то выраженное действие может быть только обобщенным, если предложение начинается со слов *все люди*, то невозможно представить конкретное действие [Бондарко 1987: 216], например:

(391) *Каждый человек **мечтает** о независимости, но силы духа для этого не всегда хватает, трудно освободиться от желания славы, успеха, денег.* (Д. Гранин)

В диссертации уже рассматривались некоторые случаи того, как передается определенное грамматическое значение, если в языке нет для этого конкретной формы (например, возможности для выражения семантического плана будущего в эстонском языке). Все подобные «нехватки» и их компенсация доказывают то, что в языке всегда найдутся средства для передачи любых значений. Это утверждение относится также к выражению нелокализованности. По словам Э. Кошмидера, если в языке отсутствует специальная категория для выражения значения нелокализованности во времени, то в этой функции выступают те же формы, которые обозначают действия, локализованные во времени [Кошмидер 1962: 155].

А. В. Бондарко [2002: 454–459] выделяет три основных типа временной нелокализованности:

1) «Простая повторяемость» – временная нелокализованность ограничена, так как действие или действия конкретного субъекта повторяются в рамках определенного отрезка времени.

(392) *Утром, приближаясь к институту, Штрум начинало гладываться и то замедлял, то ускорял шаги.* (В. Гроссман)

2) Обычность (узуальность) – нелокализованность действия не ограничена, само событие может повторяться регулярно или нерегулярно. Типичность/обычность возникает из-за того, что говорящий обобщает свой личный опыт, субъект может быть конкретным или обобщенным.

(393) *Я поняла, что нет людей на свете. Людей нет, а есть мужчины и женщины, и есть вечная, непрестанная борьба между ними. Иногда **побеждает** мужчина – и тогда женщина ему **принадлежит**, а иногда наоборот.* (З. Гиппиус)

3) Временная обобщенность – данный тип временной нелокализованности встречается, например: цитатах, афоризмах, пословицах и т. п. проявляется максимальная обобщенность действия и субъекта.

Формы настоящего времени чаще других форм выступают в этой разновидности нелокализованности, так как именно формы презенса имеют больше всего возможности выражать семантику временной обобщенности. Формы прошедшего и будущего также могут выражать временную обобщенность, однако они чаще передают первые два типа нелокализованности действия во времени: «простую повторяемость» или обычность.

(394) *Женщина мыслит сердцем, а мужчина любит головой.*

(В. Белинский)

Термин «вневременность» или «всевременность» условен, так как даже самая обобщенная ситуация все же сохраняет связь со временем [Иванова 1961: 31; Бондарко 1987: 214]. М. А. Шелякин выражает данную позицию еще более четко: то, что с помощью формы презенса можно выражать «вечные истины» не означает, что эти обобщения находятся вне времени. Т. н. «вечные истины» могут оказаться вовсе не вечными и могут меняться в ходе истории. К тому же, если обобщения представлены, например, в фантастическом произведении, где существует свой выдуманный мир, то эти истины, которые действительны там, могут оказаться неприемлемыми для реального мира [Шелякин 2001: 94–95].

Временная нелокализованность может быть тесно связана со значением потенциальности действия. А. В. Бондарко [1987: 224–227] выделяет следующие значения возможности/невозможности действия:

1) Потенциальное обычное или обобщенное действие:

(395) *Мало ли что случается* (т. е. может случиться) *с людьми? Вот взял человек и ушел целиком в свое домашнее.* (А. Фадеев)

2) Потенциальное обычное или обобщенное действие, которое представляется как свойство субъекта:

(396) *Ни один опытный акробат не пройдет равнодушно мимо репетирующего новичка.* (Ю. Никулин)

3) Неизбежное обычное или обобщенное действие (говорящий выражает уверенность в том, что действие непременно имеет место в будущем):

(397) *И главное, что не мне надо было идти, а я сам вызвался. И уж это всегда убьют того, кто напрашивается.* (Л. Толстой)

Далее перейдем к рассмотрению всех временных форм в отдельности, потому что, как уже было сказано, временные формы в разной степени способны выражать нелокализованность во времени, и при этом они не теряют полностью своих грамматических значений и различий.

5.2. Форма настоящего времени при выражении действий, не локализованных во времени

5.2.1. Форма настоящего времени НСВ при выражении действий, не локализованных во времени, в русском языке

Как уже было ранее отмечено, формы настоящего времени наиболее склонны к выражению обобщенных ситуаций и «вечных истин».

(398) *Солдат шлолом **бреется**, дымом **греется**.* (русская пословица)

Такое употребление временной формы называется **настоящим неактуальным**. По определению Л. Л. Буланина [1976: 145], настоящее неактуальное может обозначать:

а) Повторяющееся действие, которое обычно не связано с конкретным моментом, например: *Деньги как птицы, то улетают, то прилетают*. Значение повторяемости действия может поддерживаться обстоятельствами типа: *часто, всегда, обычно* и др.

б) Возможное действие – выражается характеристика умений и способностей субъекта. Например: *Он всегда опаздывает на работу. Она хорошо рисует*.

Далее рассмотрим типы настоящего неактуального, выделяемые А. В. Бондарко [1971а: 69–74]:

а) Абстрактное настоящее – действие не связано с каким-либо определенным моментом настоящего времени. В литературе встречается также термин «будущее абсолютное», например у В. Г. Гака [1975: 70].

(399) *Давно сказано, что не всякий **умеет** наблюдать то, что он видит.* (К. Леонтьев)

В высказывании могут быть представлены лексические показатели, поддерживающие значения повторяемости, обычности и обобщенности действия, например: *каждый день, нередко, обычно, всегда, никогда* и др.

(400) *И глаза неотвязно смотрят на полосу света — странно, что человек всегда на свет **смотрит**, когда вокруг темь.*

(З. Прилепин)

Одним вариантом абстрактного настоящего можно считать настоящее качественное. Кроме собственно значения обобщенного действия, здесь проявляется качественная характеристика субъекта.

(401) *Они франты: опуская свой оплетенный стакан в колодец кисло-серной воды, они **принимают** академические позы: штатские **носят** светло-голубые галстуки, военные **выпускают** из-за воротника брыжи. Они **исповедывают** глубокое презрение к провинциальным домам и **вздыхают** о столичных аристократических гостиных, куда их **не пускают**.* (М. Лермонтов)

(402) *То она была баба неробкого десятка, а тут и нельзя было разгадать, что такое она себе задумала; **ходит** козырем, всем по дому **распоряжается**, а Сергея так от себя и не отпускает.*
(Н. С. Лесков)

б) Настоящее потенциальное – может выражать:

1) Способности, умения. Не все глаголы могут быть употреблены в этом значении, лишь те, которые обозначают действия, к которым человек может быть способным (или неспособным) и которые можно делать хорошо или плохо (используются различные лексические показатели качества).

(403) *Она хорошо **говорит** по-французски.*

(404) – *Он **танцует** плохо, – подумала Марта. – Он всегда будет танцевать плохо. Он не любит танцевать. Он не понимает, что это теперь так модно.* (В. Набоков)

2) Оттенок долженствования:

(405) *Повар должен быть человек искусной и чистоплотной, дабы из его рук без размышления всякую пищу употреблять было можно. Он должен быть хороший эконо́м; из малого **делает** (т. е. должен сделать) хорошее и тем доказать свое искусство и разум...*
(В. Татищев)

Е. В. Петрухина выделяет настоящее предписания, которое встречается, прежде всего, в различных рецептах и инструкциях (вместе с формами повелительного наклонения и инфинитива) [Петрухина 2009: 131].

(406) *Муку **просеют/просеять/просейте, смешают/смешать/смейшайте** с содой и по ложке **добавят/добавить/добавьте** в жидкость.*

в) Сценическое настоящее – используется в драматических текстах. Выражает действие, которое протекает в одном из моментов «сценического времени», а не в момент речи:

(407) *Саша (входит и идет к отцу). Такая великолепная погода, а вы сидите здесь, господа, в духоте.* (А. Чехов)

г) Настоящее изложения – представлено в текстах, в которых излагается содержание какого-то произведения, например: сценарий фильма, либретто или описание художественного произведения. С помощью форм настоящего времени передается определенная последовательность событий. В научной литературе употребляется также термин настоящее экспозиционное [Гловинская 2001: 194; Петрухина 2009: 136]. Сферой использования данного типа переносного употребления формы настоящего времени являются публицистические и научные тексты. С помощью настоящего изложения интерпретируются мнения других людей, анализируются художественные произведения, объясняются идеи научных теорий и т. п. Настоящим экспозиционным выражается информация, которую говорящий считает важной и ценной для всех людей во все времена (т. е. она является актуальной и для настоящего времени). Подобные тексты легко переконструировать, употребляя формы прошедшего времени СВ и НСВ.

(408) *Цветаева не играет с читателем в равенство; она себя к нему приравнивает* – лексически, логически. (И. А. Бродский)

(409) *Дарвин говорит, что человек и обезьяна произошли от общего рода предков.* (В. Шишков)

В этих случаях проявляется интеллектуальная оценка, это значение могут передавать глаголы с семантикой творческой деятельности [Гловинская 2001: 195–196]. В эстонской грамматике этому употреблению соответствует *praesens referens* (см. с. 183).

д) Настоящее номинации – формы настоящего времени представлены в заголовках, названиях картин и т. п. Форма настоящего времени выражает наличие того, о чем написано в заголовке, что изображено на картине и т. п. [Бондарко 1971а: 73]. Например, название картины русского живописца Василия Перова:

(410) *Тройка. Ученики мастеровые везут воду.*

Также названия глав в романах Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» и В. П. Беляева «Старая крепость»:

(411) *Счастье улыбается Мите.* (Ф. Достоевский)

(412) *Когда наступает вечер; Когда мы покидаем село; Мы переезжаем* (В. Беляев)

е) Изобразительное настоящее – по словам Н. С. Поспелова, это значение формы настоящего времени представляет собой «переходную ступень от конкретного значения раскрытого настоящего⁵⁷ к абстрагированному значению постоянного действия». Настоящее изобразительное не выражает процесс осуществления действия, а представляет действие как имеющее место в настоящем [Поспелов 1955: 219–220]. Данное употребление формы презенса встречается часто в поэтических текстах.

(413) *Белеет парус одинокой*
В тумане моря голубом!... (М. Лермонтов)

Понятно, что в подобных описаниях могут также быть употреблены глаголы прошедшего времени. В данном случае можно провести параллель между изобразительным настоящим и настоящим историческим, так как в обоих случаях возможна замена формами прошедшего времени, и это дает одинаковый результат. См. пояснение Н. В. Перцова о различии между употреблением форм прошедшего времени и настоящего времени в значении изобразительного настоящего: в случае форм настоящего времени читатель как бы присутствует вместе с автором в определенном месте в определенный момент, и поэтому воспринимает все изображаемое непосредственно; в случае употребления форм прошедшего времени читатель отстранен от всего изображаемого и от автора [Перцов 1998: 15]. Такая же отстраненность читателя наблюдается, если заменить формы настоящего времени (в значении настоящего исторического) на формы прошедшего времени.

5.2.2. Форма настоящего времени при выражении действий, не локализованных во времени, в эстонском языке

Немногословные описания разных возможностей употребления формы настоящего времени в эстонском языке можно найти в книгах Михкла, Раннута, Рийкоя и Адманна *Eesti keele lauseõpetuse põhihooned I* [Mihkla jt 1974: 90–95] и Михкла и Вальмиса *Eesti keele süntaks kõrgkoolidele* [Mihkla, Valmis 1979: 34–35]. Б. А. Серебренников дает следующее определение: «вневременное настоящее широко употребляется в научной литературе при описании различных постоянных свойств, явлений природы, при формулировке законов, правил и т. п.» [Серебренников 1963: 448]. М. Эрелт считает, что из-за немаркированности формы настоящего времени, ее

⁵⁷ Термин «раскрытое настоящее» употребляет А. В. Добиаш в своей книге «Опыт симасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка». Прага, 1897. По его формулировке, это такое значение формы настоящего, при котором «сам факт относится к прошедшему времени, к настоящему он может относиться... лишь постольку, поскольку это настоящее для меня уже раскрыто» [Добиаш 1897: 99].

можно употреблять для выражения истин, действительных во все времена [Erelt 2013: 93].

В названных выше справочниках авторы выделяют, кроме первичного значения формы настоящего времени, еще несколько вариантов ее употребления в семантическом плане нелокализованности во времени (хотя авторы сами этот термин и определение не употребляют):

а) Выражение постоянного действия, состояния субъекта или объекта, а также характерного признака кого-либо или чего-либо:

- (414) *Kõik kehad paisuvad soojenemisel, jahtumisel aga tõmbuvad kokku.*
*Все тела при нагревании **расширяются**, а при охлаждении **сжимаются**.*

б) *Praesens referens* – употребляется в основном при описании или объяснении содержания и формы художественных и литературных произведений [Mihkla, Valmis 1979: 35], например, краткое содержание фильма Ильмара Раага «Эстонка в Париже»:

- (415) *Eesti väikelinnas elaval Annel (Laine Mägi) **avaneb** võimalus asuda tööle Pariisi, hooldades seal nõudlikku väliseesti vanaprouat Fridat (Jeanne Moreau). Üksildase suurilmadaami ja provintsist pärit lihtsa naise suhe muutub aga keerukaks ja peatselt **ootavad** neid ees sündmused, mis **muudavad** mõlema elu igaveseks.* (Kino Artis)

*Анне (Лайне Мяги) из провинциального эстонского городка **предоставляется** возможность получить работу в Париже у требовательной и привередливой пожилой дамы, зарубежной эстонки Фриды (Жанна Моро). Взаимоотношения одинокой светской дамы и простой женщины из народа крайне осложненные и вскоре **приходится столкнуться** с событиями, которые навсегда **изменяют** жизнь обеих.* (Kino Artis)

Русским соответствием этого значения является настоящее экспозиционное (см. с. 181);

в) В качестве частной разновидности настоящего момента речи можно выделить настоящее время обычного действия – выражает действие (состояние), имеющее место обычно, постоянно [Серебренников 1963: 446].

- (416) *Soovite sigaretti? Tänan, ma **ei suitseta**.*
*Хотите сигарету? – Спасибо, я **не курю**.*

г) Повторяющееся действие:

- (417) *Kes **ei tööta**, see **ei söö**.*

Кто не работает, тот не ест.

- (418) *Suvel **käib** ta tavaliselt oma vanematel **külas**.*
*Летом он обычно **навещает** своих родителей.*

д) Возможное действие (русское соответствие *настоящее потенциальное*):

- (419) *Kas sa **laulad** (= oskad laulda)? – **Laulan**, kuid halvasti.*
*Ты **поешь**? (= умеешь петь?) – **Пою**, только плохо.*

- (420) *Ta **joonistab** hästi.*
*Она хорошо **рисует**.*

5.3. Формы будущего времени при выражении действий, не локализованных во времени

Нелокализованность действий во времени могут выражать и формы будущего времени, при этом сохраняя в какой-то степени свое общее значение [Бондарко 1987: 221].

- (421) *...человек, который **услышит** про Атлантиду, **заболевает** слюнотечением и **забывает** про дела земли, а **помнит** только дела жадности...* (М. Анчаров)
- (422) *Если какой-нибудь придирчивый и многоопытный человек **упрекнет** меня в наивности и некоторой восторженности, то я **прошу** его извинить меня.* (В. Розов)

Как и при форме настоящего времени НСВ, второй разновидностью значения настоящего-будущего СВ также является **настоящее неактуальное**, в частности абстрактное настоящее и еще более конкретно настоящее потенциальное. К разновидностям этого значения относятся [Бондарко 1971a: 104–111]:

1) Потенциальность осуществления действия:

- (423) *Такие опыты, хотя с первого взгляда **покажутся** (могут показаться) маловажными; но впоследствии могут привести к важным открытиям.*
- (424) *Может возникнуть молва, что предприятие не богоугодно, а народ наш религиозен, горяч не в меру, мало ли что **случится** (может случиться) со строительством...* (Д. Липскеров)

2) Уверенность в том, что не может не произойти:

(425) *О'кэй, в момент открытия сквера ему было всего четыре года, а кто **не заплачет**, если впервые увиденный тобою красивый зверь, к которому ты рванулся по велению сердца, вдруг тебя когтями по руке...* (Э. Лимонов)

3) Вынужденная необходимость:

(426) *А поболтать было бы о чем: кругом народ дикий, любопытный; каждый день опасность, случаи бывают чудные, и тут поневоле **пожалеешь** о том, что у нас так мало записывают.*
(М. Лермонтов)

4) Потенциальность осуществления действия повторна, однако на самом деле этого не происходит:

(427) *Вам задают внезапный вопрос, вы даже не возражаете, в одну секунду овладеваете собой и знаете, что нужно сказать, чтобы укрыть истину, и весьма убедительно говорите, и ни одна складка на вашем лице **не шевельнется**, но, увы, встревоженная вопросом истина со дна души на мгновение прыгает в глаза, и все кончено.* (М. Булгаков)

5) Удивление говорящего по поводу потенциальности какого-то события (этот оттенок часто поддерживается частицами):

(428) – *Не мне, не мне! – раздалось со всех сторон, – вот чудак! **Придет же в голову!**...* (М. Лермонтов)

(429) ***Придумают же люди от безделья незнамо чего!*** (Д. Донцова)

Необходимо отметить, что, например, М. А. Шелякин классифицирует такое употребление формы настоящего-будущего СВ как переносное, ссылаясь при этом на книгу М. Я. Гловинской [Шелякин 2008: 195], которая предлагает следующие истолкования такого употребления: какое-то действие с результатом имело место в прошлом, это событие представляется важным для говорящего, в то же время он считает этот факт прошлого удивительным и неожиданным, и относится к нему как характерному. В пользу подобного истолкования говорит то обстоятельство, что часто об этом неожиданном событии говорят во множественном числе, хотя на самом деле оно произошло лишь один раз. Однако употребление множественного числа придает действию оттенок обычности [Гловинская 2001: 197].

б) Нежелание осуществить действие часто проявляется в форме вопроса, так как говорящий хочет знать, почему его собеседник не совершает определенное действие и при этом выражается мнение говорящего о том, что это действие следует совершить:

(430) – *Что это ты **не бросишь** этого халата?* (И. Гончаров)

Форма настоящего-будущего СВ с отрицанием может выражать еще значение невозможности осуществления действия в момент речи. По каким-то причинам осуществление факта затруднено, и поэтому говорящий предпологает, что ему не удастся осуществить соответственное действие ни в момент речи, ни в ближайшем будущем [Перцов 1998: 21]. Пример (431).

(431) *Где записка? Неужели я ее выронила? **Не найду** никак.*
Восмибратов. (А. Островский)

М. А. Шелякин выделяет еще значение модальной перформативности действия, которое выражается с помощью глаголов речи [Шелякин 2001: 101].

(432) *Этой мыслью мы **закончим** наш доклад.*

(433) – *Мы имеем к вам... одним словом, я вас **попрошу** сюда, вот сюда, к дивану...* (Ф. Достоевский)

А. В. Бондарко пишет о том, что при значении настоящего перформативного в сочетании форм, выражающих общие значения СВ и будущего времени, проявляются оттенки намерения, желания и т. п. [Бондарко 2002: 497].

Далее рассмотрим функционирование формы настоящего-будущего СВ в кратно-соотносительной конструкции⁵⁸:

(434) *Они посидели обнявшись, потом опять заплясали. И так несколько раз повторялось: то **попляшут**, то **отдохнут** под грушею, на скамеечке или прямо на траве.* (Ф. Сологуб)

(435) *Вертит очками так и сяк:
То к темю их **прижмет**, то их на хвост **нанижет**
То их **понюхает**, то их **полижет**...* (И. Крылов)

⁵⁸ «Кратно-соотносительные конструкции представляют собой эпизод, состоящий из нескольких (по крайней мере двух) взаимосвязанных действий, повторяющийся неограниченное количество раз» [Кюльмоя 1985: 2].

Повторяемость в кратно-соотносительных конструкциях проявляется благодаря сочетаемости форм настоящего-будущего СВ с какой-либо иной глагольной формой [Кюльмоя 1985: 8].

И. П. Кюльмоя утверждает, что среди таксисных отношений в этих конструкциях преобладают отношения неодновременности. Одновременность не представлена в них в «чистом виде», в 90% случаев имеются различные оттенки обусловленности [Там же: 138].

Что касается временной локализованности, то кратно-соотносительные конструкции представляют ситуацию, которая может быть абсолютно или относительно нелокализованной. Абсолютная нелокализованность не имеет никаких временных ограничений, т. е. наблюдается типичное событие, которое неоднократно повторялось в прошлом и может произойти снова в любой момент времени (436). Относительная нелокализованность означает, что действие повторяется в ограниченных временных пределах (либо в прошлом, либо в будущем) [Там же: 21–22].

(436) *Манилов будет повеликатней Собакевича: **велит** тотчас сварить курицу, **спросит** и телятинки; коли есть баранья печенка, то и бараньей печенки **спросит**, и всего только что **попробует**...*
(Н. Гоголь)

Одной из функций формы настоящего-будущего СВ является обозначение действия как характерного свойства [Буланин 1976: 148]. М. А. Шелякин относит такое употребление также к модальному значению СВ – потенциальность формы настоящего-будущего времени СВ проявляется в сочетании двух значений: значение настоящего времени и значение СВ (признак будущего в качестве возможности) [Шелякин 2008: 94]. См. пример (437).

(437) *Однако знай, что когда вернешься или если на твоём пути возникнут непреодолимые препятствия, то ты всегда **найдёшь** (= можешь найти) в нашем замке кров и пищу.* (А. Ладинский)

По мнению В. В. Виноградова, в некоторых случаях выделяются еще экспрессивные оттенки вежливости или приблизительности [Виноградов 1972: 453]:

(438) *Ну, так Егор-то Данилыч норовят ему четырехлетков сбывать... жеребчиков двенадцать их **будет**-с...* (А. Эртель)

Авторы *Сопоставительной грамматики эстонского и русского языка* [Пялль и др. 1962: 156] указывают еще на одно возможное употребление формы настоящего-будущего СВ, а именно на случаи, когда, например, в технических инструкциях форма будущего простого в придаточном

предложении обозначает действие, предшествующее действию главного предложения, выраженного формой настоящего времени (обобщенного):

(439) *Когда весь порошок **растворится** и жидкость **станет** прозрачной, бутылку закупоривают и ставят в темное место.*

Однако это употребление связано с выражением таксисных отношений и поэтому требует дополнительного исследования, которое не входит в цели нашей диссертации.

5.4. Формы прошедшего времени при выражении действий, не локализованных во времени

5.4.1. Формы прошедшего времени при выражении действий, не локализованных во времени, в русском языке

В первую очередь следует рассмотреть переносное употребление формы прошедшего времени НСВ, хотя по наблюдениям А. В. Бондарко, таких случаев очень мало. Формы прошедшего НСВ в перфектном значении могут выражать абстрактное настоящее [Бондарко 1971а: 141–142].

(440) *Вот и делали бы узкорядные сеялки, а не гоняли тракторы вдоль и поперек. А то, вишь ты, – обратился он к сыну, – в одном месте **не начинал** сеять, – теряешь половину урожая, – а в другом – **взад-вперед, вдоль-поперек**... (Г. Троепольский)*

В. В. Виноградов приводит еще одну возможность переносного употребления формы прошедшего времени НСВ [Виноградов 1972: 429]:

(441) ***Плевать** я **хотел** на него и на его замашки!* (В. Белоусова)

В данном случае, наверное, нельзя говорить о полной нелокализации действий во времени, однако, с другой стороны, трудно указать и на точное время действий. Причина этого заключена, скорее всего, в том, что русский глагол (*плевать*) в данном случае не употребляется в прямом значении этого слова.

Далее переходим к формам прошедшего времени СВ. С формами прошедшего времени СВ связан своеобразный оттенок нелокализации во времени. Действие, которое имеет место неоднократно, представляется как единичный случай в качестве примера, имеющего свой результат [Бондарко 2002: 459]. См. пример (442).

(442) *Левин заметил, что у него на глазах были не слезы, а влажность. как это всегда бывало у него, или когда он **выпил**, или когда он **расчувствовался**.* (Л. Толстой)

А. В. Бондарко отмечает также, что в таком переносном употреблении форма прошедшего СВ может иметь перфектное значение, но не обязательно.

(443) *Да, это было как во сне, когда человеку представляется наступающий на него злодей, и человек во сне **размахнулся** и **ударил** своего злодея с тем страшным усилием, которое, он знает, должно уничтожить его, и чувствует, что рука его, бессильная и мягкая, падает, как тряпка, и ужас неотразимой гибели обхватывает беспомощного человека.* (Л. Толстой)

При этом употребление форм прошедшего СВ в контексте абстрактного настоящего не свойственно для всех функциональных стилей. Чаще всего оно встречается в эмоциональной разговорной речи [Бондарко 1971а: 141].

В. Г. Гак выделяет еще одно употребление прошедшего времени СВ, а именно выражение действия, не локализованного во времени с оттенком условия. Иногда прошедшее употребляется потому, что у конкретного глагола СВ нет формы презенса [Гак 1975: 71]. См. пример (444).

(444) *Кто **нашел** друга, **нашел** сокровище.* (итальянская поговорка)

5.4.2. Формы прошедшего времени при выражении действий, не локализованных во времени, в эстонском языке

Б. А. Серебренников утверждает, что претерит по сравнению с перфектом значительно чаще обозначает действие, время протекания которого не уточняется [Серебренников 1963: 457]. Мы не можем согласиться с этим наблюдением, потому что возникает противоречие, так как ранее мы доказали, что в отличие от формы претерита, эстонский перфект не допускает употребления конкретных обстоятельств времени, поэтому было бы логичнее предполагать, что для формы перфекта более естественным является также выражение действий, не локализованных во времени. Забегая вперед, можно сказать, что эта гипотеза подтверждается анализом примеров.

Перфект иногда употребляется без отнесенности к конкретному плану настоящего, т. е. проявляется абстрагированное вневременное значение [Там же: 464]. Однако оно связано с выражением таксисных отношений и поэтому требует дополнительного исследования.

- (445) *Kui inimesele ling kaela ümber **on tõmmatud** nii, et tal sinine surm silme ees tantsib, ja kui kuskilt sirgub käsi silmust lõdvendada tõotades, – kes ei ulataks siis kaela sellele käele rõõmuröögatusel.* (E. Vilde)

Когда у человека петля на шее так затянута, что перед глазами пляшет синяя смерть, и если откуда-то протягивается рука, обещающая ослабить эту петлю, как тут не податься с радостным воплем навстречу этой руке.

(Перевод О. Наэль, Т. Маркович)

- (446) *Aga automaat ei anna rohkem, kui ta sisse **on võtnud**, ja automaadi avab ainult teatava suurusega rahatiikk.* (Б. Серебренников)

*Но и автомат не может дать больше, чем он сам **воспринял**, да и действует он лишь тогда, когда в него опускают монету определенной величины.* (Б. Серебренников)

Возможность выражения действий, не локализованных во времени, формой плюсквамперфекта эстонскими лингвистами не рассматривается, однако анализ показал, что, по крайней мере, в переводных текстах такие случаи встречаются, см. пример (461).

5.5. Перевод русских форм, выражающих семантический план нелокализованности во времени, на эстонский язык

Изобразительное настоящее, которое чаще всего встречается в поэтических текстах, обычно не вызывает трудностей у переводчика:

- (447) ***Белеет** парус одинокой
В тумане моря голубом!...* (М. Лермонтов)

*Nii üks siniudus **loovib**,
Üks puri merel avaral.* (Перевод V. Daniel и др.)

- (448) ***Сижу** за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орел молодой.
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу **клюет** под окном,*

***Клюет**, и **бросает**, и **смотрит** в окно,
Как будто со мною задумал одно.* (А. Пушкин)

*Mu aknal **on** trellid ja röske on torn.
Noor kotkas, mu kaaslane mõtlikult-morn,
All vangla ees vuhinal tiivaga **lööb**
Ja pahralt veriseid palasid **sööb**.*

*Ta **nokib** neid, **silmitseb** aknal siis mind.
Vist **mõistab** mu tundeid see tusane lind.* (Перевод В. Alver и др.)

По поводу примера (447) необходимо отметить, что в данном случае в русском и эстонском языках совпадают только грамматические формы, т. е. в обоих случаях мы имеем глагол настоящего времени 3-го лица. Однако с точки зрения семантики в переводе представлен глагол с совершенно иным значением (*loovib* т. е. морск. *лавирует, движется против ветра, обходя препятствия*). Такая ситуация вполне естественна для перевода поэтического текста. В то же время существенно, что переводчик как будто чувствует себя более свободным в выборе соответствия на уровне семантики, чем грамматики, так как он сохраняет грамматическое время глагола.

Пример (448) также показывает, что структура перевода лирических текстов часто не совпадает со структурой оригинала, однако временной план остается все же неизменным.

Перевод высказываний, в которых в русском языке форма будущего времени выражает нелокализованность во времени, допускает в эстонском языке несколько вариантов (449) и (450).

(449) *А поболтать было бы о чем: кругом народ дикий, любопытный; каждый день опасность, случаи бывают чудные, и тут поневоле **пожалеешь** о том, что у нас так мало записывают.*
(М. Лермонтов)

*Aga kõneainet leiduks: rahvas ümberringi on metsik, huvitav; iga päev hädahud, juhtub oivalisi lugusid, ja siis **hakkad** tahtmatult **kahetsema**, et meil nii vähe üles kirjutatakse.* (Перевод V. Linask)

(450) *Всякую другую вы поневоле **заставите** кокетничать с вами.*
(И. Гончаров)
*Iga teist **sunnite** tahtmatult teiega edvistama.* (Перевод E. Hange)

Переводы последних двух примеров существенно различаются, так как в первом случае в эстонском языке употребляется конструкция *hakka* будущего времени (подробнее см. с. 74–75). Во втором предложении ничто не указывает на будущее время, наоборот, создается впечатление значения

настоящего времени обычного, повторяющегося или потенциального действия. Более широкий контекст тоже не подчеркивает значение именно будущего времени в эстонском переводе:

- (451) – *Вы неисправимы, cousin, – сказала она. – Всякую другую вы поневоле заставите кокетничать с вами. Но я не хочу и прямо скажу вам: нет.* (И. Гончаров)

„Olete parandamatu, cousin,“ ütles ta. „Iga teist sunnite tahtmatult teiega edvistama. Kuid mina ei taha ja ütlen teile otse: ei.“

(Перевод Е. Hange)

Повторяемость, обычность и/или потенциальность данной ситуации усиливается еще репликой героини: *Вы неисправимы, cousin*. Так могут сказать в случае, если говорящий наблюдал похожую ситуацию уже неоднократно и даже не верит в возможность каких-либо изменений в поведении своего собеседника.

С точки зрения перевода, интересными являются также те случаи, которые В. В. Виноградов выделяет как экспрессивные оттенки вежливости или приближенности [Виноградов 1972: 453]:

- (452) *Вот я и спрашиваю у этой женщины: «Кто вы такая **будете**?*

(М. Шолохов)

*Eks ma siis küsingi selle naisterahva käest: „Kes teie **olete**?“*

(Перевод F. Kõlli)

- (453) – *Чай, у вашей барыни дворни много?*

– *Нет... человек, пожалуй что, полтораста **набежум**.*

(И. Тургенев)

„Teie proual on vististi palju mõisateenijaid?“

*„Ei...inimest poolteistsada vahest **saab olema**“* (Перевод Е. Krusten)

- (454) *Вот-с проезжаем мы раз через нашу деревню, лет тому **будет** – как бы вам сказать, не солгать, – лет пятнадцать.* (И. Тургенев)

*Näete's sõitsime meie kord oma külast läbi, sellest **saab** – kuidas teile öelda, et mitte valetada – aastat viisteistkümmend.*

(Перевод Е. Krusten)

Н. В. Перцов называет употребление в примере (452) разговорнопостречным, «говорящий задает адресату вопрос относительно некоторого факта, характеризующего адресата в момент речи или в предшествующий период; говорящий имеет в сознании образ ответа, который должен последовать непосредственно за моментом речи» [Перцов 1998: 22].

В примерах (453) и (454) говорящий неуверенно называет приблизительное число, характеризующее значение некоторого параметра для некоторого объекта; говорящий имеет в виду уточнение, которое следует за моментом речи.

Что касается перевода этих примеров, то только в одном случае русской форме будущего времени в эстонском языке соответствует форма настоящего, без значения будущего (452). В остальных предложениях переводчики пытались сохранить оттенок будущего действия при помощи конструкции *saab olema* или просто *saab* с опущенным вторым глаголом, например: *Minu juurde saab siit (olema) versta viis.*

Любопытным с точки зрения перевода, является пример (455) из технической инструкции:

(455) Когда весь порошок **растворится** и жидкость **станет** прозрачной, бутылку закупоривают и ставят в темное место.

Kui kõik pulber on lahustunud ja vedelik muutunud läbipaistvaks, siis korgitakse pudel kinni ja pannakse pimedasse.

Для эстонского языка в подобных текстах является естественным и нормативным употребление формы перфекта, по-видимому, этого требует значение совершения одного действия перед началом другого. Если заменить формы перфекта формами настоящего времени для выражения будущего: *Kui kõik pulber ära lahustub ja vedelik muutub läbipaistvaks, siis korgitakse pudel kinni ja pannakse pimedasse*, мы получим высказывание, которое связано с конкретным моментом, например, говорящий объясняет кому-то процесс работы, то, в каком порядке действия совершаются. В то же время вариант с формами перфекта употребляется именно как инструкция, не локализованная во времени.

Внимания заслуживает еще одно переносное употребление формы прошедшего времени НСВ:

(456) Да **плевать** я **хотел** на свою судьбу! – вдруг возвысив голос, с судорогой в горле сказал он. – **Плевать** я на нее **хотел**, когда такое творится! (К. Симонов)

„Ja ma tahtsin sülitada oma saatusele!“ ütles Sintsov äkki häält tõstes ja tõmbega kurgus. „Põrgu tahtsin ma saata teda, kui säärased asjad sünnivad!“ (Перевод М. Jürna)

(457) Любопытная штука.

– **Плевать** я **хотел** на генератор! Нужен он мне, как корове седло. (Д. Гранин)

Huvitav asi.

Generaatori peale ma vilistan! Vajan seda niisama vähe kui lehm sadulat. (Перевод Н. Luik)

(458) – *Ты хоть запахнись, – крикнул ей вслед мастер.*

– *Плевала я на это, – ответила Маргарита уже из коридорчика.*

(М. Булгаков)

„Tõmba vähemalt mantel koomale,” hõikas meister talle järele.

„Ma vilistan selle peale,” vastas Margarita juba esikust.

(Перевод М. Varik и J. Ojamaa)

По поводу примера (458) с одной стороны можно утверждать, что Маргарита просто в данный момент не беспокоится о том, что Азazelло увидит ее неодетой. Однако также можно предположить, что такая возможность (то, что кто-то может увидеть ее голой) в силу того, как героиня изменилась (т. е. стала ведьмой) вообще уже больше никогда не будет ее тревожить. Именно поэтому можно говорить о своего рода нелокализованности действий во времени. Тем более, что в предыдущих примерах только в одном случае в эстонском языке тоже имеется форма прошедшего времени, а во всех остальных предложениях перевод осуществляется формами настоящего времени.

Пример (459) служит также доказательством утверждения, что форма претерита не подходит для выражения нелокализованности во времени. В эстонском переводе употребляется форма перфекта.

(459) *Вот и делали бы узкорядные сеялки, а не гоняли тракторы вдоль и поперек. А то, вишь ты, – обратился он к сыну, – в одном месте не начинал сеять, – теряешь половину урожая, – а в другом – взад-вперед, вдоль-поперек...* (Г. Троепольский)

Ja olekski pidanud ainult kitsasreaskülvimasinaid tegema, aga mitte traktoritega risti ja põiki kihutama. Sellepärast tulebki sul nii, “pöördus ta poja poole, „ühes kohas ei ole sa veel külviga alustanud, kaotad poole saaki, aga teises – edasi- tagasi, piki ja põiki...”

(Перевод Н. Joasoon и др.)

Обратимся к высказываниям, в которых то, что происходит обычно или постоянно, представлено как бы на примере одного, уже совершившегося факта (вместе с его результатами, последствиями).

(460) *Так очень часто бывает... с искателями корня, что вот только увидел сокровище – и уже нет его: жень-шень в один миг превращается в какое-нибудь другое растение или животное.*

(М. Пришвин)

Juhtuvat õige tihti, seda juhtuvat alatasa juureotsijatega, et niipea kui ta on aaret silmanud, ei ole seda teps mitte enam: džinseng muundub ainsa hetke jooksul mingiks teiseks taimeks või loomaks.

(Перевод J. Piik)

Перевод примера (460) отличается от оригинала, но это вполне оправданно, потому что в эстонском языке мы имеем дело с экспериенциальным перфектом.

Нелокализованность во времени может передаваться также формой плюсквамперфекта, см. пример (461).

(461) *Левин заметил, что у него на глазах были не слезы, а влажность. как это всегда бывало у него, или когда он **выпил**, или когда он **расчувствовался**.* (Л. Толстой)

Levin märkas, et tal polnud küll pisaraid silmis, kuid need olid niisked nagu ikka siis, kui ta oli joonud või liigutatud. (Перевод S. Holberg)

Подводя итоги на основе анализа перевода некоторых случаев, где выражается нелокализованность во времени, можно прийти к выводу, что форма претерита не очень подходит для выражения действий, не локализованных во времени, русским формам прошедшего времени чаще соответствует форма перфекта в эстонском языке. Это объяснимо и тем, что форма претерита легко сочетается с показателями точной временной локализации в прошлом (например, *вчера, на прошлой неделе, в 1763 году* и т. п.). Перфект, с другой стороны, не употребляется с показателями точной временной локализации, как уже было доказано ранее, например, русскому обобщенно-фактическому значению в эстонском языке соответствует, скорее всего, форма перфекта (25) и (26).

5.6. Выводы

Проведенный анализ переводов позволяет прийти к следующим выводам:

1. В обоих языках формы настоящего времени наиболее склонны к выражению обобщенных ситуаций.
2. Если в русском предложении употреблена форма настоящего-будущего СВ, то в переводе на эстонский язык чаще употребляется глагол настоящего времени без оттенка значения будущего, однако в отдельных

случаях переводчик стремится сохранить значение глагольной формы оригинала и переводит, например, конструкциями *hakkama* + инфинитив (449) или *saab olema* (453).

3. В случае, когда в русском языке формы прошедшего времени выражают семантический план нелокализованности во времени, эстонскими соответствиями чаще являются формы перфекта, нежели претерита (459) и (460).

4. Особым случаем является *плевать хотел/плевал я на это* – часто в эстонских переводах это выражение передается формой настоящего времени (457) и (458), как принято в этом клише. По всей вероятности, форма перфекта более склонна к выражению значения нелокализованности во времени, чем форма претерита.

Соответствия русских и эстонских форм, выражающих семантический план нелокализованности во времени, представлены в виде Таблицы 6.

Таблица 6. Семантический план нелокализованности во времени

Семантика и/или употребление	Русский язык	Эстонский язык
Абстрактное настоящее	+ (форма настоящего времени НСВ) / (форма прошедшего времени НСВ) / (форма прошедшего времени СВ)	+ (форма настоящего времени / форма перфекта) / форма перфекта)
Настоящее качественное	+ (форма настоящего времени НСВ)	+ (форма настоящего времени)
Настоящее потенциальное	+ (форма настоящего времени НСВ)	+ (форма настоящего времени)
Настоящее предписания	+ (форма настоящего времени НСВ), императив и инфинитив	+ (форма настоящего времени), императив и <i>da</i> -инфинитив
Сценическое настоящее	+ (форма настоящего времени НСВ)	+ (форма настоящего времени)
Настоящее изложения/ <i>praesens referens</i>	+ (форма настоящего времени НСВ)	+ (форма настоящего времени)
Настоящее номинации	+ (форма настоящего времени НСВ)	+ (форма настоящего времени)
Изобразительное настоящее	+ (форма настоящего времени НСВ)	+ (форма настоящего времени)
Настоящее неактуальное 1) возможность/невозможность осуществления действия; 2) модальный оттенок уверенности в том, что не может не произойти;	+ (форма настоящего-будущего СВ) + (форма настоящего-будущего СВ)	+ (форма настоящего времени) + (форма настоящего времени)

3) оттенок вынужденной необходимости;	+ (форма настоящего-будущего СВ)	+ (форма настоящего времени или конструкция с <i>hakkata</i> в значении будущего времени)
4) отсутствие хотя бы одного акта действия;	+ (форма настоящего-будущего СВ с отрицанием)	+ (форма настоящего времени с отрицанием)
5) оттенок удивления по поводу принципиальной возможности факта;	+ (форма настоящего-будущего СВ)	+ (форма настоящего времени)
6) оттенок нежелания осуществить действие;	+ (форма настоящего-будущего СВ)	+ (форма настоящего времени)
7) значение модальной перформативности действия;	+ (форма настоящего-будущего СВ)	+ (форма настоящего времени)
8) действие как характерное свойство	+ (форма настоящего-будущего СВ)	+ (форма настоящего времени)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В центре внимания нашего исследования были временные формы глагола в эстонском и русском языках и роль их семантики в русско-эстонском переводе. Для достижения цели исследования было необходимо решить две основные задачи:

1. Выявить, насколько важным является то, как точно переводчик пытается передать временной план оригинала, определить неизбежные семантические потери и по возможности установить причины расхождений между оригиналом и переводом.
2. Представить более подробную систему типов употребления временных форм в эстонском языке, так как до сих пор в эстонском языкознании переносное употребление временных форм не получило достаточного отражения.

Для этого был проанализирован определенный языковой материал. Примеры взяты в основном из русскоязычной художественной литературы (в том числе из Национального корпуса русского языка) и ее переводов на эстонский язык. Отдельные примеры привлекались также из научных и публицистических текстов.

Так как системы временных форм анализируемых языков существенно различаются, можно предполагать, что переводчики испытывают определенные трудности при переводе. Мы не можем полностью согласиться с мнением Д. С. Лихачева о том, что проблема изображения времени в словесном произведении не является проблемой грамматики. Функциональная, коммуникативная и другие грамматики рассматривают широкий диапазон употребления временных форм, включая переносное, поэтому можно утверждать, что это является вопросом грамматики.

На основе проведенного анализа можно заключить, что основные сложности при переводе временных форм обусловлены следующими причинами:

1. В языке перевода **отсутствует** определенная временная форма, имеющаяся в языке оригинала. По отношению к русскому и эстонскому языкам такой формой является, например, форма будущего времени. В эстонском языке нет морфологической формы для выражения будущего времени, и поэтому употребляются иные средства (наречия, аналитические конструкции с вспомогательными или фазисными глаголами и т. п., подробнее об этом см. раздел 3.3.2. *Средства выражения значения будущего времени в эстонском языке*).
2. В языке перевода **имеется** форма, отсутствующая в языке оригинала. Так, в эстонском языке для выражения действия в прошлом, кроме претерита, существуют еще перфект и плюсквамперфект. Поэтому эстонский переводчик, переводя форму прошедшего времени НСВ или СВ, всегда должен выбирать между 3 формами в эстонском языке. Для правильного выбора необходимо понять, в каком значении употребляется временная

форма в оригинале, а также учитывать правила употребления временных форм в своем родном языке.

3. Временная форма **представлена в обоих языках**, однако при определенном употреблении (например, переносном) имеются некоторые отличия в языке перевода. Это касается, прежде всего, формы настоящего времени в употреблении *настоящего исторического*.

Необходимо отметить, что хотя в ходе анализа сопоставляются грамматические формы, с точки зрения перевода важно, передано ли значение (в нашем случае семантический план), выражаемое конкретной формой в определенном употреблении. Однако, с другой стороны, нельзя утверждать, что употребление формы прошедшего времени и формы настоящего времени как настоящего исторического можно считать тождественными, хотя в обоих случаях и выражается семантический план прошлого. Если автор оригинального текста считает нужным употребить временную форму метафорически, то этот момент следует также учитывать при переводе. Иными словами, если мы согласны с тем, что в художественном произведении нет ничего случайного, особенно, если учитывать то, что многие авторы работают над своими текстами годами и даже десятилетиями, переписывая и исправляя их, то ясно, что для них является одинаково важными как содержание, так и то, какими языковыми средствами (в том числе, грамматическими формами) все описывается.

Понятно, что большую часть отклонений от временного плана оригинала в переводе можно заметить только при сравнении двух текстов. Однако по объективным причинам (невладение языком оригинала, отсутствие интереса к сравнению и т. п.) большинство читателей, разумеется, не будет сопоставлять оригинал и перевод. С другой стороны, это не означает, что переводчик не должен стремиться к его точности. В то же время точность касается не только лексики, в которой, как считается, содержится основная часть семантики, но и грамматики, где, как показывает наше исследование, проявляются не менее важные намерения автора оригинала.

При передаче временного плана в переводе наблюдаются следующие возможности:

1. Переводчик выбирает **точное соответствие** на уровне формы (например, форме настоящего времени в значении момента речи соответствует в переводе также форма настоящего времени в прямом употреблении). В таких случаях точно передается и семантический план, выражаемый грамматической формой. Необходимо иметь в виду, что эстонский язык часто требует больше лексических средств для выражения определенных значений, которые в русском языке проявляются в категории вида. Например, значения продолжительности, повторяемости действия. В русском языке употребление глагола НСВ может для передачи этого значения быть достаточным. В эстонском языке повторяемость действия может быть передана одним только глаголом лишь в том случае, если значение

неоднократности действия содержится в самом лексическом значении глагола.

2. Один и тот же семантический план времени может передаваться **разными временными формами**, и переводчик вынужден выбирать между ними. Например, если форма настоящего времени употребляется в значении расширенного настоящего времени и настоящего постоянного действия или состояния, которым в эстонском языке во многих случаях соответствует форма перфекта с инклюзивным значением, а в некоторых случаях – форма настоящего времени. При переводе значения настоящего постоянного действия на эстонский язык существенную роль играют лексические показатели времени. Выбор одной или другой формы может изменить коннотативный смысл всего предложения. Употребление формы настоящего времени придает высказыванию характер более обобщенный и «независимый» от временного плана и от любых других потенциальных действий или событий. Форма перфекта, в свою очередь, больше связывает действие с моментом речи, т. е. говорящий скорее выберет форму перфекта, если он хочет соединить действия в настоящем и в прошлом. Для правильного истолкования временных отношений между предикатами необходимо учитывать контекст.

3. В переводе наблюдается **несоответствие** временной формы и/или выражаемого семантического плана. Следует подчеркнуть, что такие случаи не являются однородными. Несоответствие временной формы и/или выражаемого семантического плана может, во-первых, проявляться тогда, когда в языке перевода просто нет определенной формы; во-вторых, означать личное предпочтение переводчика или его стратегию. В случае отсутствия определенной временной формы понятно, что у переводчика нет иного выбора, как просто искать другие средства для передачи временного плана. Примером служит перевод русских форм будущего времени на эстонский язык. В таких случаях важным является то, сохраняется ли семантический план времени.

О личном предпочтении или о стратегии переводчика можно говорить тогда, когда в языке перевода нет препятствий для употребления определенной временной формы (имеющейся в оригинале), однако переводчик все же употребляет иную форму. При этом сохраняется семантический план времени, но наблюдаются потери в выразительности, эмоциональности высказывания. Например, при переводе формы настоящего времени в настоящем историческом, когда эстонские переводчики предпочитали форму претерита.

4. Переводчик **недостаточно учитывает правила употребления временных форм** в своем родном языке и поэтому выбирает неверное соответствие. С точки зрения временных форм, выражающих семантический план прошлого, преобладают два типа переводческих ошибок. Во-первых, вместо перфекта употребляется форма настоящего времени, и во-вторых – претерит заменяет форму перфекта, требующуюся в данном контексте.

Неверные соответствия наблюдаются также при передаче значения расширенного настоящего. Некоторые эстонские лингвисты считают это влиянием русского языка. По-видимому, самой распространенной ошибкой является замена формы плюсквамперфекта формой претерита.

Основные выводы, касающиеся каждого конкретного семантического плана времени следующие.

Семантический план настоящего:

Можно наблюдать полное соответствие в высказываниях, где форма настоящего времени выступает в значении действия в момент речи, так как она передается на эстонский язык также с помощью формы настоящего времени. Немного больше вариантов имеется при переводе формы настоящего времени в значении расширенного настоящего времени и настоящего постоянного действия или состояния. В этих случаях эстонский переводчик должен выбирать между формами презенса и перфекта. Наиболее спорным случаем можно считать т. н. прошлое припоминания, которое встречается намного чаще в эстонском языке, чем в русском и поэтому может вызывать непонимание со стороны адресата высказывания.

Семантический план будущего:

В отличие от передачи семантических планов настоящего и прошлого, где задача эстонского переводчика состоит в выборе между разными временными формами, основной сложностью при передаче семантического плана будущего является факт, что в языке перевода отсутствует морфологическая форма будущего времени. Как показывает анализ примеров, в большинстве случаев переводчикам удастся сохранять значение действия или состояния в будущем, однако иногда препятствием этого становится лексическая семантика конкретного глагола.

Семантический план прошлого:

Кажется, что многие неточности в переводе на эстонский язык именно при передаче семантического плана прошлого мотивированы не непониманием оригинала или намерений автора подлинника, а чаще причиной является несоблюдение правил родного языка (например, в контекстах, где требовалось бы употребление форм перфекта или плюсквамперфекта, используются формы претерита). Существенные различия между языками наблюдаются в переносном употреблении иных временных форм для выражения семантического плана прошедшего времени.

Семантический план нелокализованности во времени:

В пределах данного семантического плана имеется одно важное сходство между русским и эстонским языками, а именно: в обоих языках формы настоящего времени наиболее склонны к выражению обобщенных ситуаций. Если же нелокализованность проявляется в употреблении иных временных форм русского языка (будущего и прошедшего), то эстонскими эквивалентами являются соответственно форма настоящего времени и форма перфекта (намного реже претерита).

Результаты анализа того, какими формами определенный семантический план времени выражен в русском языке и как это передается на эстонский можно представить в виде следующей Таблицы 7.

Таблица 7. Обзор всех временных планов

Семантический план настоящего		
Семантика и/или употребление	Русский язык	Эстонский язык
Настоящее момента речи	+ (форма настоящего времени НСВ)	+ (форма настоящего времени)
Расширенное настоящее	+ (форма настоящего времени НСВ)	+ (форма перфекта или настоящего времени, в зависимости от временных показателей)
Настоящее постоянного действия	+ (форма настоящего времени НСВ)	+ (форма перфекта или настоящего времени, в зависимости от временных показателей)
Прошлое припоминания	± (форма прошедшего времени НСВ, требуется определенный контекст)	+ (форма претерита)
Прошлое вежливости	+ (форма прошедшего времени НСВ, СВ)	+ (форма претерита)
Семантический план будущего		
Семантика и/или употребление	Русский язык	Эстонский язык
Будущее конкретного единичного действия	+ (форма будущего времени НСВ/СВ)	+ (форма настоящего времени, аналитические конструкции)
Будущее постоянного действия	+ (форма будущего времени НСВ)	+ (форма настоящего времени, аналитические конструкции)
Будущее обычного и повторяющегося действия	+ (форма будущего времени НСВ/СВ)	+ (форма настоящего времени, аналитические конструкции)
Будущее обобщенного факта	+ (форма будущего времени НСВ)	+ (форма настоящего времени, аналитические конструкции)
Настоящее намеченного действия	+ (форма настоящего времени НСВ)	+ (форма настоящего времени, аналитические конструкции)
Настоящее воображаемого действия	+ (форма настоящего времени НСВ)	+ (форма настоящего времени, аналитические конструкции)

Прошедшее в контексте будущего (в т. ч. с яркой экспрессией презрительного отрицания или отказа)	+ (форма прошедшего времени СВ)	+ tuleviku minevik (форма настоящего времени, претерита или перфекта)
Семантический план прошлого		
Семантика и/или употребление	Русский язык	Эстонский язык
Прошедшее конкретного единичного действия (НСВ)	+ (форма прошедшего времени НСВ)	+ (форма претерита)
Прошедшее повторяющегося и обычного действия (НСВ)	+ (форма прошедшего времени НСВ)	+ (форма претерита, обязательно требуются лексические показатели повторяемости)
Прошедшее обобщенного факта (НСВ)	+ (форма прошедшего времени НСВ)	+ (формы претерита или перфекта)
Аористическое значение	+ (форма прошедшего времени НСВ) + (форма прошедшего времени СВ)	+ (формы претерита или перфекта)
а) Результативный перфект	+ (форма прошедшего времени СВ)	+ (формы претерита или перфекта)
б) Экспериментальный перфект	+ (форма прошедшего времени НСВ)	+ (форма перфекта)
в) Инклюзивный перфект	+ (форма настоящего времени НСВ)	+ (форма перфекта)
г) Имmediатный перфект	+ (форма прошедшего времени СВ)	+ (форма перфекта)
д) Качественный перфект	+ (форма прошедшего времени СВ)	+ (чаще форма перфекта, иногда претерита)
е) Посессивный перфект	+ (форма прошедшего времени СВ)	+ (формы претерита или перфекта)
Настоящее историческое	+ (форма настоящего времени НСВ) + (форма настоящего-будущего СВ)	+ (формы настоящего времени или претерита)
Настоящее эмоциональной актуализации	+ (форма настоящего времени НСВ)	+ (формы настоящего времени или претерита)

Семантический план нелокализованности во времени		
Семантика и/или употребление	Русский язык	Эстонский язык
Абстрактное настоящее	+ (форма настоящего времени НСВ) / (форма прошедшего времени НСВ) / (форма прошедшего времени СВ)	+ (форма настоящего времени / форма перфекта) / форма перфекта)
Настоящее качественное	+ (форма настоящего времени НСВ)	+ (форма настоящего времени)
Настоящее потенциальное	+ (форма настоящего времени НСВ)	+ (форма настоящего времени)
Настоящее предписания	+ (форма настоящего времени НСВ), императив и инфинитив	+ (форма настоящего времени), императив и <i>da</i> -инфинитив
Сценическое настоящее	+ (форма настоящего времени НСВ)	+ (форма настоящего времени)
Настоящее изложения/ <i>praesens referens</i>	+ (форма настоящего времени НСВ)	+ (форма настоящего времени)
Настоящее номинации	+ (форма настоящего времени НСВ)	+ (форма настоящего времени)
Изобразительное настоящее	+ (форма настоящего времени НСВ)	+ (форма настоящего времени)
Настоящее неактуальное		
1) возможность/ невозможность осуществления действия;	+ (форма настоящего-будущего СВ)	+ (форма настоящего времени)
2) модальный оттенок уверенности в том, что не может не произойти;	+ (форма настоящего-будущего СВ)	+ (форма настоящего времени)
3) оттенок вынужденной необходимости;	+ (форма настоящего-будущего СВ)	+ (форма настоящего времени или конструкция с <i>hakkama</i> в значении будущего времени)
4) отсутствие хотя бы одного акта действия;	+ (форма настоящего-будущего СВ с отрицанием)	+ (форма настоящего времени с отрицанием)
5) оттенок удивления по поводу принципиальной возможности факта;	+ (форма настоящего-будущего СВ)	+ (форма настоящего времени)
6) оттенок нежелания осуществить действие;	+ (форма настоящего-будущего СВ)	+ (форма настоящего времени)

7) значение модальной перформативности действия;	+ (форма настоящего-будущего СВ)	+ (форма настоящего времени)
8) действие как характерное свойство	+ (форма настоящего-будущего СВ)	+ (форма настоящего времени)

Проведенный анализ показал, что для полноценного и адекватного перевода необходимо правильное и глубокое понимание подлинника как единства содержания и формы, составляющих текст. При этом одним из значимых компонентов как формы, так и содержания является семантика временных форм глагола, которую нужно понимать и учитывать. Только в этом случае можно говорить об адекватном переводе художественного текста.

Результаты проведенного анализа могут быть использованы в теории и практике перевода, а также при преподавании как русского, так и эстонского языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р. И., Иванов В. В., Шульга М. В. *Историческая грамматика русского языка. Морфология и глагол*. М.: Наука, 1982.
- Авдеев Ф. Ф. О вторичных функциях языковых знаков в связи с вопросом о функционировании глагольных категорий вида и времени // *Семантика и функционирование категории вида русского языка. Вопросы русской аспектологии III*. Тарту, 1978. С.10–23
- Андрейчин, Л. Д. *Грамматика болгарского языка*. М.: Издательство иностранной литературы, 1949.
- Афанасьева В. В. О сущности перфекта в современном английском языке // *Филологические науки в МГИМО. Сборник научных трудов. № 35 (50)*. Отв. ред. Г. И. Гладков. М.: МГИМО(У) МИД России, 2009. С. 36–45.
- Бархударов Л. С. *Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода)*. М.: Международные отношения, 1975.
- Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. М.: Эдиториал УРСС, 2002.
- Берницкая Н. В. О критериях выделения зависимого и независимого таксиса // *Этногерменевтика: некоторые подходы к проблеме*. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. С. 15–17.
- Бондарко 1971a = Бондарко А. В. *Вид и время русского глагола*. М.: Просвещение, 1971.
- Бондарко 1971b = Бондарко А. В. *Грамматическая категория и контекст*. Ленинград: Наука, 1971.
- Бондарко А. В. *Теория функциональной грамматики: введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис*. Ленинград: Наука, 1987.
- Бондарко А. В. К вопросу о временных отношениях // *Типология. Грамматика. Семантика. К 65-летию Виктора Самуиловича Храковского*. СПб.: Наука, 1998. С. 157–173.
- Бондарко А. В. *Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени*. СПб.: Издательство С. Петербургского университета, 1999.
- Бондарко А. В. *Теория значения в системе функциональной грамматики*. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Бреус Е. В. *Основы теории и практики перевода с русского языка на английский*. М.: Университет Российской академии образования, 2000.
- Буланин Л. Л. *Трудные вопросы морфологии*. Ленинград: Просвещение, 1976.
- БЭСЯ = *Большой энциклопедический словарь. Языкознание*. Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
- Васильева А. Н. *Художественная речь. Курс лекций по стилистике для филологов*. М.: Русский язык, 1983.

- Вейдемани Р. О русском влиянии в эстонской культуре // *Postimees*, 16.03.2009. (<http://rus.postimees.ee/94565/o-russskom-vlijanii-v-jestonskoj-kulture>) (дата просмотра 23.10.2014.).
- Виноградов В. В. *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. М.: Высшая школа, 1972.
- Виноградов В. В. *О языке художественной прозы. Избранные труды*. М.: Наука, 1980.
- Влахос С., Флорин С. *Непереводимое в переводе*. М.: Высшая школа, 1986.
- Гак В. Г. *Русский язык в сопоставлении с французским*. М.: Русский язык, 1975.
- Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // *Сборник статей по языкознанию 60-летию В. В. Виноградова*. Под ред. А. И. Ефимова. М.: Издательство МГУ, 1958. С. 103–124.
- Гарбовский Н. К. Переводческие трансформации и обучение переводу // *Перевод как лингвистическая проблема*. От. редактор Н. К. Гарбовский. М.: Издательство МГУ, 1982. С. 97–109.
- Гарбовский Н. К. *Теория перевода*. М.: Издательство МГУ, 2007.
- Гашкова 2008 = Гашкова М. Г. *Категория экспрессивности и ее виды*. (<http://jurnal.org/articles/2008/fill16.html>) (дата просмотра 23.10.2014.)
- Гловинская М. Я. *Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола*. М.: Азбуковник, 2001.
- Добиаши А. В. *Опыт симасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка*. Прага, 1897.
- Золотова и др. = Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. *Коммуникативная грамматика русского языка*. М., 1998.
- Золотова Г. А. Категории времени и вида с точки зрения текста // *Вопросы языкознания*. № 3. М.: Наука, 2002. С. 8–29.
- Иванов В. В. Категория времени в искусстве и культуре XX века // *Ритм, пространство и время в литературе и искусстве*. Гл. ред. Б. Ф. Егоров. Ленинград: Наука, 1974. С. 39–67.
- Иванова И. П. *Вид и время в современном английском языке*. Ленинград: ЛГУ, 1961.
- ИГРЯ = *Историческая грамматика русского языка*. Под ред. Р. И. Аванесова и В. В. Иванова. М.: Наука, 1982.
- Казакова Т. А. *Практические основы перевода*. СПб.: Союз, 2001.
- Караваев Э. Ф. *Основания временной логики*. Ленинград: Наука, 1983.
- Кару К. *Уступительные конструкции в эстонском и русском языках*. Dissertationes philologiae slavicae Universitatis Tartuensis. Тарту: Tartu University Press, 2006.
- Князев Ю. П. *Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе*. М.: Языки славянских культур, 2007.
- Князев Ю. П. Маркированность и немаркированность в морфологии:

- исходная идея и ее трансформации // *Проблемы грамматики и типологии: сборник статей памяти Владимира Петровича Недялкова (1928–2009)*. Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. М.: Знак, 2010. С. 120–127.
- Козинцева Н. А. Сопоставительный анализ видовых значений в глагольных формах английского и русского языков // *Вопросы сопоставительной аспектологии*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1978. С. 89–102.
- Комиссаров В. Н. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. М.: Высшая школа, 1990.
- Комиссаров В. Н. Когнитивные аспекты перевода // *Перевод и лингвистика текста*. Всероссийский центр переводов. М.: ВЦП, 1994. С. 7–22.
- Константинов В. Н., Анюшкина Г. К. *Временные формы в немецком языке и способы их перевода*. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1975.
- Коростовцев М. А. О природе египетского глагола // *Вопросы языкознания*. № 4. М.: Наука, 1969. С. 101–106.
- Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // *Вопросы глагольного вида*. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С. 105–167.
- Кульбакин А. А. *Глагольные временные формы в немецком языке и их видо-временные эквиваленты в русском языке*. Воронеж: ВГПИ, 1983.
- Купп С. *Взаимодействие временных форм глаголов в сложноподчиненном предложении с придаточными причины в русском и эстонском языках*. Выпускная работа на степень бакалавра. Тарту: Тартуский университет, 2005.
- Купп 2007а = Купп, С. Взаимодействие формы имперфекта с другими временными формами в эстонском языке и их русские эквиваленты // *Русская филология. 18, Сборник научных работ молодых филологов*. Ред. Р. Войтехович, Н. Йоонас, Е. Шкловская. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007. С. 243–249.
- Купп 2007б = Купп С. *О факторах, влияющих на взаимодействие временных форм глагола в русском и эстонском языках (на материале сложноподчиненных предложений с придаточными причины)*. Магистерская работа. Тарту: Тартуский университет, 2007.
- Купп С. Взаимодействие форм перфекта и плюсквамперфекта с другими временными формами в эстонском языке в сопоставлении с русским // *Русская филология. 19, Сборник научных работ молодых филологов*. Ред. Р. Войтехович, Н. Йоонас, О. Наумова. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2008. С. 209–214.
- Купп-Сазонов С. Об одной сложности русско-эстонско-русского перевода: категория грамматического рода // *Текст, культура, перевод. Сборник статей по материалам международной конференции 23 – 25 мая 2012*

- года Рига, Рига: Балтийская Международная академия, 2012. С. 143–153.
- Кюльмоя И. П. *Структура и функционирование кратко-соотнесительных конструкций в современном русском языке*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тарту, 1985.
- Кюльмоя и др. 2003а = Кюльмоя И., Вайгла Э., Солль М. *Краткий справочник по контрастивной грамматике эстонского и русского языков*. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2003.
- Кюльмоя 2003б = Кюльмоя И. П. О таксисе в эстонском языке // *Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействия. Материалы международной конференции* (СПб., 22–24 сентябрь 2003 г.). СПб.: Наука, 2003. С. 87–89.
- Кюльмоя И. П. Речь русской диаспоры Эстонии: тенденции развития // *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика, XII*. Тарту: Издательство Тартуского университета, 2009. С. 11–28.
- Кюльмоя И. П. К характеристике таксиса в эстонском языке // *Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы: Материалы и тезисы докладов*. СПб.: Наука, 2011. С. 112–116.
- Кюльмоя И. П. «Хорошо я жизнь прожил очень, спасибо Богу» (Об особенностях говора одного жителя острова Пийриссаар) // *Acta Slavica Estonica I. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III*. Тарту: Издательство Тартуского университета, 2012. С. 241–267.
- Ландер Ю. А. Перфект и обстоятельства конкретного времени // *Языки мира. Типология. Уралистика: памяти Т. Ждановой: статьи и воспоминания*. Сост. В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. М.: Индрик, 2002.
- Лебедева Г.Ф. Употребление глагольных форм прошедшего времени совершенного вида в перфектном значении в современном русском языке // *Вопросы истории русского языка*. М.: Издательство Московского университета, 1959. С. 208–226.
- Левицкая Т. Р., Фитерман А. М. *Теория и практика перевода с английского языка на русский*. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1963.
- Лихачев Д. С. Поэтика художественного времени // *Поэтика древнерусской литературы*. 1967. (<http://ksana-k.narod.ru/Book/poet/13.html>) (дата просмотра 23.10.2014.)
- Лунин И. *Эстонско-русский словарь*. Дерпт: Тип. Шюнмана и Маттисена, 1853.
- Майтинская К. Е. Будущее время в финно-угорских языках // *Soviet Finno Ugric studies. Estonian Academy of Sciences 2*. Tallinn: Periododika, 1973. С. 81–90.

- Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в русском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 7. № 4. 1948. С. 303–316.
- Маслов Ю. С. *Очерки по аспектологии*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1984.
- Маслов Ю. С. *Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание*. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Мевес Д. *Словарь употребительнейших слов и выражений в русском и эстонском языках*. Рига: E. Plates, 1867.
- Медриш Д. Н. Структура художественного времени в фольклоре и литературе // *Ритм, пространство и время в литературе и искусстве*. Ленинград: Наука, 1974. С. 121–143.
- Найда Ю. А. Наука перевода // *Вопросы языкознания*. № 4. М.: Наука, 1970. С. 3–14. (Перевод на русский язык М. М. Маковский).
- Падучева Е. В. *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Падучева 2009а = Падучева Е. В. *Статьи разных лет*. М.: Языки славянских культур, 2009.
- Падучева 2009б = Падучева Е. В. Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову – Вендлеру // *Вопросы языкознания*. № 6. М.: Наука, 2009. С. 3–20.
- Перцов Н. В. К проблеме инварианта грамматического значения. I. (Глагольное время в русском языке) // *Вопросы языкознания* 1. М.: Наука, 1998. С. 3–26.
- Перцов Н. В. *Инварианты в русском словоизменении*. М.: Языки русской культуры, 2001.
- Петрухина Е. В. *Русский глагол: категория вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований)*. М.: МАКС Пресс, 2009.
- Пихлак А. Аспектуальность в эстонском языке (в сопоставлении с русским языком) // *Семантика и функционирование категории вида русского языка. Вопросы русской аспектологии III*. Тарту, 1978. С. 24–42.
- Пихлак А. Отношение видов русского языка к эстонским временам // *Вопросы сопоставительного изучения лексики и грамматики (на материале эстонского и русского языков)*. Таллин: Академия наук Эстонской ССР, 1982. С. 86–100.
- Пихлак А. Перифрастические конструкции начинательности, финитивности и подчеркнутой длительности в эстонском языке // *Проблемы сопоставительного изучения эстонского и русского языков*. Таллин: Академия наук Эстонской ССР, 1985. С. 60–75.
- Поол Р., Метсланг Х. Языковые средства описания предстоящих событий в работах русских студентов на эстонском языке // *Acta Slavica Estonica V. (Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVI)* Тарту: University of Tartu Press, 2014. С. 297–311.
- Поспелов Н. С. Прямое и относительное употребление форм настоящего и

- будущего времени глагола в современном русском языке // *Исследования по грамматике русского литературного языка*. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 206–246.
- Потебня А. А. *Из записок по русской грамматике. Том 4*. М., Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1941.
- Прокопович Е. Н. *Глагол в предложении. Семантика и стилистика видо-временных форм*. М.: Наука, 1982.
- Пялль Э., Тотцель Э. Я., Тукумцев Г. Р. *Сопоставительная грамматика эстонского и русского языка*. Таллин: Эстонское государственное издательство, 1962.
- РГ I = *Русская грамматика*. Том 1. Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.
- Ремчукова Е. Н. *Креативный потенциал русской грамматики*. М.: РУДН, 2005.
- Рецкер Я. И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык // *Теория и методика учебного перевода*. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1950. С. 156–178.
- РПОП = *Русские писатели о переводе XVIII–XX вв.* Под ред. Ю. Д. Левина А. В. Федорова. Ленинград: Советский писатель, 1960.
- Семиколонова Е. И. Избирательность в употреблении вида глагола как следствие процесса нейтрализации // *Культура народов Причерноморья*. № 37. Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2003. С. 176–182.
- Серебренников Б. А. Категории времени в прибалтийско-финских языках // *Eesti keele süntaksi küsimusi. Keele ja Kirjanduse Instituudi uurimused*. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1963. С. 426–515.
- Соколова Л. А. *Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория*. Томск: Издательство Томского университета, 1968.
- СРЯ = *Стилистика русского языка*. Под ред. Н. М. Шанского. Ленинград: Просвещение, 1989.
- СССРЯ = *Словарь сочетаемости слов русского языка*. Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. М.: Астраль, АСТ, 2002.
- Сурова Н. В. Стилистические функции временных глагольных форм в повестях Чехова // *Наук. зап. Київськ. пед. ін-ту: Філол. сер. Київ, Т. 11. № 3*. 1951. С. 111–127.
- Тетерукова И. М. *Грамматические трансформации текста при переводе (на материале итальянского и русского языков)*. М.: МГУ, Факультет иностранных языков и регионоведения, 2009.
- ТРК = *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*. Отв. ред. В. П. Неद्याков. Ленинград: Наука, 1983.
- Томмола Х. *Аспектуальность в финском и русском языках*. Диссертация на соискание ученой степени доктора философии. Хельсинки, 1986.

- Тороп П. *Тотальный перевод*. Тарту: Издательство Тартуского университета, 1995.
- Тошович Б. *Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербско/хорватского языков*. М.: Языки славянской культуры, 2006.
- Трубецкой Н. С. *Основы фонологии*. М.: Издательство иностранной литературы, 1960.
- Тубин В. *К типологии таксиса неодновременности в русском и эстонском языках*. Магистерская работа. Тарту: Тартуский университет, 2012.
- Уланская Л. Н. Грамматика и перевод. О переводимости русских способов глагольного действия на французский язык // *Аспектология и контрастная лингвистика*. Калинин: КГУ, 1988. С. 126–131.
- Федоров А. В. *Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы)*. СПб.: ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002.
- Храковский В. С. Таксис следования в русском языке. // *Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры*. Отв. ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубик. СПб.: Наука, 2005. С. 29–85.
- Храковский В. С. Таксис // *Славянское языкознание / XIV Международный съезд славистов*. (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.). Доклады российской делегации. – М.: Индрик, 2008. С. 516–539.
- Храковский В. С. Взаимодействие грамматических категорий: вид, время, наклонение // *От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена корреспондента РАН А. В. Бондарко*. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 539–561.
- Чейф У. Л. *Значение и структура языка*. М.: Прогресс, 1975.
- Шатуновский И. Б. *Проблемы русского вида*. М.: Языки славянских культур, 2009.
- Шахматов А. А. *Синтаксис русского языка*. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Шведова Л. Н., Трофимова Т. Г. *Пособие по употреблению видов глагола для работы с филологами-русистами*. М.: Русский язык, 1983.
- Швейцер А. Д. К вопросу об анализе грамматических явлений при переводе // *Тетради переводчика*. № 1. М.: Международные отношения, 1963. С. 5–12.
- Швейцер А. Д. *Перевод и лингвистика*. М.: Воениздат, 1973.
- Швейцер А. Д. *Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты*. М.: Наука, 1988.
- Шелякин М. А. *Категория вида и способы действия русского глагола*. Таллинн: Валгус, 1983.
- Шелякин М. А. *Функциональная грамматика русского языка*. М.: Русский язык, 2001.
- Шелякин М. А. *Категория аспектуальности русского глагола*. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
- Шмелев А. Д. *Русский язык и внеязыковая действительность*. М.: Языки славянской культуры, 2002.

- Щаднева В. П. Характеристика современного эстонско-русского перевода утилитарных официально-деловых текстов // *Русистика и современность*. Рига: БМА, 2011. С. 540–545.
- ЭРЯ = *Энциклопедия «Русский язык»*. Гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997.
- Эслон П., Пихлак А. *Вид и время (Сопоставительный очерк)*. Таллинн: Таллиннский педагогический университет, 1993.
- Эткинд Е. Г. Художественный перевод: искусство и наука // *Вопросы языкознания*. № 4. М.: Наука, 1970. С. 15–29.
- Якобсон Р. О. Шифтеры и другие глагольные категории и русский глагол // *Принципы типологического анализа языков различного строя*. М.: Наука, 1972. С. 95–113.
- Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода // *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике*. М.: Международные отношения, 1978. С. 16–24.
- Якобсон Р. О. О структуре русского глагола // *Избранные работы*. М.: Прогресс, 1985. С. 210–221.
- Aavik J. *Keeleuuenduse äärmised võimalused*. Tartu: Istandik, 1924.
- Argus R. Eesti keele verbi ajamorfoloogia ja aspektilisuse omandamisest // *Emakeele Seltsi aastaraamat 52*. Tallinn: Emakeele Selts, 2007. С. 7–32.
- Austin J. L. *How to do things with words?* Oxford: Clarendon Press. 1962.
- Blokland R., Kehayov P. Vene keele mõjust eesti keeles. Tagasivaateid ja perspektiive // *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri / Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*, 1(2). Tartu: Tartu Ülikool, 2010. С. 35–54.
- Catford J. C. *A linguistic theory of translation: an essay in applied linguistics*. Oxford University Press, 1965.
- Comrie B. *Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Comrie B. *Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Dahl 2000a = Dahl Ö. The tense-aspect systems of European languages in a typological perspective // *Tense and aspect in the languages of Europe*, ed. Östen Dahl. Berlin: Mouton de Gruyter. 2000. С. 3–25.
- Dahl 2000b = Dahl Ö. The grammar of future time reference in European languages // *Tense and aspect in the languages of Europe*, ed. Östen Dahl. Berlin: Mouton de Gruyter. 2000. С. 309–328.
- Declerck R. *The Grammar of the English Verb Phrase Volume 1: The Grammar of the English Tense System*. Mouton de Gruyter Berlin New York, 2006.
- Eesti Statistika 2011* = (http://www.stat.ee/sab-uuendus?db_update_id=13545) (дата просмотра 23.10.2014.)
- EGT = Carter R., McCarthy M., Macken G., O'Keeffe A. *English Grammar Today*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

- Ehala M. Linguistic strategies and markedness in Estonian morphology // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. Akademie Verlag, 62, 1/2, 2009. C. 29–48.
- EKG II = Ereht M., Kasik R., Metslang H., Rajandi H., Ross K., Saari H., Tael K., Vare S. *Eesti keele grammatika II. Süntaks*. Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia Keele ja Kirjanduse Instituut, 1993.
- EKG I = Ereht M., Kasik R., Metslang H., Rajandi H., Ross K., Saari H., Tael K., Vare S. *Eesti keele grammatika I Morfoloogia. Sõnamoodustus*. Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia Keele ja Kirjanduse Instituut, 1995.
- EKK = Ereht M., Ereht T., Ross K. *Eesti keele käsiraamat*. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2007.
- El-dali H. M. Cross-Cultural Communication: Perspectives from Translation Studies and Applied Linguistics // *Journal of Social Sciences*. 2012. C. 24–46. (http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2181919) (дата просмотра 26.05.2015.)
- Ereht M., Metslang H. Oma või võõras // *Keel ja Kirjandus* 10, 1998. C. 665–667.
- Ereht M. *Eesti keele lauseõpetus*. Tartu: Tartu Ülikooli eesti keele osakond, 2013.
- Eslon P. Deiktikud ja aspektisituatsioonid // *Regards multidisciplinaires sur la deixis: de l'énoncé à l'énonciation et vice-versa = Multidisciplinary views on deixis: from utterance to uttering and vice versa = Multidistsiplinaarsed vaated deiksisele: lausungist lausumiseni ja vastupidi*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006. C. 363–382.
- Firth J. R. *Papers in linguistics, 1934–1951*. Oxford: Oxford University Press, 1957.
- Fleischman S. Discourse Functions of Tense-Aspect Oppositions in Narrative: Towards a Theory of Grounding // *Linguistics* 23. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1985. C. 851–882.
- Fleischman S. Toward a theory of tense-aspect in narrative discourse // *The Function of Tense in Texts*. Jadranka Gvozdanovic, Theo A. J. M. Janssen (Eds.). Amsterdam etc.: North-Holland, 1991 C. 75–97.
- Fludernik M. The historical present tense yet again: Tense switching and narrative dynamics in oral and quasi-oral storytelling // *Text* 11, 1991. C. 365–397.
- Gasek B. *Лексико-семантическая интерференция в процессе перевода (на материале русского и польского языков)*. Wrocław: Wydaw. Uniwers. wrocławskiego, 2012.
- Gielen K. *Translation History in Systems: Studies on the Estonian Translational Space of the 20th Century*. Dissertationes philologiae anglicae Universitatis Tartuensis 7. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2013.
- Habicht K., Tragel I. Verbiga *saama* väljendatud leksikaalsed kategooriad ja konstruktsioonid // *Keel ja Kirjandus*. 11. 2014. C. 826–844.
- Heine B., Kuteva T. *The changing languages of Europe*. Oxford: Oxford University Press, 2006.

- Issakov S. Nõukogudemaa rahvaste kirjanduse eesti keelde tõlkimise ajaloost // *Looming*. Tallinn: Kultuurileht, 1974.
- Jakobson R. *Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb*. Harvard University, 1957.
- Kaldjärv K. *Autor, jutustaja, tõlkija: Borgese autofiktsioonid eesti keeles*. Dissertationes philologiae romanicæ Universitatis Tartuensis 3. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2008.
- Kehayov P. *An Areal-Typological Perspective to Evidentiality: the Cases of the Balkan and Baltic Linguistic Areas*. Dissertationes linguisticae Universitatis Tartuensis 10. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2008.
- Kilgi A. Tuleviku tulekust: tulevikulisuse väljendamisest meie esimestes piiblitõlgetes // *Keele rajad. Pühendusteos professor Helle Metslangi 60. sünnipäevaks*. Tartu: Tartu Ülikool, 2010. C. 163–185.
- Klein W. The present perfect puzzle // *Language* 68, 1992. C. 525–552.
- Kupp-Sazonov S. Grammatiline sugu – tõlkija sõber või vaenlane? // *Paar sammukest XXVIII Eesti Kirjandusmuuseumi aastaraamat 2011*. Tartu: EKM Teaduskirjastus, 2013. C. 103–126.
- Kupp-Sazonov S., Külmoja I. Grammatikakategooria sekundaarsest kasutusest: vene ja eesti ajavormid // *Eesti Rakenduslingvistika Ühingu Aastaraamat 10*. Tallinn: Eesti Rakenduslingvistika Ühing, 2014. C. 177–192.
- Lange A. *Tõlkimise aabits*. Tallinn: Valgus, 2008.
- Leemets T. Mitmeplaaniline minevik // *Keelenõuanne soovitab* 2. Tallinn: Eesti Keele Instituut, Eesti Keele Sihtasutus, 2000. C. 87–90.
- Liivaku U. *Kust king keelt pigistab*. Tallinn: Valgus, 1972.
- Liivaku U., Meriste H. *Kuidas seda tõlkida. Järeltormatusest eestinduseni*. Tallinn: Valgus, 1975.
- Lindstedt J. The perfect – aspectual, temporal and evidential // *Tense and aspect in the languages of Europe*, ed. Östen Dahl. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. C. 366–383.
- Lindström L. *Sõnajärg eesti narratiivides*. Magistritöö. Tartu: Tartu Ülikool, Filosoofiateaduskond, Eesti keele õppetool, 1999.
- Lindström L., Tragel I. The possessive perfect construction in Estonian // *Folia Linguistica*, 2. Berlin : Mouton de Gruyter, 2010. C. 371–400.
- Lotman J. *Aleksander Puškin*. Tallinn: Varrak, 2003.
- Lotman J. *Vestlusi vene kultuurist*. Tallinn: Tänapäev, 2003–2006.
- Lotman J. *Kunstilise teksti struktuur*. Tallinn: Tänapäev, 2006.
- Lõbus T. *Aja kujutamine hispaaniakeelses narratiivis. Loomaailma konstrueerimine keele ajavormide kaudu*. Dissertationes philologiae romanicæ Universitatis Tartuensis 5. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2012.
- Maisla D. *Eesti keele mineviku ajavormid vene emakeelega üliõpilaste kasutuses*. Dissertationes linguisticae Universitatis Tartuensis 20. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2014.

- Malmkjaer K. Translation and linguistics: what does the future hold? // *Translation Studies: perspectives on an emerging discipline*. Ed. by A. Riccardi. Cambridge: Cambridge University Press, 2002, 2008. C. 111–119.
- Malmkjaer K. *Linguistics and the Language of Translation*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2005.
- Metslang H. Verbitarind ajatähendust väljendamas // *Virittäjä* 2. 1993. C. 203–221.
- Metslang 1994a = Metslang H. Eesti ja soome – futuurumita keeled? // *Keel ja Kirjandus* 9. C. 534–547. *Keel ja Kirjandus* 10, 1994. C. 603–616.
- Metslang 1994b = Metslang H. *Temporal relations in the predicate and the grammatical system of Estonian and Finnish*. Oulu: Oulun Ylipisto, 1994.
- Metslang H., Tamm H. Zum Tempussystem des Estnischen // *Tense Systems in European Languages II*. Ed. by R. Thieroff. Max Niemeyer Verlag. Tübingen: 1995. C. 299–326.
- Metslang H. The Developments of the Futures in the Finno-Ugric Languages // *Estonian: Typological Studies I*. Ed. by M. Ereli. Tartu: Tartu University Press, 1996. C. 123–144.
- Metslang 1997a = Metslang H. Eesti keele ja teiste soome-ugri keelte futuurumi arenguid // *Keel ja Kirjandus* 4. 1997. C. 226–231.
- Metslang 1997b = Metslang H. On the use of the Estonian past tense forms through the last one hundred years // *Estonian: Typological studies II*. Tartu: Tartu University Press, 1997. C. 98–145.
- Metslang 2001a = Metslang H. Metafooridest grammatikas // *Keele kannul: pühendusteos Mati Ereli 60. sünnipäevaks*. Tartu: Tartu Ülikool, 2001. C. 222–231.
- Metslang 2001b = Metslang H. On the developments of the Estonian aspect. The verbal particle *ära* // *Circum-Baltic Languages: Volume 2: Grammar and Typology*. (Eds.) Dahl Ö., Koptjevskaja-Tamm M. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2001. C. 443–479.
- Metslang H. Saama-tulevik // *Oma Keel* 2. Tallinn: Emakeele Selts, 2003. C. 34–39.
- Metslang jt 2003 = Metslang H., Krall I., Pajusalu R., Saarso K., Sõrmus E., Vare S. *Keelehärm. Eesti keele probleemseid piirkondi*. Tallinn: Tallinna Pedagoogikaülikooli Kirjastus, 2003.
- Metslang H. Some grammatical innovations in the development of Estonian and Finnish: forced grammaticalization // *Linguistica Uralica* 47. Tallinn: Teaduste Akadeemia Kirjastus 2011. C. 241–256.
- Mihkla jt = Mihkla K., Rannut L., Riikoja E., Adamann A. *Eesti keele lauseõpetuse põhijooned I*. Tallinn: Valgus, 1974.
- Mihkla K., Valmis A. *Eesti keele süntaks*. Tallinn: Valgus, 1979.
- Murphy R. *English Grammar in Use*. United Kingdom: University Press. Cambridge, 2005.
- Mägiste J. Eesti saama-futuurumi algupärast ja tarvitamiskõlblikkusest // *Eesti Keel* № 3. 1936. C. 65–92.

- Mölder A. *Eesti ja vene keele kõrvutav grammatika*. Tallinn: Valgus, 1967.
- Nagel O. *Grammatiliste terminite perfekt ja imperfekt seosest eesti keele liht- ja täisminevikuga*. Magistritöö. Tartu: Tartu Ülikool, 2001.
- Nemvalts P. Pigem oma kui võõras! („Muutuv keel”) // *Keel ja Kirjandus* 11, 1999. C. 756–763.
- Nemvalts P. *Aluse sisu ja vorm: Alusfraasi käändevaheldus tänapäeva eesti kirjakeeles*. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2000.
- Oxford Dictionaries* (<http://www.oxforddictionaries.com/>). (дата просмотра 23.10.2014.)
- Prass K. *Saama- ja hakkama-tulevik tänapäeva eesti kirjakeeles* // *Oma Keel* 23. 2011. C. 39–47.
- Raeste E., Štšadneva V., Vaigla E., Karasjova N. *Vene-eesti tervishoiu ja sotsiaaltöö sõnastik = Русско-эстонский медицинский и медико-социальный словарь*. Tartu: Kuma, 2005.
- Ramón García N. Contrastive Linguistics and Translation Studies Interconnected: The Corpus-based Approach // *Linguistics Anterpiensia*. New Series. 2002. C. 393–406. (<https://lans-tts.uantwerpen.be/index.php/LANS-TTS/article/view/27>). (дата просмотра 26.05.2015.)
- Rojo A., Ibarretxe-Antuñano I. Cognitive Linguistics and Translation Studies: Past, present and future // *Cognitive Linguistics and Translation. Advances in Some Theoretical Models and Applications*. Ed. By A. Rojo and Iraide Ibarretxe-Antuñano. Mouton De Gruyter, 2013. C. 3–30.
- Seilenthal T. Aspektist ja muust eesti ja soome keeles // *Lähivertailuja* 3. 1988. C. 52–59.
- Silva-Corvalán C. Tense and aspect in an oral Spanish narrative: Context and meaning // *Language* 59. 1983. C. 760–780.
- Soosaar S.-E. Kust on pärit eesti aeg? // *Oma Keel*. Nr 1, 2003. C. 20–25.
- Swart de H. A cross-linguistic discourse analysis of the perfect // *Journal of Pragmatics* 39 (12). 2007. C. 2273–2307.
- Sütiste E. „Hea tõlke” konstrueerimine tõlkekriitikas (ajakirjas „Eesti Kirjandus” aastail 1906–1922 avaldatud tõlkearvustuste põhjal) // *Kriitika diskursus: minevik ja tänapäev: Kriitika diskursus: minevik ja tänapäev*, Tallinn, 16.11.2006. Toim. R. Veidemann; M. Kirme. Tallinn: Tallinna Üli-kooli Kirjastus, 2008. C. 95–136.
- Tabakowska E. (Cognitive) grammar in translation: Form as meaning // *Cognitive Linguistics and Translation. Advances in Some Theoretical Models and Applications*. Ed. By A. Rojo and Iraide Ibarretxe-Antuñano. Mouton De Gruyter, 2013. C. 229–250.
- Tamm M. Eesti tõlkijad peaksid ühinema // *Eesti Päevaleht*. 16. aprill 2004. (<http://epl.delfi.ee/news/kultuur/eesti-tolkijad-peaksid-uhinema?id=50981625>). (дата просмотра 23.10.2014.)
- Tauli V. *Eesti grammatika II Lauseõpetus*. Uppsala: Finsk-ugriska institutionen, 1980.

- Tommola H. On the perfect in North Slavic // *Tense and aspect in the languages of Europe*, ed. Östen Dahl. Berlin: Mouton de Gruyter. 2000. C. 441–478.
- Tragel I., Habicht K. Grammaticalization of Estonian *saama* ‘to get’ // *Linguistics. An Interdisciplinary Journal of the Language Sciences. Special issue: The art of getting: GET verbs in European languages from a synchronic and diachronic point of view*. Editor-in-Chief: van der Auwera J. Guest editors: Lenz A. N., Rawoens G. Volume 50, Issue 6. 2012. C. 1371–1412.
- Ustal Ü. *Perfekti kasutamise semantilistest tingimustest tänapäeva eesti keeles*. Diplomitöö. Tartu: Tartu Riiklik Ülikool, 1980.
- Veldi E., Külmoja I., Palikova O., Erik U. *Vene-eesti turismi- ja puhkesõnastik*. Tartu: Kuma, 2005.
- Vendler Z. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1967.
- Vissak H. *Väike eesti-vene ja vene-eesti majandussõnastik*. Tallinn: Estada kirjastus, 2000.
- Vissak H. *Juriidiline vestmik-teatmik: eesti-vene/vene-eesti*. Tallinn: Estada kirjastus, 2003.
- Vissak H. *Suur eesti-vene ja vene-eesti õigussõnaraamat*. Tallinn: Agitaator, 2008.
- Wolfson N. The conversational historical present alternation // *Language* 55, 1979. C. 168–182.

Источники примеров

- Авдеев М. В. *Тамарин*. М.: Книгописная палата, 2001.
- Аксенов В. П. *Пора, мой друг, пора*. М.: Молодая гвардия, 1965.
- Аксенов В. П. *Таинственная страсть*. М.: Семь дней, 2009.
- Акунин Б. *Статский советник*. М.: Захаров, 1999.
- Акунин Б. *«Левиафан»*. М.: Захаров, 2000.
- Акунин Б. *Азazelь*. М.: Захаров, 2001.
- Акунин Б. *Любовник смерти*. М.: Захаров, 2001.
- Акунин Б. *Любовница смерти*. М.: Захаров, 2001.
- Андреев Л. Н. *Дневник Сатаны*. М.: Эксмо, 2006.
- Анчаров М. Л. *Приглашение на праздник*. М.: Художественная литература, 1986.
- Бакланов Г. Я. *Пядь земли: повести и рассказы*. М.: Советский писатель, 1970.
- Белов В. И. *Привычное дело*. М.: Современник, 1986.
- Белоусова В. М. *Второй выстрел*. М.: Вагриус, 2000.
- Беляев В. П. *Старая крепость*. М.: Молодая гвардия, 1953.
- Бродский И. А. *Бродский о Цветаевой*. М.: Независимая газета, 1997.
- Булгаков М. А. *Мастер и Маргарита. Рассказы*. М.: Художественная литература, 1980.

- Булгаков М. А. *Записки юного врача; Белая гвардия; Рассказы; Записки на манжетах*. М.: Художественная литература, 1989.
- Булгарин Ф. В. *Димитрий Самозванец*. М.: Кронос, 1994.
- Быков В. *Бедные люди*. М.: Вагриус, 2002.
- Васильев Б. Л. *Завтра была война*. М.: Советский писатель, 1986.
- Веллер М. *Легенды Невского проспекта*. Таллинн: Эстонский фонд культуры, 1993.
- Вильде Э. *В суровой край; Железные руки*. Таллинн: Ээсти Раамат, 1970. (Перевод О. Наэль, Т. Маркович).
- Войнович В. Н. *Москва 2042*. М.: Вагриус, 1999.
- Геласимов А. В. *Степные боги*. М.: Эксмо, 2008.
- Геласимов А. В. *Жажда*. М.: Эксмо, 2009.
- Герман Ю. П. *Один год: роман*. Ленинград: Советский писатель, 1969.
- Герцен А. И. *Былое и думы*. М.: Гослитиздат, 1958.
- Гиппиус З. Н. *Чертova кукла: проза. Стихотворения. Статьи*. М.: Современник, 1991.
- Гоголь Н. В. *Шинель*. М.: Гослитиздат, 1946.
- Гоголь Н. В. *Мертвые души*. М.: Художественная литература, 1976.
- Гончаров И. А. *Обломов*. М.: Правда, 1979.
- Гончаров И. А. *Обрыв*. М.: Художественная литература, 1985.
- Гордеевы Е. и В. *Не все мы умрем*. М.: Вагриус, 2002.
- Горький М. *Мать*. М.: Художественная литература, 1982.
- Гранин Д. А. *Избранные произведения. Том 1*. Ленинград: Художественная литература, 1969.
- Гранин Д. А. *Зубр*. М.: Художественная литература, 1988.
- Грекова И. *На испытаниях*. М.: Советский писатель, 1990.
- Грекова И. *Дамский мастер*. М.: Текст, 1998.
- Грекова И. *Перелом; Фазан*. М.: Зебра Е: ЭКСМО, 2002.
- Гроссман В. С. *Жизнь и судьба*. Таллинн: Ээсти Раамат, 1990.
- Давыдов Ю. В. *Жемчужины Филда*. М.: ВАГРИУС, 1999.
- Дворецкий Л. *Шакалы*. М.: Вагриус, 2000.
- Делилло В. *Белый шум*. М.: ЭКСМО, 2003.
- Довлатов С. Д. *Ремесло; Наши*. Таллинн, 1991.
- Довлатов С. Д. *Собрание прозы: в трех томах. Том 2, Ремесло; Наши; Чемодан; Виноград; Встретились, поговорили; Ариэль; Игрушка*. Санкт-Петербург: Лимбус-Пресс, 1993.
- Довлатов С. Д. *Заповедник*. Санкт-Петербург: Новый Геликон, 1996.
- Донцова Д. *Микстура от косоглазия*. М.: Эксмо, 2003.
- Донцова Д. *Уха из золотой рыбки*. М.: Эксмо, 2003.
- Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. Т. 2*. СПб.: Маркс, 1894.
- Достоевский Ф. М. *Неточка Незванова*. М.: Советская Россия, 1981.
- Достоевский Ф. М. *Преступление и наказание; Бедные люди; Дядюшкин сон*. М.: Художественная литература, 1983.

- Достоевский Ф. М. *Братья Карамазовы*. М.: Художественная литература, 1985.
- Иванова Л. *Искренне ваша грешница*. М.: Вагриус, 2000.
- Каверин В. А. *Открытая книга*. М.: Молодая гвардия, 1956.
- Каверин В. А. *Перед зеркалом*. М.: Советский писатель, 1972.
- Кнорре Ф. Ф. *Избранные произведения. Том 1, Повести; Рассказы*. М.: Художественная литература, 1984.
- Кожевников В. М. *Щит и меч. Книга 1*. М.: Юнисам, 1993.
- Короленко В. Г. *Чудная: В дурном обществе*. М.: Советская Россия, 1987.
- Кросс Я. *Императорский безумец*. Таллинн: Ээсти раамат, 1987. (Перевод О. Самма).
- Крылов И. А. *Басни*. М.: Художественная литература, 1966.
- Куваев О. М. *Территория*. М.: Пофиздат, 1984.
- Лагин Л. И. *Старик Хоттабыч; Патент АВ; Остров разочарования*. М.: Советский писатель, 1961.
- Ладинский А. П. *Анна Ярославна – королева Франции*. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд., 1994.
- Ландшафт моих воображений: страницы прозы русского сентиментализма*. Сост. В. И. Коровин. М.: Современник, 1990.
- Львов А. Л. *Двор*. М.: Художественная литература, 1992.
- Левин Б. М. *Блуждающие огни: жизнеописание; Иностранное тело: проза и поэзия*. М.: Захаров, 2002.
- Леонтев К. Н. *Восток, Россия и славянство*. М.: Республика, 1996.
- Лермонтов М. Ю. *Герой нашего времени*. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962.
- Лермонтов М. Ю. *Лирика*. М.: Издательство художественной литературы, 1963.
- Лесков Н. С. *Леди Макбет Мценского уезда*. Архангельск: Кн. изд-во, 1959.
- Лесков Н. С. *Собрание сочинений в 12 т. Том 3*. М.: Правда, 1989.
- Лимонов Э. В. *Собрание сочинений: в 3-томах. Том 1, У нас была Великая Эпоха; Подросток Савенко; Молодой негодяй*. М.: Вагриус, 1998.
- Липскеров Д. М. *Сорок лет Чанчжоз*. М.: Вагриус, 1996.
- Лотман Ю. М. *Структура художественного текста*. М.: Искусство, 1970.
- Лукьяненко С. *Ночной Дозор*. М.: АСТ, 2003.
- Лутс О. *Лето: картинки юношеских лет*. Таллинн: Ээсти раамат, 1968. (Перевод Б. Лийвак).
- Лутс О. *Весна: картинки из школьной жизни*. Таллинн: Периодика, 1984. (Перевод Б. Лийвак).
- Лутс О. *Осень: новые истории про Тоотса*. Таллинн: Eesti Kultuurikeskus «Vene Entsüklopeedia», 2003. (Перевод Н. Яворская).
- Маканин В. С. *Отдушина; Голоса; Отставший; Утрата; Один и одна*. М.: Известия, 1990.
- Мамин-Сибиряк Д. Н. *Собрание сочинений: в восьми томах. Том третий*,

- Горное гнездо; Дикое счастье.* М.: Гослитиздат, 1954.
- Мамин-Сибиряк Д. Н. *Приваловские миллионы.* Орел: Кн. изд-во, 1958.
- Мандельштам Н. Я. *Воспоминания.* М.: Согласие, 1999.
- Мелентьев В. *33-е марта.* Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1968.
- Мстиславский С. Д. *На троне. Книга 1, Крыша мира.* М.: Недра, 1925.
- Набоков В. В. *Король, дама, валет; Машенька.* М.: АСТ; Харьков: Фолио, 1999.
- Найман А. Г. *Славный конец бесславных поколений.* М.: ВАГРИУС, 1998.
- Национальный корпус русского языка* (<http://www.ruscorpora.ru/>)
- Никулин Л. В. *России верные сыны: исторический роман.* М.: Советский писатель, 1950.
- Никулин Ю. В. *Почти серьезно...* М.: Терра, 1995.
- Новиков-Прибой А. С. *Капитан 1-го ранга.* М.: Художественная литература, 1980.
- Обручев С. В. *В неизведанные края: путешествия на Север. 1917–1930 гг.* М.: Молодая гвардия, 1954.
- Островский Н. А. *Рожденные бурей.* М.: Госполитиздат, 1944.
- Островский А. Н. *Лес: комедия в 5-ти действиях.* М.; Ленинград: Искусство, 1950.
- Панова В. Ф. *Повести.* Ленинград: Советский писатель, 1969.
- Паустовский К. Г. *Золотая роза. Избранное.* М.: ЭКСМО, 2003.
- Пелевин В. О. *Синий фонарь.* М.: Текст, 1991.
- Писемский А. Ф. *Тысяча душ.* М.: Художественная литература, 1988.
- Прилепин З. *Дорога в декабре.* М.: Астрель, 2012.
- Пришвин М. М. *Моя страна.* М.: Географгиз, 1954.
- Пушкин А. С. *Лирика.* М.: Гослитиздат, 1963.
- Пушкин А. С. *Повести покойного Ивана Петровича Белкина.* Ленинград: Художественная литература, 1974.
- Радищев А. Н. *Путешествие из Петербурга в Москву.* М.: Детская литература, 1970.
- Распутин В. Г. *Повести: Прощание с Матерой; Живи и помни; Последний срок; Деньги для Марии.* Москва: Молодая гвардия, 1976.
- Рекемчук А. Е. *Молодо-зелено.* М.: Советский писатель, 1962.
- Розов В. С. *Удивление перед жизнью.* М.: ВАГРИУС, 2000.
- Руденко Б. Убить дракона. Возможно ли победить коррупцию в России // *Наука и жизнь*, № 10, 2009.
- Рыбаков А. Н. *Тяжелый песок.* М.: Советский писатель, 1982.
- Семпер Й. *Красные гвоздики.* М.: Советский писатель, 1956. (Перевод Л. Тоом).
- Симонов К. М. *Живые и мертвые.* М.: Советский писатель, 1960.
- Симонов К. М. *Последнее лето.* М.: Советский писатель, 1971.

- Симонов А., Фролов С. Спортивный репортаж: водное поло. СССР – Италия (женщины). Чемпионат мира по водным видам спорта. 20.07.2011 // *Т/к "Россия-2"*, прямой эфир, 2011.
- Смуул Ю. *Ледовая книга. Японское море, декабрь*. Таллинн: Ээсти Раамат, 1988. (Перевод Л. Тоом).
- Солженицын А. И. *Один день Ивана Денисовича*. М.: Русский путь, 1997.
- Сологуб Ф. К. *Мелкий бес*. М.: Художественная литература, 1988.
- Таммсааре А. Х. *Правда и справедливость*. Таллинн: KPD Kirjastus, 1998. (Перевод О. Наэль).
- Татищев В. Н. *Избранные произведения*. Ленинград: Наука, 1979.
- Тендряков В. Ф. *Суд*. М.: Советский писатель, 1961.
- Толстой А. Н. *Полное собрание сочинений. Том 7, Хождение по мукам: трилогия: Сестры; Восемнадцатый год*. М.: Гослитиздат, 1947.
- Толстой А. Н. *Повести и рассказы*. М.: Московский рабочий, 1957.
- Толстой А. Н. *Золотой ключик, или Приключения Буратино*. М.: Детская литература, 1964.
- Толстой Л. Н. *Война и мир. Том 1–2*. М.: Гослитиздат, 1956.
- Толстой Л. Н. *Война и мир. Том 3–4*. М.: Гослитиздат, 1956.
- Толстой Л. Н. *Севастопольские рассказы*. М.: Детская литература, 1969.
- Толстой Л. Н. *Анна Каренина*. М.: Художественная литература, 1976.
- Тропоцкий Г. Н. *Проход семнадцатый и другие: записки агронома*. М.: Советский писатель, 1954.
- Тургенев И. С. *Записки охотника*. М.: Гослитиздат, 1948.
- Тургенев И. С. *Повести и рассказы*. М.: Гослитиздат, 1955.
- Улицкая Л. Е. *Пиковая дама и другие*. М.: ВАГРИУС, 2001.
- Успенский Г. И. *Собрание сочинений в девяти томах. Том 5, Крестьянин и крестьянский труд; Власть земли; Из разговоров с приятелями; Пришло на память; Бог грехам терпит; Очерки и рассказы*. М.: Гослитиздат, 1956.
- Устинова Т. В. *Большое зло и мелкие пакости*. М.: Эксмо, 2006.
- Фадеев А. А. *Молодая гвардия*. М.: Просвещение, 1986.
- Федин К. А. *Первые радости*. Куйбышевск: обл. гос. изд-во, тип. им. Маяги, 1949.
- Цитаты и афоризмы*. (<http://quote-citation.com>) (дата просмотра 21.05.2015.)
- Чаянов А. В. *Венецианское зеркало*. М.: Современник, 1989.
- Чернышевский Н. Г. *Что делать?: из рассказов о новых людях*. Ленинград: Лениздат, 1970.
- Чехов А. П. *Полное собрание сочинений и писем*. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1944–1951.
- Чехов А. П. *Юмористические рассказы*. М.: Профиздат, 1947.
- Чехов А. П. *Собрание сочинений в восьми томах. Том 3*. М.: Правда, 1970.

- Чехов А. П. *Полное собрание сочинений и писем*. М.: Наука, 1974.
- Чехов А. П. *Пьесы*. М.: Художественная литература, 1982.
- Шварц Е. Л. *Клад; Снежная королева; Голый король; Тень; Дракон; Два клена; Обыкновенное чудо; Повесть о молодых супругах; Золушка; Дон Кихот*. Ленинград: Советский писатель, 1960.
- Шишков В. Я. *Угрюм-река: роман: в 2 т.* М.: Правда, 1957.
- Шолохов М. А. *Собрание сочинений в семи томах. Том 3. Тихий Дон*. М.: Молодая гвардия, 1956.
- Шолохов М. А. *Поднятая целина*. М.: Молодая гвардия, 1962.
- Эренбург И. Г. *Буря*. М.: Советский писатель, 1948.
- Эртель А. И. *Записки степняка*. Воронеж: Кн. изд-во, 1958.
- Юзефович Л. *Костюм Арлекина*. М.: Вагриус, 2001.
- Akunin B. *Azazel*. Tallinn: Tänapäev, 2003. (Tõlk. J. Ojamaa).
- Akunin B. „*Leviathan*“. Tallinn: Tänapäev, 2003. (Tõlk. J. Ojamaa).
- Akunin B. *Surma armuke*. Tallinn: Tänapäev, 2005. (Tõlk. V. Matsov).
- Akunin B. *Riiginõunik*. Tallinn: Tänapäev, 2005. (Tõlk. V. Matsov).
- Akunin B. *Surma kallike*. Tallinn: Tänapäev, 2005. (Tõlk. V. Einberg).
- Andrejev L. *Saatana päevik*. Tallinn: Perioodika, 1982. (Tõlk. V. Krimm)
- Baklanov G. *Jalatais maad*. Tallinn: Eesti Raamat, 1986. (Tõlk. L. Remmelgas, M. Vaga, J. Ojamaa).
- Belials V., Simpson M. *Existerion*. Tallinn: Varrak, 1999.
- Beljajev V. *Vana kindlus*. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1955. (Tõlk. H. Dre-sen).
- Biin A. *Kõik, mida pole*. Tallinn: Eesti Raamat, 1997.
- Biin. A. *Peegelleitnandid*. Tallinn: Kuldsulg, 2001.
- Bristol P. *Maailm, mis on hea*. Tartu: Ilmamaa, 2011.
- Bulgakov M. *Meister ja Margarita*. Tallinn: Varrak, 1995. (Tõlk. M. Varik, J. Ojamaa).
- Bulgakov M. *Jutustused. Batum*. Tallinn: Tänapäev, 2003. (Tõlk. V. Einberg).
- Bulgakov M. *Noore arsti märkmed; Morfium*. Tallinn: Tormikiri, 2010. (Tõlk. A. Erenvert).
- DeLillo D. *Valge müra*. Tallinn: Pegasus, 2005.
- Dontsova D. *Kõõrdsilmsusemikstuur*. Ersen, 2003. (Tõlk. E. Ormus).
- Dostojevski F. *Igavene abikaasa ja teised jutustused*. Tartu; Tallinn: Loodus, 1939. (Tõlk. J. Šumakov, A. Hanko ja L. Kenn).
- Dostojevski F. *Vennad Karamazovid. I*. Tallinn: Kupar, 2001. (Tõlk. A. Kurfeldt).
- Dostojevski F. *Vennad Karamazovid. II*. Tallinn: Kupar, 2001. (Tõlk. A. Kurfeldt).
- Dovlatov S. *Kompromiss; Meie omad*. Tallinn: Kupar, 1995. (Tõlk. V. Matsov).
- Dovlatov S. *Kompromiss; Kaitseala*. Tallinn: Tänapäev, 2011. (Tõlk. V. Matsov).
- Dovlatov S. *Tsoon; Kohver*. Tallinn: Tänapäev, 2014. (Tõlk. J. Ojamaa).

- Eesti Päevaleht* 24.01.1997. (<http://epl.delfi.ee/news/eesti/parnus-kallineebussisoit?id=50735296>) (дата просмотра 23.10.2014.)
- Ehrenburg I. *Torm. 1. raamat*. Tallinn: Ilukirjandus ja Kunst, 1949. (Tõlk. J. Kurfeldt).
- Ehrenburg I. *Torm. 2. raamat*. Tallinn: Ilukirjandus ja Kunst, 1949. (Tõlk. J. Kurfeldt).
- Fedin K. *Esimesed rõõmud*. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1950. (Tõlk. V. Linask).
- German J. *Üks aasta: romaan*. Tallinn: Eesti Raamat, 1972. (Tõlk. M. Jürna).
- Gogol N. *Jutustused*. Tallinn: Eesti Raamat, 1970. (Tõlk. J. Tamm, P. Viiding).
- Gontšarov I. *Järsak*. Tallinn: Ilukirjandus ja Kunst, 1949. (Tõlk. E. Hange).
- Gontšarov I. *Oblomov*. Tallinn: Eesti Raamat, 1979. (Tõlk. A. H. Tammsaare).
- Granin D. *Otsijad*. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1957. (Tõlk. H. Luik).
- Granin D. *Pürg*. Tallinn: Eesti Raamat, 1990. (Tõlk. M. Lott).
- Grossman V. *Elu ja saatus*. Tallinn: Eesti Raamat, 2003. (Tõlk. A. Blumenfeldt).
- Hargla I. *Palveränd uude maailma*. Tallinn: Varrak, 2003.
- Herzen A. *Minevik ja mõtted. 1*. Tallinn: Eesti Raamat, 1971. (Tõlk. A. Klejnot).
- Kasemaa A. *Metsad kõnelevad*. Tallinn: Eesti Raamat, 2001.
- Kaverin V. *Avatud raamat*. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1956. (Tõlk. M. Jürna).
- Kino Artis (<http://www.kino.ee/Event/2235/>)
- Korv N. *Estofiil Pasi Suikki seob oma tulevikku Eestiga* // Postimees 02.14. 1996. C. 5.
- Kross J. *Keisri hull*. Tallinn: Eesti Raamat, 1978.
- Krõlov I. *Valitud valmid*. Tallinn: Eesti Raamat, 1969. (Tõlk. E. Hiir jt).
- Kunnas L. *Kustumatu valguse maailm. Sõdurjumala teener*. Tallinn: Tuum, 2001.
- Kuvajev O. *Territoorium*. Tallinn: Eesti Raamat, 1977. (Tõlk. V. Krimm).
- Kõusaar K. *Ego*. Tallinn: Tuum, 2001.
- Lagin L. *Vanake Hottabõts*. Tallinn: Eesti Raamat, 1971. (Tõlk. E. Hange).
- Lermontov M. *Meie aja kangeline*. Tallinn: Eesti Raamat, 1967. (Tõlk. V. Linask).
- Lermontov M. *Luuletusi ja poeeme*. Tallinn: Eesti Raamat, 1982. (Tõlk. V. Daniel jt).
- Lotman J. *Kunstilise teksti struktuur*. Tallinn: Tänapäev, 2006. (Tõlk. P. Lias).
- Luik V. *Ajaloo ilu*. Tallinn: Eesti Raamat, 1991.
- Lukjanenko S. *Öine vahtkond*. Tallinn: Varrak, 2008. (Tõlk. T. Rõigas).
- Luts O. *Suvi. Pildikesi noorpõlvest*. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1954.
- Luts O. *Kevade. Pildikesi koolipõlvest*. Tallinn: Eesti Raamat, 1965.
- Luts O. *Sügis. I ja II: Tootsi-lugude järg*. Tallinn: Eesti Raamat, 1989.
- Makanin V. *Hingekosutus*. Tallinn: Perioodika, 1986. (Tõlk. T. Laansoo jt).
- Mamin-Sibirjak D. *Privalovite miljonid*. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1952. (Tõlk. N. Toiger).

- Mamin-Sibirjak D. Mamin-Sibirjak D. *Mägipesa*. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1957. (Tõlk. P. Maidre).
- Mihkelson E. *Ahasveeruse uni*. Tallinn: Tuum, 2001.
- Nikulin L. *Venemaa ustavad pojad*. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1953. (Tõlk. A. Adari).
- Novikov-Priboi A. *Esimese järgu kapten*. Tallinn: Ilukirjandus ja Kunst, 1946. (Tõlk. O. Samma).
- Oks J. *Vaevadema*. Tallinn: Perioodika, 1967.
- Panova V. *Valja; Volodja; Serjoža*. Tallinn: Eesti Raamat, 1979. (Tõlk. D. Vaarandi, M. Varik).
- Pelevin V. *Sinine latern*. Tallinn: Atlantise Kirjastus, 2002. (Tõlk. V. Indrikson).
- Postimees* 22.10.1996. (<http://www.postimees.ee/2489703/raudtee-muuki-ei-ole-ette-ara-otsustatud-aktsiaselts-parast-aastavahetust-luuakse-raudtee-administratsioon-strandberg-ja-kolbakov-kaaluvad-lekto-ostmist-sakslased-loobusid-lektost-inglise-nael-tousis-ajalehtede-mojul-eesti-naftafirmad-ei-vota-kuuldu>) (дата просмотра 23.10.2014.)
- Prišvin M. *Elujuur. Proosapoeeme ja lugusid loodusest*. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1964. (Tõlk. J. Piik).
- Puškin A. *Luuletusi ja poeeme*. Tallinn: Eesti Raamat, 1977. (Tõlk. B. Alver jt).
- Rasputin V. *Ela ja mäleta*. Tallinn: Eesti Raamat, 1977. (Tõlk. V. Krimm).
- Remso O. *Margit Puusaag ja tema mehed*. Tallinn: Wellesto, 2001.
- Rõbakov A. *Raske liiv*. Tallinn: Eesti Raamat, 1983. (Tõlk. P. ja L. Mõtsküla).
- Semper J. *Punased nelgid*. Tallinn: Eesti Raamat, 1959.
- Simonov K. *Elavad ja surnud*. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1962. (Tõlk. M. Jürna).
- Smuul J. *Jäine raamat; Jaapani meri, detsember*. Tallinn: Eesti Raamat, 1965.
- Solženitsõn A. *Üks päev Ivan Denissovitši elus*. Tallinn: Ajalehtede-Ajakirjade Kirjastus, 1963. (Tõlk. L. Meri, E. Sarv).
- Šolohhov M. *Vaikne Don*. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1957. (Tõlk. A. Kurfeldt).
- Šolohhov M. *Üleskiütud uudismaa*. Tallinn: Eesti Raamat, 1975. (Tõlk. F. Kõlli).
- Švarts J. *Alasti kuningas*. Tallinn: Eesti Raamat, 1973. (Tõlk. K. Ruus).
- Tammsaare A. H. *Tõde ja õigus I*. Tallinn: Ilukirjandus ja Kunst, 1947.
- Tolstoi A. *Siug*. Tallinn: Ajalehtede ja Ajakirjade Kirjastus, 1958. (Tõlk. D. Vaarandi).
- Tolstoi A. *Kuldvõtmeke, ehk, Buratino seiklused*. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1964. (Tõlk. H. Mänd)
- Tolstoi A. *Nikita lapsepõlv*. Tallinn: Eesti Raamat, 1974. (Tõlk. J. Piik).
- Tolstoi A. *Kannatuste rada. 1.: Õed*. Tallinn: Eesti Raamat, 1975. (Tõlk. J. J. Kurfeldt).
- Tolstoi L. *Sevastopoli jutustused*. Tallinn: Ilukirjandus ja Kunst, 1949. (Tõlk. V. Vent).
- Tolstoi L. *Anna Karenina. 1*. Tallinn: Eesti Raamat, 1978. (Tõlk. S. Holberg).

- Tolstoi L. *Anna Karenina*. 2. Tallinn: Eesti Raamat, 1978. (Tõlk. S. Holberg).
- Trojepolski G. *Prohhor seitsmeteistkümmes ja teised: agronoomi märkmikust*. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1957. (Tõlk. H. Joasoon jt).
- Tšehhov A. *Abieluettepanek*. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1958. (Tõlk. H. Luik).
- Tšehhov A. *Valitud teosed. Novelle ja jutustusi (1880–1884). I köide*. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1960. (Tõlk. V. Linask jt).
- Tšehhov A. *Reisimärkmeid ja kirju*. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1963. (Tõlk. P. Viires, J. Tamm).
- Tšehhov A. *Valik novelle; Kajakas*. Tallinn: Eesti Raamat, 1968. (Tõlk. V. Linask jt).
- Tšehhov A. *Jutustused*. Tallinn: Tänapäev, 2005. (Tõlk. V. Linask jt).
- Tšehhov A. *Näidendid*. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1963. (Tõlk. H. Luik, V. Rajassar, E. Raudsepp, J. Tamm).
- Tšehhov A. *Humoorikad jutustused*. Tallinn: Tänapäev, 2007. (Tõlk. V. Linask jt).
- Tšernõševski N. *Mida teha?: jutustusi uutest inimestest*. Tallinn: Eesti Raamat, 1979. (Tõlk. V. Daniel).
- Turgenev I. *Küti kirjad*. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1959. (Tõlk. E. Krusten).
- Ustinova T. *Suur kurjus ja väiksemad nurjatused*. Tallinn: Ersen, 2002. (Tõlk. T. Rahu).
- Vahtra J. *Minu noorusmaalt. III, Autobiograafilisi pilte ja jutustusi aastailt 1909–1918*. Tartu: Noor-Eesti, 1936.
- Vassiljev B. *Sõda algas homme*. Tallinn: Perioodika, 1985.
- Veller M. *Nevski prospekti legendid*. Tartu: Fontese Kirjastus, 2005. (Tõlk. T. Himma).
- Vilde E. *Külmale maale*. Tallinn: Ilukirjandus ja Kunst, 1947.
- Voinovitš V. *Moskva 2042*. Tallinn: Kiil Kirjastus, 2011. (Tõlk. A. Pekkonen).
- ÜÕÕ = *Üle õue õunapuud: valimik eesti rahvajutte, laule, mõistatusi ja vana-sõnu*. Koostanud E. Normann ja S. Lätt. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1955.

„Väljaspool meie mõistust
ei ole olemas minevikku,
olevikku ega tulevikku“
(Don DeLillo *Valge müra*)

Grammatika rollist tõlkes (vene ja eesti keele ajavormide näitel)

KOKKUVÕTE

Selles väitekirjas on uuritud grammatika rolli vene-eesti tõlkes. Objektiivsetel põhjustel ei ole võimalik vaadelda mõlema keele tervet grammatiliste vormide süsteemi, seetõttu on analüüsi materjaliks valitud verbi ajavormid, nende semantika, funktsionaalne eripära, sh stiilinüansid ning nende faktorite arvestamine tõlkimisel. Eriti oluline on see ilukirjandustekstides, kuid võib tähtsaks osutuda ka näiteks ajakirjanduslikes kirjutistes ning teisteski tekstitüüpides.

Alustuseks tuleks põgusalt peatuda vene-eesti tõlkeajalool.

Vene-eesti tõlke ajalugu

Ei tohi unustada, et teatud perioodidel on vene keel mänginud Eestis üliolulist rolli. Nüüdseks on olukord muutunud, kuid 2011. a rahvaloenduse andmetel on vene keel emakeeleks või esimeseks keeleks 24,8%-l Eesti elanikkonnast [Eesti Statistika 2011].

Seitsme sajandi jooksul, kuni 19. sajandi lõpuni oli Eesti territooriumil peamiseks asjaajamiskeeleks saksa keel, seejärel võttis selle rolli üle vene keel. Eesti keel sai ametliku keele staatuse alles 1918. a seoses Eesti iseseisvumisega. Pärast Eesti liitmist Nõukogude Liiduga 1940. aastal taastati vene keele ametlik staatus Eestis ning sellest sai ametlik asjaajamiskeel tervel NSVLi territooriumil. Iseseisvuse taastamise järel, 1991. aastal, sai eesti keelest taas ametlikult riigikeel ning vene keel kaotas osa oma funktsioonidest [Кюльмоя 2009: 12], kuid kahtlemata ei ole selle mõju täielikult kuhugi taandunud⁵⁹.

Oletatavasti oli esimeseks vene keelest eesti keelde tõlgitud ilukirjanduslikuks tekstiks 1806. a esimeses eestikeelses ajalehes „Tarto maa rahwa Nädali-Leht“ ilmunud N. Karamzini jutustuse „Frol Silini“ tõlge [Issakov 1974: 319]. 19. saj 20. aastatest alates hakkas eesti keelde tehtavate tõlgete arv kasvama, kuigi eelkõige oli tegu erinevate tarbetekstidega: ametlikud ukaasid,

⁵⁹ Võimalikest vene keele mõjudest eesti keeles vt [Blokland, Kehayov 2010].

seadused jms. 19. saj keskel ilmus I. Lunini eesti-vene sõnaraamat („Эстонско-русский словарь“, 1853).

Teine vene-eesti tõlke periood algab 19. saj 80. aastatel, alates sellest ajast kasvas vene keelest tehtud tõlgete arv märgatavalt. U. Liivaku hinnangul on tegu väga olulise perioodiga, mis kestis kuni I maailmasõja alguseni, kuna just sellel ajal ilmusid esimesed terminoloogiasõnaraamatud ning suurenes ka tarbekirjanduse tõlgete arv [Liivaku, Meriste 1975: 3].

Järgmisena võib esile tuua Eesti iseseisvuse perioodi (1918–1940)⁶⁰, mil toimus paralleelselt kaks protsessi: raamatuid trükiti rohkem kui kunagi varem, kuid samal ajal vähenes tõlkekirjanduse hulk. Oluline muudatus toimus ka tõlgitavate keelte osas, esikohale tõusis inglise keel.

Pärast II maailmasõda ning Eesti poliitilise olukorra muutumist võidutses tõlgitavate keelte pingereas taas vene keel – ligikaudu 88% kõikidest tõlgetest. Pärast sõda valitses tõsine puudus professionaalsest tõlkijatest. On väidetud, et ilukirjanduse tõlgete kvaliteet on Eestis olnud alati kõrgem kui tarbetekstide oma. Peamiseks põhjuseks peetakse asjaolu, et ilukirjanduse tõlkijad moodustasid püsiva grupi, samal ajal kui tarbetekstide tõlkijate hulgas oli palju juhuslikke kogemusteta tõlkijaid.

Rääkides vene-eesti tõlke hetkeolukorrast, tuleb mainida, et juba alates 20. saj 90. aastatest on vene keel taas pidanud loovutama oma juhtiva koha tõlgitavate keelte pingereas, eelkõige inglise keelele. Siiski ei ole vene-eesti tõlked täiesti kadunud, endiselt tõlgitakse ilukirjandust, kuigi tõlgete maht on võrreldes 20. saj keskpaigaga loomulikult oluliselt vähenenud. Lähtudes eelpool toodud rahvaloenduse andmetest on selge, et suurem nõudlus on tegelikult eesti-vene tõlke järele ning silmas pidades just tarbetekste.

Grammatika rollist tõlkes

Enne kui üritada määratleda grammatika rolli tõlkes, tuleks põgusalt peatuda tõlke positsioonil keeleteaduses üldisemalt. Raamatu *Cognitive Linguistics and Translation* autorite väitel on tõlketeaduse ja lingvistika vahel olnud alati „armastuse-vihkamise“ suhe [Rojo, Ibarretxe-Antuñano 2013: 3].

Pikka aega peeti tõlget kirjandusteaduse pärusmaaks, kuna suurem osa tõlkijaid olid tegelikult ise ka professionaalsed kirjanikud. Nii näiteks kirjutas A. K. Tolstoi 1867. a, et tõlkida ei tule sõnu, mõnikord isegi mitte mõtet, vaid kõige olulisem on anda edasi muljet [ПИОП 1960: 321]. E. Etkindi sõnul „tekkis tõlketeoorias ja -praktikas järsult kaks suunda: lingvistiline ja kirjandusteaduslik, ning mõlemad väljendavad teineteise suhtes seletamatut sallimatust. „Alguses oli sõna“, väidavad keeleteadusliku suuna esindajad, kes peavad tõlketooriat eelkõige lingvistika valdkonnaks. „Alguses oli kunstiline kujund“, väidavad nende vastased, kes arvavad, et kirjandusteadus on eranditult just see

⁶⁰ Tõkeloost Eestis 20. sajandil vt [Gielen: 2013]

teadusharu, mis peab uurima ilukirjanduslikku tõlget, kuna see kuulub kunsti valdkonda ning ei allu mitte mingil moel keeleteadusele“ [Эткинд 1970: 24].

19. saj esitles Wilhelm von Humboldt *tõlkimatus teooriat*, mille peamiseks ideeks oli see, et tõlge peab ammendavalt andma edasi originaalteksti, tõlge peab sisaldama kõiki aspekte, mis on olemas originaalis. Just sellel põhjusel ütles W. Humboldt, et tõlge on põhimõtteliselt võimatu juba ainuüksi lingvistilistel põhjustel. Rääkimata sellest, et tõlkija ei suuda kunagi täiuslikult anda edasi teksti autori individuaalset ja unikaalset kirjutamisstiili.

W. Humboldti mõtteviisi võtsid omaks mitmed keeleteadlased. Täpsemalt sõnastas W. Humboldt oma mõtted kirjas saksa kirjanikule ja tõlkijale A. Schlegelile, kus kirjutas, et tema meelest saab tõlkija tõlkida vaid kahel viisil:

- 1) keskendub liialt originaalile ja seetõttu kannatab tõlke kvaliteet või
- 2) keskendub liialt tõlkele ja ei arvesta piisavalt originaaliga ning seetõttu kannatab jällegi tõlke kvaliteet [vt selle kohta Левицкая, Фитерман 1963: 30].

E. Nida toob välja kaks põhjust, miks Lääne-Euroopas ja USA-s tekkis lingvistiline tõlketeooria suhteliselt hilja. Eelkõige ei ole lingvistid tegelenud praktilise tõlkega ja tõlkijate koolitamisega, neid ülesandeid on täitnud filoloogid ning tähelepanu keskmes on olnud kirjanduslike vormide õppimine ja mitte keelestruktuuride analüüs. Teiseks pöörati keeleteaduses pikka aega vähe tähelepanu semantikale ning kõrvutatav analüüs ei pakkunud huvi, kuna keskenduti eelkõige vormile ning mitte tähendusele [Найда 1970: 4–5].

Samas tõestavad keeleteaduse praegusaegsed saavutused, et adekvaatne tõlge on võimalik vaid leksika ja grammatika koostoimel. Paljude nüüdisaegsete keeleteaduse suundade, näiteks funktsionaalse grammatika seisukohast ei ole otstarbekas tõmmata selget piiri grammatika ja leksika vahele [Князев 2007: 15].

Ei ole põhjust kahelda selles, et grammatika uurimise uued suunad (funktsionaalne, kommunikatiivne, semantiline grammatika) soodustavad grammatika rolli mõistmist tõlkes, kuna need on keskendunud just grammatiliste funktsioonide ja tähenduste uurimisele. A. Lange sõnul tähendab tõlge muuhulgas ühe keele grammatika väljavahetamist teise keele grammatikaga ning kalkeerida saab siin vähe [Lange 2008: 23].

Loomulikult ei saa eelpool öeldust järeldada, et kõige raskem on tõlkes anda edasi grammatilisi vorme ja tähendusi. Näiteks R. Jakobson on öelnud, et kui keeles puudub mingisugune grammatiline nähtus, ei tähenda see sugugi, et selles keeles ei ole võimalik täpselt edasi anda originaalis sisalduvat infor-matsiooni [Якобсон 1978: 19]. Sageli on nii, et tähendused, mida ühes keeles edastatakse leksikaalsete vahenditega, võivad teises keeles olla grammatilised [Бархударов 1975: 153].

Kuna eri keelte struktuurid ei ole isomorfsed, siis tekivad tõlkes mitmesugused transformatsioonid. A. Šveitser toob välja järgmised muutused: ühede morfoloogiliste vahendite asendamine teistega, morfoloogiliste vahendite asendamine süntaktiliste vahenditega, ühede süntaktiliste vahendite asendamine

teistega ning lõpuks grammatiliste vahendite asendamine leksikaalfraseoloogiliste vahenditega [Швейцер 1988: 206].

Siiski tuleb tunnistada, et mõningad grammatilised kategooriad võivad tõlkijale põhjustada suuremaid raskusi kui teised. Heaks näiteks on siinkohal grammatilise soo kategooria, mis on olemas vene keeles, kuid puudub eesti keeles (grammatilise sooga seotud tõlkeraskuste kohta vt Купп-Сазонов 2012; Купп-Сазонов 2013).

Tegelikuses ei ole lõplikult suudetud välja selgitada, miks tõlkija teeb konkreetsel juhul ühe või teise valiku. Psühholingvistikulised eksperimendid annavad teatud ettekujutuse sellest, kuidas tõlkija käitub, kuid nende katsete seletav jõud on piiratud, kuna tulemusi on sageli keeruline tõlgendada ning paljud protsessid, mis leiavad aset tõlkija ajus, ei ole praegu veel uuritavad [Комиссаров 1994: 8].

A. Fjodorov eristab kolme tüüpi keeltevahelist grammatilist erinevust:

- a) originaali keeles esineb elemente, millel puudub tõlke keeles formaalne grammatiline vaste (nt morfoloogilised tuleviku ajavormid vene keeles ning nende puudumine eesti keeles);
- b) tõlke keeles esineb elemente, millel puudub originaali keeles formaalne vaste (nt täis- ja enneminuslik eesti keeles ja nende vormide puudumine vene keeles);
- c) tõlke keeles esineb elemente, millel on olemas formaalsed vasted originaali keeles, kuid need erinevad oma funktsioonide poolest (vt umbisikuline tegumood eesti ja vene keeles [Кюльмоя 2003a: 92]) [Федоров 2002: 197–198].

Sage on olukord, kus ühte grammatilist konstruktsiooni on võimalik sõltuvalt kontekstist tõlkida mitmel moel [Швейцер 1963: 5–12].

R. Jakobson arvas, et originaali on keerulisem järgida, kui me tõlgime keelde, milles esineb grammatiline kategooria, mis puudub algkeeles, sest siis oleme me sunnitud ise tegema valiku võimalike variantide hulgast [Якобсон 1978: 20]. Üldiselt võiks arvata, et tegelikult suurt erinevust ei ole, sest mõlemal juhul (kas mingi grammatiline kategooria on olemas ühes või teises keeles) peab tõlkija üritama jõuda grammatilise vormi tähenduse olemuseni ning otsima sellele parima vaste oma emakeeles.

Töö autor soovib rõhutada, et me võime küll rääkida grammatiliste vormide tõlkimatusest, kuid me ei saa rääkida nende tähenduste tõlkimatusest. Tõlkija, kes valdab oma emakeelt ning teab ka kõiki grammatilisi peensusi, tõenäoliselt isegi ei mõtle sellele, millist vormi käsitleta juhul valida, kuid kuna analüüsi käigus on selgunud mõned momendid, mis tõestavad seda, et mõnikord oleks siiski oluline ka konkreetselt mõelda vormi valiku peale, siis võib öelda, et grammatika rolli küsimus tõlkes on aktuaalne ning siiani veel väheuuritud probleem.

Üldiselt kehtib seisukoht, et kontekst peaks aitama teha tõlkijal vormi osas õige valiku, samas aga on L. Barhudarov tähendanud, et tõlkimisel inglise keelest vene keelde võib juhtuda, et kontekstist ei ilmne, mil moel tegevused täpselt kulgevad ning sellisel juhul on vene keelde tõlkija keerulises olukorras, kuna ta peab otsustama ühe või teise aspekti vormi kasuks, millest omakorda

ilmneb selge semantiline erinevus, kuigi originaalis see puudub [Бархударов 1975: 145–146].

A. Fjodorov märgib veel, et grammatilised variandid, mis väljendavad enam-vähem sama tähendust, võivad olla stilistiliselt ebavõrdsed, mis tähendab seda, et need ei saa üksteist kõikides võimalikes kontekstides asendada [Федоров 2002: 219].

Teadlastest, kes on tegelenud tõlke lingvistiliste küsimustega, tuleks nime-tada järgmisi spetsialiste: L. Barhudarov, V. Gak, V. Komissarov, I. Revzin, J. Retsker, V. Rozentsveig, A. Fjodorov, M. Tsvilling, A. Šveitser, E. Etkind, J.-P. Vinay, J. Darbelnet, O. Kade, J. Catford, G. Mounin, E. Nida jpt.

Tuleb nõustuda V. Komissarovi väitega, et tõlketeooria on lahutamatu seotud tõlkepraktikaga. Kõik teoreetilised kontseptsioonid peavad kirjeldama tegeliku tõlkeprotsessi fakte, üldistama ja selgitama neid fakte. Teisest küljest peab teaduslik tõlketeooria avaldama mõju ka tõlketegevusele, seda lihtsustades ja rikastades [Комиссаров 1990: 15–16].

Dissertatsiooni eesmärk ja ülesehitus

Adekvaatne tõlge eeldab teksti semantika maksimaalselt täpset edasiandmist ühest keelest teise. Kuid teksti semantika moodustub mitmetest erinevatest komponentidest ning hõlmab, mitte ainult leksikat, vaid ka grammatiliste vormide tähendusi, pragmaatikat ja stilistilisi nüansse jms. Seetõttu võib eeldada, et tõlkes on oluline võtta arvesse ka grammatilist semantikat ja keelendite funktsionaalseid eripärasid. Uurimuse **eesmärk** on selgitada välja grammatilise semantika roll verbi ajavormide tõlkimisel ilukirjanduslikes tekstides vene keelest eesti keelde. Eesmärgi saavutamiseks tuleb lahendada **kaks peamist ülesannet**. Esiteks selgitada välja see, kui oluline on, mil määral üritab tõlkija anda edasi originaali aja semantikat, millised on paratamatud semantilised kaotused ning millised kaotused tulenevad sellest, et autori kavatsusi pole piisaval määral arvesse võetud või originaali ei ole täielikult mõistetud (eriti puudutab see ajavormi kasutamist sellele mitteomases kontekstis e metafoorkasutust). Teiseks püüab töö autor täpsustada eesti keele ajavormide kasutamise viise, kuna ajavormide metafoorkasutus ei ole eesti keele grammatikas siiani veel piisavalt tähelepanu pälvinud. Varasemates uurimustes on küll põgusalt käsitletud *praesens historicum*, kuid tegelikkuses on sarnaseid kasutamise viise veelgi.

Analüüsitavaks materjaliks on valitud eri perioodide (19. 20. ja 21. saj) venekeelne ilukirjandus ja selle tõlked eesti keelde. Näidete andmebaasi on kokku üle 600 näite, millest töös analüüsitakse 461. Materjalile ei kehtestatud väga rangeid ajalisi piire, kuna nõukogude ajal tõlgiti vene kirjandust eesti keelde väga palju (seega on suurem osa analüüsitavatest tõlgetest pärit just 20. saj keskpaigast ja teisest poolest). Teisest küljest aga, kuna eksisteerib seisukoht, et teatud eesti keele ajavormide (eelkõige täis- ja enneminevik) kasutuse

sagedus on periooditi olnud erinev (täpsemalt vt Metslang 19976), siis on oluline kaasata analüüsi ka 21. sajandi tõlkeid. Lisaks ilukirjandusele pärinevad üksikud näited ka teaduslikest kirjutistest, samuti reklaam- ja tarbetekestidest.

Peamiseks uurimismeetodiks on originaaltekstide ning tõlgete **kõrvutav lingvistiline analüüs**, seejuures võetakse arvesse vene ja eesti keele kontrastiivgrammatika andmeid. Analüüsi ühikuks on reeglina üks lause ja selle tõlge, kuid vajadusel tuuakse ära või kirjeldatakse lühidalt ka laiemat konteksti (lau-seid, mis asuvad tekstis analüüsitava näite ees ja/või taga).

Väitekirja põhiosa koosneb viiest peatükist, sissejuhatuses ja kokkuvõttest. Sissejuhatuses antakse lühike ülevaade vene-eesti tõlkest ja selle kriitikast, arutletakse grammatika rolli üle tõlketeoorias ning pannakse paika väitekirja eesmärk, ülesanded ja struktuur. Esimene peatükk on pühendatud uurimuse teoreetilistele alustele. Põhjalikumalt on vaadeldud käesoleva uurimuse seisukohast olulisi grammatika mõisteid (põhitähendus, sekundaartähendus, metafoorkasutus jms). Teine peatükk keskendub verbivormidele, mis väljendavad oleviku semantilist ala. Lisaks mõlema keele olevikuvormidele analüüsitakse selles peatükis ka neid ajavorme, mis metafoorkasutuse korral osalevad samuti oleviku semantika väljendamisel. Kolmandas peatükis on esitatud nende vormide analüüs, mis kas otseses või ülekantud kasutuses tähistavad tuleviku semantikat. Neljas peatükk on pühendatud verbivormidele, mis väljendavad mineviku semantilist ala. Viies peatükk keskendub tegusõnavormidele, mis teatud kasutusviisi puhul väljendavad ajas mittelokaliseeritust. Kokkuvõttes esitletakse peamised analüüsi tulemused ning tehakse järeldusi.

Väitekirja teoreetilise baasi moodustavad Peterburi funktsionaalse grammatika koolkonna lingvistide: A. Bondarko, M. Šeljakin, J. Maslov, V. Hrakovskij jt tööd. Eesti keele ajavormide kirjeldamisel lähtutakse eelkõige keeleteadlaste: H. Metslang, M. Ereht, A. Pihlak, K. Mihkla, A. Valmis jt uurimustest.

Vene ja eesti keele ajavorme on loomulikult kõrvutatud ka varem, näiteks selliste uurijate nagu E. Päll, A. Pihlak, B. Serebrennikov, A. Mölder, P. Eslon, I. Külmoja, K. Karu, N. Vaiss jt töödes. Kuid senini on keeleteadlased kõrvutamisel lähtunud eelkõige mõlema keele vormidest ning mõningates töödes ei ole metafoorkasutust üldse käsitletud. Ajavormide tõlkimisega seotud küsimusi hispaania-eesti tõlkes on oma doktoridissertatsioonis käsitlenud T. Lõbus [Lõbus 2012].

Siinse uurimuse seisukohast on oluline, et lähtutakse mitte verbivormist endast, vaid aluseks võetakse konkreetne ajaline ala, valdkond ning sellest lähtuvalt on eri ajavorme grupeeritud ja analüüsitud, kuna tõlke seisukohast on oluline just semantika ning mitte vorm ise. Nii näiteks analüüsitakse olevikuvormi esmalt oleviku semantilisele alale pühendatud peatükis ning seejärel ka mineviku semantilist valdkonda käsitlevas peatükis, kuna olevikuvorm *praesens historicum* kasutuses väljendab minevikus aset leidnud tegevust.

Ajavormide adekvaatne tõlge tähendab kahtlemata esiteks tähelepanelikku suhtumist originaalteksti autori kavatsustesse ning teiseks tõlkekeele võimaluste ja vahendite maksimaalset arvestamist. Grammatika rolli tõlkes ei tasu

alahinnata, nagu väidab J. Remtšukova: grammatika ei ole lihtsalt rangete ja igavate keelereeglite ning -normide kogum, vaid tegelikkuses võimaldab grammatika samasugust loomingulist lähenemist keelele nagu leksikagi [Ремчукова 2005: 23].

Väitekirja uurimistulemused

Tehtud analüüsi põhjal on võimalik esile tuua peamised põhjused, millest on tingitud raskused ajavormide tõlkimisel:

1. Sihtkeeles **puudub** konkreetne ajavorm, mis on olemas lähtekeeles. Vene ja eesti keele kõrvutamisel on selliseks vormiks näiteks futuurum. Eesti keeles puudub spetsiaalne morfoloogiline vorm tuleviku väljendamiseks ning seetõttu kasutatakse teisi vahendeid, et anda edasi tegevuse toimumist tulevikus (ajamäärused, analüütilised konstruktsioonid abi- või faasiverbidega jms, täpsemalt vt alapeatükki 3.3.2. *Средства выражения значения будущего времени в эстонском языке*).

2. Sihtkeeles **eksisteerib** vorm, mida pole lähtekeeles. Nii on eesti keeles minevikulise tegevuse väljendamiseks lisaks preteeritumile olemas ka täis- ja ennemineviku vormid. Seetõttu tuleb eesti tõlkijal tõlkides vene keele imperfektiivset või perfektivset minevikuvormi valida kolme eesti keele ajavormi vahel. Adekvaatse valiku tegemiseks on oluline mõista, kas konkreetset ajavormi kasutatakse originaaltekstis põhitähenduses või metafooriliselt ning samuti arvestada oma emakeele ajavormide kasutusreegleid.

3. Ajavorm **esineb** nii lähte- kui ka sihtkeeles, kuid selle teatud kasutusviisi (nt metafoorilise) puhul esineb sihtkeeles teatud piiranguid (nt *praesens historicum*, vt lk 138–139).

Tuleb märkida, et kuigi analüüsi käigus kõrvutatakse grammatilisi vorme, on tõlke seisukohast oluline loomulikult see, kas antakse edasi tähendust, mida konkreetne ajavorm teatud kasutuse puhul tähistab. Teisest küljest aga ei saa ka väita, et olevikuvormi kasutamine *praesens historicum*is ja mineviku ajavormi tähendused oleksid täiesti võrdväärsed, kuigi mõlemal juhul väljendatakse minevikulist tegevust või seisundit. Kui originaalteksti autor on pidanud vajalikuks jutustada minevikus aset leidnud sündmustest *praesens historicum*i kaudu (ehk kasutada olevikuvormi metafooriliselt), siis tuleb seda asjaolu ka tõlkes arvesse võtta. Kui nõustuda väitega, et ilukirjanduslikus tekstis ei ole midagi juhuslikku, eriti kui pidada silmas seda, et mõnikord töötavad kirjanikud oma tekstide kallal aastaid ja isegi aastakümneid, neid parandades ja muutes, siis võib eeldada, et nende jaoks on ühtviisi olulised nii süžee kui ka keelelised vahendid (sh grammatilised vormid), mille abil nad oma lugu jutustavad.

Arusaadavalt on suurem osa erinevusi ajalises alas originaali ja tõlke vahel tuvastatavad vaid kahe teksti võrdlemisel. Objektiivsetel põhjustel (originaali keele mittemõistmine, huvipuudus võrdlemise vastu jne) suurem osa lugejaid kahte teksti kõrvutama loomulikult ei hakka. Samas ei tähenda asjaolu, et

lugejad enamasti ei hakka tekstide võrdlemise teel tõlke adekvaatsuse üle otsustama, seda, et tõlkija ei peaks püüdlema tõlke täpsuse poole. Täpsus ei puuduta aga vaid leksikat, milles, nagu arvatakse, väljendub peamine osa tähendusi, vaid ka grammatikat, kus, nagu tõestab see uurimus, ilmnevad originaalteksti autori kavatsused sama selgelt.

Ajasemantika edasiandmisel tõlkes kasutatakse järgmisi mooduseid:

1. Tõlkija valib sihtkeeles **täpse vaste** originaali ajavormile (nt olevikuvorm tõlgitakse eesti keelde samuti olevikuvormiga). Sellisel juhul antakse täpselt edasi ka grammatilise vormiga väljendatav ajasemantika. Oluline on silmas pidada, et eesti keel nõuab sageli rohkem leksikaalseid vahendeid teatud tähenduste väljendamiseks, mis vene keeles ilmnevad konkreetse aspektivormi valikuga (näiteks tegevuse kestvuse või kordumise tähendus). Vene keeles võivad need tähendused tuleneda verbi imperfektiivsest aspektist, eesti keeles aga saab tegevuse kordumist väljendada vaid tegusõnavormiga ainult sel juhul, kui kordumise element sisaldub juba verbi enda leksikaalses tähenduses, vt näide (383).
2. Ühte ja sama semantilist ala võib edasi anda **eri ajavormide** abil ning tõlkija peab tegema valiku. Näiteks kui vene keeles kasutatakse olevikuvormi *laiendatud oleviku* (*расширенное настоящее время*) ja *kestva tegevuse oleviku* tähenduses, millele eesti keeles on sageli vasteks kestva olukorra perfekt, aga mõnikord ka olevikuvorm, vt näide (83). Kestva tegevuse oleviku tõlkimisel eesti keelde mängivad võtmerolli aja väljendamise leksikaalsed vahendid. Ühe või teise ajavormi valik võib muuta terve lause tähenduse varjundit. Olevikuvormi kasutamine muudab öeldu olemuse üldisemaks ja „sõltumatumaks“ ajalisest plaanist ning teistest võimalikest tegevustest või sündmustest. Täismineviku vorm omakorda seob väljendatava tegevuse kindlamalt kõnehetkega, seega kõneleja eelistab perfekti vormi tõenäolisemalt siis, kui soovib luua seose oleviku ja mineviku vahel, vt näide (84).
3. Tõlkes ilmneb ajavormi ja/või semantika **mittevastavus** originaalile. Tuleb rõhutada, et seda tüüpi juhtumid ei ole kõik ühesugused. Ajavormi ja/või selle semantika mittevastavus võib esiteks ilmneda siis, kui sihtkeeles lihtsalt puudub konkreetne vorm, teiseks võib mittevastavus olla tingitud tõlkija isiklikust eelistusest või tõlkestrateegiast. Konkreetse ajavormi puudumisel on selge, et tõlkijal ei olegi teist valikut, kui otsida muid vahendeid soovitud ajasemantika väljendamiseks. Heaks näiteks on vene keele tulevikuvormide tõlkimine eesti keelde, sellistel juhtudel on just esmatähtis säilitada semantiline ala, isegi kui selleks tuleb kasutada muid keelelisi vahendeid.

Tõlkija isiklikust eelistusest või tõlkestrateegiast saab rääkida sel juhul, kui sihtkeeles ei ole takistusi mingi originaaltekstis esineva ajavormi kasutamiseks, kuid mille puhul tõlkija otsustab siiski hoopis teise vormi kasuks. Seejuures säilib küll aja semantiline ala, kuid ilmnevad kaotused öeldu ilmekuses, emotsionaalsuses. Analüüsitud materjalis tuli seda ette näiteks *praesens historicum* tõlkimisel, kui eesti tõlkija eelistas nendes kontekstides preteeritumi, vt näide (381).

4. Tõlkija **ei arvesta** piisavalt oma emakeele **ajavormide kasutusreeglitega** ning seetõttu valib vale vormi. Mineviku ajavormide kasutamise seisukohast on valdavad kahte tüüpi tõlkevead. Esiteks – kasutatakse täismineviku asemel olevikku, teiseks – perfekt asendab preteeritum, kuigi kontekst eeldab esimese kasutamist, vt näited (79) ja (358). Valed vasted esinevad mõnikord ka *laiendatud oleviku* tähenduse edasiandmisel. Mõned eesti keeleteadlased peavad seda vene keele mõjuks. Näib, et kõige sagedasemaks veaks on ennemineviku vormi asendamine preteeritumiga, vt näide (383).

Järgnevalt on ära toodud iga konkreetse aja semantilise ala väljendamise peamised järeldused.

Oleviku semantiline ala:

1) Kõige vähem raskusi tõlkimisel põhjustab olevikuvormi kasutamine selle esimeses tähenduses, kuna sel juhul tõlgitakse seda eesti keelde samuti oleviku ajavormiga.

2) Tõlkimise seisukohast on kõige keerulisemad need olukorrad, kui olevikuvormi kasutatakse originaalis *laiendatud oleviku* või *kestva oleviku* tähenduses, neile on eestikeelseks vasteks sageli kestva olukorra perfekt, samuti mängivad siinkohal olulist rolli muud leksikaalsed vahendid kestvuse edasiandmiseks. Nendes kontekstides olevikuvormi eelistamine võib oluliselt muuta öeldu tähendust.

3) Küllaltki keeruliseks võib pidada ka nn *meenutusminevikku*, mis olles minevikuvormi metafoorkasutus, esitab ümbritsevale kontekstile kõige range-
mad nõudmised. Eriti peab see väide paika vene keele puhul, kuna võib leida näited, kus vene keelt emakeelena kõnelev inimene iga kord ei taju sellist kasutusviisi metafoorsena ning mõistab oma vestluskaaslast valesti, vt näide (71).

Tuleviku semantiline ala:

1) Peamiseks raskuseks vene keele tuleviku vormide tõlkimisel eesti keelde on see, et sihtkeeles puuduvad morfoloogilised vormid tuleviku väljendamiseks ning mitte kõik verbid ei võimalda ka analüütiliste konstruktsioonide kasutamist.

2) Analüüsivast materjalist nähtub, et põhimõtteliselt on tõlkevasteid enamjaolt siiski võimalik leida, raskused tekivad vaid seoses mõningate konkreetsete verbide leksikaaltähendusega.

3) Kui originaalis esineb minevikuvormi metafoorkasutamist ning see väljendab tuleviku semantilist plaani, siis sihtkeeles võivad vasteteks olla nii preteeritum kui ka perfekt.

Mineviku semantiline ala:

1) Eesti keel vajab erinevalt vene keelest enam leksikaalseid vahendeid tegevuse kestvuse, korduvuse väljendamiseks.

2) Vene keele perfekt tähendusega verbile (nii perfektivses kui ka imperfektiivses aspektis) ei vasta eesti keeles alati täismineviku vorm. Näiteks võib vene keele imperfektiivse aspekti tegusõna perfekt tähenduses anda eesti keeles edasi hoopis ennemineviku vormiga. Peamiseks põhjuseks näib olevat see, et eesti

keele täismineviku vormi ei saa kasutada koos konkreetset ajalist lokaliseerimist väljendava lekseemi või sõnaühendiga (vt *The Present Perfect Puzzle* lk 120).

3) Peamiseks tõlkeveaks võib pidada preteeritumi eelistamist täis- ja ennemineviku vormidele, kuigi konteksti ja/või grammatikareeglid nõuavad just viimaste kasutamist.

4) Mineviku semantika väljendamisel teiste ajavormide metafoorkasutuse puhul ilmnevad eesti ja vene keeles olulised erinevused.

Ajas mittelokaliseerituse semantiline ala:

1) Mõlemas uuritavas keeles näivad olevikuvormid kõige paremini sobivat üldiste olukordade väljendamiseks.

2) Kui venekeelses lauses on kasutatud lihttuleviku vormi, siis on eestikeelseks vasteks sageli olevikuvorm ning viide tegevuse tulevikulisusele puudub.

3) Kui vene keeles väljendab minevikuvorm ajas mittelokaliseerituse semantilist ala, siis on tõlkes eestikeelseks vasteks pigem täisminevik kui preteeritum. Näib, et minevikuaegadest sobib just perfekt kõige paremini ajas mittelokaliseerituse tähenduse väljendamiseks.

Analüüsi tulemused on näha Tabelis 8, kus lähtutakse semantilisest alast ning on esitatud vene ja eesti keele ajavormid, mis seda semantilist ala väljendavad. Arvesse on võetud erinevaid klassifikatsioone.

Tabel 8. Ajavormide kasutusviisid ning nende vasted vene ja eesti keeles

Oleviku semantiline ala		
Semantika ja/või kasutusviis	Vene keel	Eesti keel
Kõnehetke olevik ⁶¹ Настоящее момента речи	+ (olevikuvorm IA ⁶²)	+ (olevikuvorm)
Laiendatud olevik Расширенное настоящее	+ (olevikuvorm IA)	+ (perfekti- või olevikuvorm, sõltuvalt ajamäärustest)
Kestva tegevuse olevik Настоящее постоянного действия	+ (olevikuvorm IA)	+ (perfekti- või olevikuvorm, sõltuvalt ajamäärustest)
Meenutusminevik Прошлое припоминания	± (minevikuvorm IA, nõutav kindel kontekst)	+ (preteeritum)
Viisakusminevik Прошлое вежливости	+ (minevikuvorm IA või PA)	+ (preteeritum)

⁶¹ Siin ja edaspidi on kasutatud nii väitekirja autori enda tõlgitud vene ajavormide tähenduste ja kasutusviiside nimetusi, kui võimalusel lisatud ka keeletüpoloogiast laenatud oskussõnu.

⁶² Siin ja edaspidi tähistab IA vene keele imperfektiivset aspekti ja PA – perfektiivset aspekti.

Tuleviku semantiline ala		
Semantika ja/või kasutusviis	Vene keel	Eesti keel
Ühekordse konkreetse tegevuse tulevik Будущее конкретного единичного действия	+ (tulevikuvorm IA või tuleviku-olevikuvorm PA)	+ (olevikuvorm, analüütilised konstruktsioonid)
Kestva tegevuse tulevik Будущее постоянного действия	+ (tulevikuvorm IA)	+ (olevikuvorm, analüütilised konstruktsioonid)
Tavapärase ja korduva tegevuse tulevik Будущее обычного и повторяющегося действия	+ (tulevikuvorm IA või tuleviku-olevikuvorm PA)	+ (olevikuvorm, analüütilised konstruktsioonid)
Üldistava fakti tulevik Будущее обобщенного факта	+ (tulevikuvorm IA)	+ (olevikuvorm, analüütilised konstruktsioonid)
Planeeritud tegevuse olevik Настоящее намеченного действия	+ (olevikuvorm IA)	+ (olevikuvorm, analüütilised konstruktsioonid)
Kujutletava tegevuse olevik Настоящее воображаемого действия	+ (olevikuvorm IA)	+ (olevikuvorm, analüütilised konstruktsioonid)
Minevik tuleviku kontekstis, tuleviku minevik Прошедшее в контексте будущего	+ (minevikuvorm PA)	+ (olevikuvorm, preteeritum või perfekt)
Mineviku semantiline ala		
Semantika ja/või kasutusviis	Vene keel	Eesti keel
Konkreetne ühekordne tegevus minevikus (IA) Прошедшее конкретного единичного действия (НСВ)	+ (minevikuvorm IA)	+ (preteeritum)
Korduv või tavapärase tegevus minevikus (IA) Прошедшее повторяющегося и обычного действия (НСВ)	+ (minevikuvorm IA)	+ (preteeritum, tegevuse kordumisele viitavad leksikaalsed vahendid on vajalikud)
Üldistava fakti minevik (IA) Прошедшее обобщенного факта (НСВ)	+ (minevikuvorm IA)	+ (preteeritum või perfekt)
Aoristiivne tähendus, indefiniitne minevik⁶³ Аористическое значение	+ (minevikuvorm IA) + (minevikuvorm PA)	+ (preteeritum või perfekt)

⁶³ Aorist on verbi minevikuvorm (nt kreeka keeles), mis ei sisalda mingeid viiteid tegevuse kestvuse või lõpetatuse kohta [Oxford Dictionaries]

a) Tulemusperfekt Результативный перфект	+ (minevikuvorm PA)	+ (preteeritum või perfekt))
b) Kogemusperfekt Экспериментальный перфект	+ (minevikuvorm IA)	+ (perfekt)
c) Kestva olukorra perfekt Инклюзивный перфект	+ (olevikuvorm IA)	+ (perfekt)
d) Kuuma uudise perfekt Имmediатный перфект	+ (minevikuvorm PA)	+ (perfekt)
e) Omadusperfekt Качественный перфект	+ (minevikuvorm PA)	+ (sagedamini perfekt, mõnikord preteeritum)
f) Possessiivne⁶⁴ perfekt Поссесивный перфект	+ (minevikuvorm PA)	+ (preteeritum või perfekt)
Ajalooline olevik Настоящее историческое	+ (olevikuvorm IA) + (olevikuvorm PA)	+ (olevikuvorm või preteeritum)
Emotsionaalselt aktualiseeritud olevik Настоящее эмоциональной актуализации	+ (olevikuvorm IA)	+ (olevikuvorm või preteeritum)
Ajas mittelokaliseerituse semantiline ala		
Semantika ja/või kasutusviis	Vene keel	Eesti keel
Abstraktne olevik Абстрактное настоящее	+ (olevikuvorm IA / minevikuvorm IA / minevikuvorm PA)	+ (olevikuvorm või perfekt)
Omadust väljendav olevik Настоящее качественное	+ (olevikuvorm IA)	+ (olevikuvorm)
Potentsiaalne olevik Настоящее потенциальное	+ (olevikuvorm IA)	+ (olevikuvorm)
Instrueerimisolevik (juhendid, reeglid) Настоящее предписания	+ (olevikuvorm IA, imperatiiv ja infinitiiv)	+ (olevikuvorm, imperatiiv ja da-infinitiiv)
Lavaline olevik (näidendites) Сценическое настоящее	+ (olevikuvorm IA)	+ (olevikuvorm)

⁶⁴ Antud juhul ei peeta possessiivse perfekt all silmas perfekt vormi, mis moodustakse abi-tegusõnaga *omata* (nn *HAVE-verb*). Selline perfekt esineb paljudes euroopa keeltes [Heine, Kuteva 2006]. Possessiivse perfekt kohta eesti keeles vt [Lindström, Trigel 2010]. Meie analüüsis tähistab *possessiivne perfekt* teatud perfekt tähendust (mida vene keeles väljendatakse perfektivse aspekti minevikuvormidega), mille puhul rõhutatakse mitte niivõrd minevikus toimunud tegevuse tulemust, mis ilmneb olevikus, kuivõrd minevikulise tegevuse seotust konkreetse tegijaga [Лебедева 1959: 223].

Refereeriv olevik (<i>praesens referens</i>) Настоящее изложения	+ (olevikuvorm IA)	+ (olevikuvorm)
Nominatiivne olevik Настоящее номинации	+ (olevikuvorm IA)	+ (olevikuvorm)
Kujutav olevik Изобразительное настоящее	+ (olevikuvorm IA)	+ (olevikuvorm)
Mitteaktuaalne olevik Настоящее неактуальное 1) tegevuse teostamise võimalikkus/mittevõimalikkus; 2) veendumus, et midagi ei saa toimuda; 3) sunnitud vajalikkuse varjund; 4) vähemalt ühe tegevusakti puudumine; 5) üllatus fakti põhimõttelise võimalikkuse tõttu; 6) soovimatus tegevust teostada; 7) tegevuse modaalse performatiivsuse tähendus; 8) Tegevus kui iseloomulik omadus	+ (tuleviku-olevikuvorm PA) + (tuleviku-olevikuvorm PA) + (tuleviku-olevikuvorm PA) + (tuleviku-olevikuvorm PA eitusega) + (tuleviku-olevikuvorm PA) + (tuleviku-olevikuvorm PA) + (tuleviku-olevikuvorm PA) + (tuleviku-olevikuvorm PA)	+ (olevikuvorm) + (olevikuvorm) + (olevikuvorm või konstruktsioon sõnaga <i>hakkama</i> tuleviku tähenduses) + (olevikuvorm eitusega) + (olevikuvorm) + (olevikuvorm) + (olevikuvorm) + (olevikuvorm)

Analüüsi tulemusi saab kasutada tõlketeoorias ja -praktikas, samuti vene ning eesti keele õpetamisel.

ABSTRACT

On the role of grammar in translation (using Russian and Estonian tenses as an example)

Fiction is often characterized by the multifaceted use of tenses. Although the semantics of temporality occur at different levels of language – at both the lexical and the syntactic – temporality is still considered to be expressed primarily in grammatical temporal forms. Since tenses in different languages are not identical, the translator can have some difficulty in correctly expressing the tenses of the original text in the translation. Tenses in both Russian and Estonian take different forms depending on number and meaning; for example, there is no morphological form of the future tense in Estonian, yet past activity can be expressed in three different forms: simple past, perfect and pluperfect.

Understandably, most of the differences between an original and its translation are only detected by comparing the two texts side-by-side. For objective reasons (lack of understanding of the original language, lack of interest in comparison, etc.), the majority of readers are of course not going to compare the two texts. However, the fact that readers do not usually compare texts to decide on the adequacy of any given translation does not mean that the translator should not strive for accuracy. However, accuracy is not only affected by vocabulary – which, as expected, carries the most meaning – but also by grammar which, as shown by this study, conveys the intentions of the author of the original text.

This thesis has the aim of examining the role of grammatical semantics in translating tenses from Russian to Estonian. To achieve this it is necessary to solve two main tasks. Its first purpose is to examine the importance of the translator's efforts to convey the semantics of the original's temporality, and to determine where inevitable semantic losses occur and where such losses result from the fact that the author's intentions were not sufficiently taken into account or that the original was not fully understood, especially concerning the metaphorical use of tenses. Its second purpose is to clarify how tenses are used in the Estonian language since the metaphorical use of grammatical temporal forms in Estonian has not attracted enough attention so far.

The material for this analysis is selected from Russian fiction and Estonian translations thereof, dating from different periods (19th, 20th and 21st century).

It is important that in the present research the focus of the analysis not be the grammatical forms themselves, but rather the meanings that they express and how, according to these meanings, tenses are classified and studied.

CURRICULUM VITAE

Сирье Купп-Сазонов

Гражданство: гражданка Эстонской Республики
Дата и место рождения: 17.06.1982, Тарту, Эстония.
Адрес: Каунасе пст. 82-49, Тарту
Телефон: 55521577
Адрес эл. почты: sirje.kupp-sazonov@ut.ee

Образование

1988 – 2000 Тартуский лицей Декарта
2002 – 2005 Тартуский университет, отделение славянской филологии, бакалавриат (русская и славянская филология)
2005 – 2007 Тартуский университет, отделение славянской филологии, магистратура (*cum laude*, русская и славянская филология)
2009 – 2015 Тартуский университет, отделение славистики, докторантура (русский язык)

Послужной список

2005 Служба работы с иностранными студентами Тартуского университета, ассистент
2005 – 2007 Международный летний университет Тартуского университета, ассистент
2007 – 2009 AD 3Doors OÜ, руководитель проекта, переводчик
2011 Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, лектор эстонского языка
2009 – ... Отделение переводоведения Тартуского университета, ассистент

Проекты

2012 – 2015 ETF9300 Темпоральность в эстонском и русском языках (функционально-прагматический контрастивный анализ)

Публикации

Kupp-Sazonov, S.; Külmoja, I. 2014. Grammatikakategooriate sekundaarsest kasutusest: vene ja eesti ajavormid. *Eesti Rakenduslingvistika Ühingu aastaraamat*, 10, 177–192.
Kupp-Sazonov, S. 2013. Kas täna on täna ja eile oli eile? // *Aeg*. Tartu: Eesti Looduseuurijate Selts, 74–79.
Купп-Сазонов, С. 2013. Метафорическое употребление форм настоящего времени в русском языке и сложности при их переводе на эстонский.

- Русская филология* 24. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту: Издательство Тартуского университета, 334–337.
- Kupp-Sazonov, S. 2012. Vene-eesti tõlgete mõjust eesti keele minevikuvormide kasutamisele B. Akunini mõningate teoste näitel. *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 113–128.
- Купп-Сазонов, С. 2012. Значение конкуренции (синонимии) видов с точки зрения русско-эстонского перевода. *Русская филология*. 23, Сборник научных работ молодых филологов. Тарту: Издательство Тартуского университета, 164–169.
- Купп-Сазонов, С. 2011. Стратегия versus ошибки переводчика. *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика*. Тарту: Издательство Тартуского университета, 178–191.
- Купп, С. 2011. О некоторых затруднениях при передаче грамматических значений в переводе с русского языка на эстонский, *Русская филология*. 22, Сборник научных работ молодых филологов. Тарту: Издательство Тартуского университета, 171–177.
- Купп, С. 2011. О «переводимости/непереводимости» грамматики. *Русистика и современность*. Рига, 245–248.
- Купп, С. 2010. К проблеме перевода с русского языка на эстонский. *РУССКИЙ ЯЗЫК: исторические судьбы и современность. Труды и материалы*. Москва, 540–541.
- Купп, С. 2009. К проблеме истории и критики перевода с русского языка на эстонский. *Humaniora: Lingua Russica Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика*. Тарту: Издательство Тартуского университета, 116–126.

Основные области исследований

Русско-эстонский перевод, контрастивная грамматика

ELULOOKIRJELDUS

Sirje Kupp-Sazonov

Kodakondsus: Eesti
Sünniaeg ja -koht: 17.06.1982, Tartu, Eesti
Aadress: Kaunase pst 82-49, Tartu
Telefon: 55521577
E-post: sirje.kupp-sazonov@ut.ee

Haridus

1988 – 2000 Tartu Descartes'i Lütseum
2002 – 2005 Tartu Ülikool, slaavi filoloogia osakond, bakalaureuseõpe (vene ja slaavi filoloogia)
2005 – 2007 Tartu Ülikool, slaavi filoloogia osakond, magistriõpe (*cum laude*, vene ja slaavi filoloogia)
2009 – 2015 Tartu Ülikool, slavistika osakond, doktoriõpe (vene keel)

Teenistuskäik

2005 Tartu Ülikooli Välisüliõpilastalitus, assistent
2005 – 2007 Tartu Ülikooli Rahvusvaheline Suveülikool, programmijuhi assistent
2007 – 2009 AD 3Doors OÜ, projektijuht, tõlkija
2011 M. V. Lomonossovi nimeline Moskva Riiklik Ülikool, eesti keele lektor
2009 – ... Tartu Ülikooli Tõlkeõpetuse ja -uuringute osakond, konverentsitõlkeassistent

Projektid

2012 – 2015 ETF9300 Temporaalsus eesti ja vene keeles (funktsionaal-pragmaatiline kontrastiivanalüüs)

Publikatsioonid

Kupp-Sazonov, S.; Külmoja, I. 2014. Grammatikakategooriate sekundaarsest kasutusest: vene ja eesti ajavormid. *Eesti Rakenduslingvistika Ühingu aastaraamat*, 10, 177–192.
Kupp-Sazonov, S. 2013. Kas täna on täna ja eile oli eile? // *Aeg*. Tartu: Eesti Looduseuurijate Selts, 74–79.
Купп-Сазонов, С. 2013. Метафорическое употребление форм настоящего времени в русском языке и сложности при их переводе на эстонский. *Русская филология* 24. Сборник научных работ молодых филологов. Tartu: Издательство Тартуского университета, 334–337.

- Kupp-Sazonov, S. 2012. Vene-eesti tõlgete mõjust eesti keele minevikuvormide kasutamisele B. Akunini mõningate teoste näitel. *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 113–128.
- Купп-Сазонов, С. 2012. Значение конкуренции (синонимии) видов с точки зрения русско-эстонского перевода. *Русская филология*. 23, *Сборник научных работ молодых филологов*. Тарту: Издательство Тартуского университета, 164–169.
- Купп-Сазонов, С. 2011. Стратегия versus ошибки переводчика. *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика*. Тарту: Издательство Тартуского университета, 178–191.
- Купп, С. 2011. О некоторых затруднениях при передаче грамматических значений в переводе с русского языка на эстонский, *Русская филология*. 22, *Сборник научных работ молодых филологов*. Тарту: Издательство Тартуского университета, 171–177.
- Купп, С. 2011. О «переводимости/непереводимости» грамматики. *Русистика и современность*. Рига, 245–248.
- Купп, С. 2010. К проблеме перевода с русского языка на эстонский. *РУССКИЙ ЯЗЫК: исторические судьбы и современность. Труды и материалы*. Москва, 540–541.
- Купп, С. 2009. К проблеме истории и критики перевода с русского языка на эстонский. *Humaniora: Lingua Russica Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика*. Тарту: Издательство Тартуского университета, 116–126.

Peamised uurimisvaldkonnad

Vene-eesti tõlge, kontrastiivgrammatika

DISSERTATIONES PHILOGOGIAE SLAVICAE UNIVERSITATIS TARTUENSIS

1. **Юрий Кудрявцев.** Очерки по русской исторической фонологии и морфологии. Тарту, 1996, 157 с.
2. **Светлана Туровская.** Проблемы изучения модальных смыслов: теоретический аспект (на материале современного русского языка). Тарту, 1997, 138 с.
3. **Елена Погосян.** Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту, 1997, 160 с.
4. **Ирина Белобровцева.** Роман Михаила Булгакова “Мастер и Маргарита”: конструктивные принципы организации текста. Тарту, 1997, 168 с.
5. **Светлана Кульюс.** «Эзотерические» коды романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (эксплицитное и имплицитное в романе). Тарту, 1998, 210 с.
6. **Леа Пильд.** Тургенев в восприятии русских символистов (1890–1900-е годы). Тарту, 1999, 136 с.
7. **Роман Лейбов.** «Лирический фрагмент» Тютчева: жанр и контекст. Тарту, 2000, 143 с.
8. **Валентина Щаднева.** Дискурсивно обусловленные невербализованные компоненты высказывания. Тарту, 2000, 210 с.
9. **Александр Данилевский.** Поэтика «Повести о пустяках» Б. Темиряева (Юрия Анненкова). Тарту, 2000, 154 с.
10. **Татьяна Фрайман.** Творческая стратегия и поэтика жуковского (1800 – первая половина 1820-х годов). Тарту, 2002, 165 с.
11. **Татьяна Троянова.** Антропоцентрическая метафора в русском и эстонском языках (на материале имён существительных). Тарту, 2003, 166 с.
12. **Елена Нымм.** Литературная позиция еронима ясинского (1880–1890-е годы). Тарту, 2003, 169 с.
13. **Эрика-Оксана Хааг.** Функциональная типология и средства выражения причинно-следственных отношений в современном русском языке. Тарту, 2004, 165 с.
14. **Вадим Семенов.** Иосиф Бродский в северной ссылке: поэтика автобиографизма. Тарту, 2004, 176 с.
15. **Роман Войтехович.** Психея в творчестве М. Цветаевой: Эволюция образа и сюжета. Тарту, 2005, 165 с.
16. **Анжелика Штейнгольд.** Отражение древнеславянских верований в русском лексиконе. Тарту, 2006, 202 с.
17. **Катрин Кару.** Уступительные конструкции в эстонском и русском языках. Тарту, 2006, 249 с.
18. **Оксана Паликова.** Двухязычный словарь и функционально значимые связи слова. Тарту, 2007, 140 с.

19. **Тимур Гузаиров.** Жуковский — историк и идеолог николаевского царствования. Тарту, 2007. 156 с.
20. **Татьяна Кузовкина.** Феномен болгарина: проблема литературной тактики. Тарту, 2007. 163 с.
21. **Ольга Бурдакова.** Имперфективация глаголов *v* продуктивного класса в современном русском языке. Тарту, 2008. 194 с.
22. **Ирина Абисогомян.** Становление чешской лексикографии в эпоху национального возрождения: традиции и новаторство. Тарту, 2009. 200 с.
23. **Ирина Табакова.** Основные типы аббревиатур в современном польском языке (к специфике моделей производящих синтаксических структур). Тарту, 2009. 212 с.
24. **Дмитрий Иванов.** Творчество А. А. Шаховского-комедиографа: теория и практика национального театра. Тарту, 2009. 224 с.
25. **Инна Булкина.** Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное. Тарту, 2010. 213 с.
26. **Алексей Вдовин.** Концепт «глава литературы» в русской критике 1830–1860-х годов. Тарту, 2011. 238 с.
27. **Ольга Мусаева.** Рецепция творчества Федерико Гарсиа Лорки в русской культуре (1930–1960-е гг.). Тарту, 2011. 217 с.
28. **Мария Боровикова.** Поэтика Марины Цветаевой (лирика конца 1900-х – 1910-х годов). Тарту, 2011. 150 с.
29. **Ольга Ягинцева.** Этимологическое исследование некоторых диалектных названий предметов домашнего обихода. Тарту, 2014. 129 с.
30. **Ирина Рудик.** Русская тема в сборнике Марины Цветаевой «Версты. Стихи. Выпуск I» (1922 г.). Тарту, 2014. 166 с.
31. **Елизавета Фомина.** Национальная характерология в прозе И. С. Тургенева. Тарту, 2014. 150 с.
32. **Павел Успенский.** Творчество В. Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е гг. – 1917 г.). Тарту, 2014. 214 с.
33. **Константин Поливанов.** «Доктор Живаго» как исторический роман. Тарту, 2015. 262 с.